

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2020
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (338) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Эрик Берн* (1910–1970), американский психолог и психиатр.

Эрик Берн (Леонард Бернштейн) родился в бедной еврейской части Монреаля (Канада) в семье выходцев из России. Его отец — доктор Давид Гиллель Бернштейн — был увлеченным практикующим врачом-терапевтом, он часто брал сына с собой при обходе своих пациентов. Мать Берна — литератор Сара Гордон — была профессиональной писательницей и редактором.

Берн изучал английский язык, психологию и проходил подготовительный курс медицины в Университете Макгилла в Монреале. В том же самом университете Берн получил степени доктора медицины и магистра хирургии, а затем уехал в Соединенные Штаты, где получил американское гражданство и поначалу стал психиатрическим ординатором, прикомандированным к клинике при Медицинской школе Йельского университета. Реагируя на антисемитские настроения, широко распространившиеся в то время, Бернштейн изменил свою фамилию, стал Берном и начал практиковать в качестве частного психиатра в Норфолке, штат Коннектикут. Во время Второй мировой войны Берн вступил в Армейский медицинский корпус как психиатр и именно там начал работать с группами. В течение 1960-х годов он не только писал книги и практиковал в качестве частного консультанта, но и одновременно занимал несколько должностей. Берн был консультантом по психиатрии при главе медицинского управления армии США; лечащим психиатром в Клинике психической гигиены администрации ветеранов; лектором, читавшим

курс групповой терапии в Нейропсихиатрической клинике Лэнгли-Портера, а также в Стэнфордской психиатрической клинике; адъюнкт-психиатром в Больнице Горы Сион, Сан-Франциско.

Книга Берна «Игры, в которые играют люди» на протяжении двух лет продавалась многотысячными тиражами. В ней психоаналитик рассказал о принципах, на которых базируется теория трансакционного анализа, в основе которой лежит представление о сознании человека как композиции трех состояний Я: Родитель, Взрослый, Ребенок. Доктор Берн остроумно назвал 120 игр, в которые люди втягиваются (например, «Холодный мужчина», «Все из-за тебя», «Попался, сукин сын», «Загнан в угол», «Алкоголик») и объяснил, как они работают. Кроме того, он описал испытанные, интеллектуально изящные антиигры, с помощью которых можно освободиться от любой из этих игр — если только захотеть. Изложенные в первой книге принципы стали основой для других работ автора. После нее в скором времени мир увидели следующие книги: «Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных», «Люди, которые играют в игры», «Психика в действии», «Секс в человеческой любви», «Лидер и группа» и другие.

Эрик Берн был трижды женат, и накануне своей смерти развелся со своей третьей супругой. Он умер от сердечного приступа. Работу, начатую Берном, продолжили многие его бывшие коллеги, посещавшие семинары ученого в Сан-Франциско.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Апарина Д. А., Амиров Р. Н.

Реализация принципов достаточности и своевременности профилактики правонарушений при избрании следователем меры пресечения 161

Асонова Е. С.

Актуальные проблемы регулирования международными организациями выполнения международно-правовых норм, а также нормотворчества в условиях активной трансформации и развития международно-правовых отношений 163

Аушев И. Б.

К вопросу об организационных основах управления в органах внутренних дел Российской Федерации 165

Ахмедова Х. А.

Проблемы охраны и обеспечения прав и свобод жертв домашнего насилия в РФ 168

Аюбов Л. С.

Некоторые проблемы освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия 170

Бабаева И. Э.

Перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений 172

Байрит А. В.

Регулирование государственного заказа в Итальянской Республике и Королевстве Испании 175

Белова В. А.

К вопросу о совершенствовании правового режима защиты произведений в сети Интернет 178

Белоусов Н. В.

Правовая природа коммерческого представительства 180

Берзина А. И.

Вопросы охраны прав потребителей в ретроспективе 184

Бодакова О. В.

Процессуальные последствия неявки сторон в судебное заседание по уважительной причине в гражданском процессе в Республике Беларусь 187

Бойко Т. В., Бикалова Н. А.

Направления совершенствования банковского надзора 189

Бойко Т. В., Бикалова Н. А.

Ликвидность банка как предмет банковского надзора 191

Быков С. А.

Оспаривание сделок должника с неравноценным встречным исполнением при проведении процедур несостоятельности (банкротства) ... 194

Быков С. А.

Правовое положение адвоката при проведении процедуры несостоятельности (банкротства) граждан 196

Васильев К. Е.

Институт квазисоучастия в самоубийстве 198

Васильева К. И., Жеребцов Д. В.

Проблемы и перспективы совершенствования нормотворческой деятельности правоохранительных органов (на примере МВД РФ и ФСИН России) 201

Вахранева М. А.

К вопросу о правовой природе договора теплоснабжения 202

Власова Е. Л., Андропов В. В., Торосян А. С. Антимонопольная политика современной России.....	205	Горина А. С. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	221
Власова А. В. Перспективы развития семейной медиации в России	208	Долгова Л. А. К вопросу эффективности наказания в отношении лиц женского пола.....	224
Воробьева П. Д. О некоторых вопросах юридической ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности на рынке медицинских услуг	211	Дукова Д. А. Порядок усыновления и передачи ребенка в приемную семью.....	228
Вуккет М. А. Понятия «миграция», «мигрант», «беженец», «внутреннее перемещенное лицо». Актуальное состояние миграционной ситуации в Европейском Союзе.....	214	Думаревская С. В., Дюкарев В. В. Проблемы правового регулирования лишения специального права как меры административного наказания	229
Горбунова А. М. Реализация принципа состязательности в гражданском процессе в условиях пандемии	217	Емельянов И. В. Система страхования вкладов как правовое явление	231
Горина А. С. История становления ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в российском законодательстве	218	Ермоленко А. А. Об участии России в международном автоматическом обмене финансовой информацией	234

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Реализация принципов достаточности и своевременности профилактики правонарушений при избрании следователем меры пресечения

Апарина Дарья Андреевна, слушатель;

Амиров Равил Нураддин оглы, слушатель

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

В статье авторы рассматривают вопросы о профилактической деятельности следователя при решении вопроса об избрании меры пресечения. Авторы делают акцент на реализацию принципов достаточности и своевременности в ходе указанной деятельности.

Ключевые слова: избрание меры пресечения, профилактическая деятельность следователя, основания избрания меры пресечения, принципы своевременности и достаточности профилактических мер.

Предупреждение и предотвращение преступлений и правонарушений представляет собой межотраслевую проблему. Так, основным нормативно-правовым актом в указанной области является Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, кроме этого, превентивные нормы также содержатся в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) и др.

Статья 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в числе субъектов профилактики называет федеральные органы исполнительной власти, а также следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. Так как уголовно-процессуальное право является отраслью, непосредственно связанной с преступностью во всех ее проявлениях, напрашивается вывод, что именно органы предварительного расследования обладают высоким потенциалом предупреждения и предотвращения преступлений. Безусловно, сам по себе уголовно-процессуальный кодекс не ставит перед собой первоочередную задачу по предотвращению преступлений, тем не менее отдельные его положения являются весьма эффективными по предупреждению и предотвращению преступлений.

Например, часть 2 статьи 73 УПК РФ обязывает лицо, осуществляющее предварительное расследование, принять меры к установлению обстоятельств, способствующих совершению преступления, а также дополнительные обстоятельства при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: условия жизни

и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших его по возрасту (пункты 2–3 части 1 статьи 421 УПК РФ).

Однако наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживают положения, предусмотренные пунктами 2–3 части 1 статьи 97 УПК РФ, в соответствии с которыми законодатель в качестве оснований для избрания меры пресечения в числе прочих называет наличие достаточных данных о том, что обвиняемый, подозреваемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, а также угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Избрание следователем меры пресечения сопоставимо с такой формой профилактической деятельности как объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (пункт 3 части 1 статьи 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что меры пресечения являются превентивно-обеспечительным средством обеспечения надлежащего поведения лица, к которому они применены, предупреждения совершения им новых преступлений, а также защиты прав потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного судопроизводства от возможных угроз со стороны этого лица.

Наиболее действенной в этом смысле мерой пресечения является заключение под стражу. Но всегда ли из-

брание указанной меры пресечения будет соответствовать принципам своевременности и достаточности профилактических мероприятий? По данным ФСИН России в 2019 году в СИЗО содержалось 31 964 подсудимых. В этот же период было совершено 151 преступление (из которых: убийства (ст. 105 УК РФ) — 3; умышленные причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) — 6). При этом сотрудники ФСИН России не предотвратили ни одного преступления против личности [4].

В соответствии со статьей 4 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ реализация мер профилактики должна осуществляться последовательно и своевременно, что означает учет вида профилактики правонарушений и форм ее осуществления. Кроме того, своевременность применения мер профилактики предполагает их реализацию с целью достижения наибольшего превентивного результата. Принципы объективности и достаточности применения мер профилактики правонарушений означают необходимость применения именно тех мер профилактики, которые наиболее эффективно позволят достичь профилактического результата [3]. При этом необходимо осуществлять экономию мер профилактики правонарушений, то есть применять лишь те меры, которые действительно позволят достичь нужного результата. Обратимся к некоторым примерам. Так, осенью 2020 года в СМИ появилась новость о смерти известного противника наркоторговцев и педофилов с неонацистским прошлым Максима Марцинкевича (Тесака) в Челябинском СИЗО № 3. Это событие породило массу вопросов и сомнений в обществе. В беседе с журналистом «МК» бывший сиделец поделился с корреспондентом о возможных причинах смерти Тесака. Основными причинами, по мнению мужчины, стали сложные отношения с остальными заключенными (выражавшиеся в избиениях «при удобном случае» ввиду прошлого образа жизни), а также администрацией СИЗО «...Просто Тесак стал не нужен администрации, а со стороны братвы поддержки не было. Тем более он сознался в ряде эпизодов, и ему грозил новый срок... Он принял решение уйти, потому что понимал: очередного срока в таких условиях не выдержит» [2]. Также в качестве примера смерти в СИЗО можно привести опубликованное весной 2016 года Новой газетой очередное вызвавшее бурные обсуждения расследование о смерти юриста фонда Hermitage С. Магнитского, согласно которому С. Магнитский «в крайне тяжелом состоянии был доставлен из Бутырки в тюремную больницу СИЗО «Матросская тишина», где и скончался при до сих пор окончательно невыясненных обстоятельствах. Известно лишь, что ... медицинской помощи ему оказано не было, ... врачи отсутствовали, а бригаду «скорой помощи» так долго не пускали в СИЗО, что в итоге прибывшим врачам осталось лишь констатировать смерть» [1].

На наш взгляд, в указанных случаях следователи, осуществлявшие производство по уголовным делам, допустили серьезную ошибку, избрав в отношении обвиня-

емых в качестве меры пресечения заключение под стражу, так как с точки зрения принципов своевременности и достаточности необходимо применять именно те меры профилактики, которые действительно позволят достичь нужного профилактического результата. Безусловно, с одной стороны, эти лица не совершили преступлений, не продолжили заниматься преступной деятельностью, и профилактическая цель следователя выполнена, однако, с другой — последствия избрания такой меры пресечения в корне противоречат самому назначению уголовного судопроизводства. Считаем, что наиболее целесообразным решением следователей в описанных выше ситуациях стало бы избрание меры пресечения в виде домашнего ареста.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым дополнить статью 99 УПК РФ «Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения» и изложить ее в следующей редакции: «При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, криминологическую характеристику личности подозреваемого или обвиняемого», а также часть 1 статьи 107 УПК РФ «Домашний арест» и изложить ее в следующей редакции: «Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, а также в отношении подозреваемого или обвиняемого с ярко выраженной криминальной направленностью, когда применение меры пресечения, предусмотренной статьей 108 настоящего кодекса, может повлечь необратимые последствия».

Таким образом, следователю при решении вопроса об избрании меры пресечения необходимо наиболее тщательно, в полной мере подходить к изучению личности обвиняемого, а также учитывать характер и степень общественной опасности деяния, поведение обвиняемого, подозреваемого, наличие судимостей, смягчающих и отягчающих обстоятельств, личностных характеристик (возраст, вменяемость, состояние здоровья), общественно-бытовую и профессиональную характеристики, наличие семьи, постоянного места работы, учебы, жительства. Кроме этого, необходимо руководствоваться принципами профилактической деятельности, продумывать возможные варианты развития событий в случае избрания конкретной меры пресечения. Только комплексный подход и должный уровень внимательности может не только в полном объеме обеспечить соблюдение прав и свобод человека в рамках уголовного судопроизводства при избрании меры пресечения, в том числе такой, как заключение под стражу, но и сохранить жизнь подозреваемого, обвиняемого.

Литература:

1. «Как меня убивали. Письменные показания Сергея Магнитского об обстоятельствах собственной смерти». — Текст: электронный // НОВАЯ ГАЗЕТА: [сайт]. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/04/18/68260-171-kak-menya-ubivali-187>.
2. Страшная тайна камеры Тесака: «Оттуда много покойников вынесли». — Текст: электронный // МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ: [сайт]. — URL: <https://www.mk.ru/social/2020/10/10/strashnaya-tayna-kamery-tesaka-ottuda-mnogo-pokoynikov-vynesli.html>.
3. Тепляшин, П. В. Эффективность гуманизма в профилактике преступлений // Российский следователь. 2013. № 14. с. 36–39.
4. Характеристика лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах. — Текст: электронный // Федеральная служба исполнения наказаний: [сайт]. — URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOIT/>.

Актуальные проблемы регулирования международными организациями выполнения международно-правовых норм, а также нормотворчества в условиях активной трансформации и развития международно-правовых отношений

Асонова Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Данная статья посвящена проблеме научного исследования в сфере регулирования международными организациями выполнения международно-правовых норм, а также непосредственного нормотворчества международных организаций в условиях активной трансформации и развития международно-правовых отношений.

Ключевые слова: международные организации, международно-правовые нормы, правоотношения, международные договоры, нормотворчество, международно-правовые санкции.

В современном мире между учеными и правоведами все чаще возникает вопрос о наиболее глубоком исследовании юридических наук в части, касающейся исследования международных правоотношений между государствами посредством участия последних в различных международных организациях. В настоящее время международные организации являются одним из основных механизмов регулирования в современном мире международных отношений между организациями и государствами-членами. Посредством активной работы международных организаций осуществляется анализ различных международно-правовых норм, обсуждение перспективы дальнейшего их использования, в том числе реализации и внедрения международно-правовых норм в нормативно-правовые акты, с последующим контролем их исполнения в социальной жизни международного сообщества.

В данной статье я бы хотела акцентировать внимание на проблему научного исследования в сфере регулирования государствами-членами международных организаций выполнения международно-правовых норм, а также непосредственного нормотворчества международных организаций в условиях активной трансформации и развития международно-правовых отношений.

Одним их важнейших источников международного права является международный договор. [2, с. 112]

Наиболее обширное понятие международного договора указывает в своем труде ученый и правовец Вирко Н. А., поясняя понятие международного договора, как соглашение между государствами или иными субъектами международного права, заключенное в письменной форме, содержащее взаимные права и обязанности сторон независимо от того, содержатся они в одном или нескольких документах, а также независимо от его конкретного наименования. [1, с. 23] По смыслу данного понятия необходимо отметить важность содержания в соглашении не только взаимных прав сторон, но и их обязанностей.

Однако, проведя анализ некоторых международно-правовых актов и договоров можно заметить проблему в отсутствии в международно-правовых нормах их санкционной составляющей. Хотелось бы подчеркнуть важность и необходимость их присутствия в международных документах, так как, именно посредством санкций и своего рода «наказаний» со стороны государств-членов, входящих в ту или иную международную организацию, осуществляется и поддерживается соблюдение международно-правовых норм государствами.

Так основные возможные санкции в международных отношениях между государствами-членами Совета Безопасности ООН описываются в ст.ст. 41–42 Устава ООН.

В соответствии со ст. 41 Устава ООН, Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. [3]

В соответствии со ст. 42 Устава ООН, если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов Организации. [3]

Считаю важным отметить и подчеркнуть, что именно научное юридическое исследование и анализ проблемы международно-правовых норм в части касающейся санкций, могло бы способствовать регулированию многих международно-правовых конфликтов, так как непосредственно сами международно-правовые санкции предусматривают недопущение, а также сдерживание противоправных действий и нарушений международно-правовых норм международными организациями и государствами-членами данных организаций.

Одним из явных примеров проблемы регулирования и соблюдения международно-правовых норм в современном мире считаю необходимым отметить военный конфликт между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения в так называемом «Карабахском конфликте», основой которого является проблема о правовом статусе, а также принадлежности Нагорного Карабаха к той или иной Республике.

Как известно, «Карабахский конфликт» существует с 1987 года. Многие страны, участники международных организаций, неоднократно пытались урегулировать данный конфликт между вышеуказанными странами посредством мирных переговоров, а также внесения предложений по вопросам недопущения ведения военных действий на тер-

ритории Нагорного Карабаха. При этом хочу отметить, что Республика Армения и Азербайджанская Республика входят во многие международные организации, в том числе в ООН и ОБСЕ, основными направлениями которых являются поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

Проведя анализ действий Азербайджанской Республики и Республики Армения на территории Нагорного Карабаха, мы видим наглядное несоблюдение последними международно-правовых норм, указанных в уставе ООН.

На мой взгляд, введение санкций против Азербайджанской Республики и Республики Армения, может являться гарантией предотвращения военных действий на территории Нагорного Карабаха и может способствовать началу мирных переговоров между указанными Республиками, а также активизации стремления Азербайджанской Республики и Республики Армения к решению о правовом статусе Нагорного Карабаха, а также его принадлежности к одной из стран, либо признанию последнего обособленной и независимой Республикой.

Считаю необходимым провести среди научного сообщества анализ и исследование введения международно-правовых санкций, как неотъемлемую часть международно-правовой нормы, так как последние являются «базисом» для осуществления нормотворческой деятельности международных организаций и государств-членов. В свою очередь нормотворчество международных организаций является важнейшей деятельностью всех международных организаций, так как создание международно-правовой нормы, является отправной точкой для составления и утверждения нормативно-правовых актов той или иной международной организации в зависимости от ее компетенции, а также основополагающей единицей установленных международной организацией правил поведения, следование которым является необходимым и неуклонным для международных организаций и входящих в них государств-членов.

Литература:

1. Вирко, Н. А. / Международное право / М.: Эксмо, 2007. — 100 с.
2. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / — Изд. 3^е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.
3. «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 17.10.2020). — Текст: электронный.
4. «Парижская хартия для Новой Европы» (Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Париже 21 ноября 1990 года) URL: https://ombudsmanrf.org/world/document/osce_docs (дата обращения: 17.10.2020). — Текст: электронный.
5. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 год) URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 17.10.2020). — Текст: электронный.

К вопросу об организационных основах управления в органах внутренних дел Российской Федерации

Аушев Имран Багаудинович, слушатель
Академия управления МВД России (г. Москва)

В настоящее время одной из ключевых задач в правовом поле считается упорядочение отношений общественного характера. Прежде всего, это обусловлено тем, что результат и цель правового регулирования в данной сфере состоит в установлении соответствующего правопорядка.

Являясь социальной сложной системой, государство осуществляет социальное управление с помощью правоохранительных органов. Именно поэтому так важно и актуально исследование вопросов организации государственного управления в системе органов внутренних дел Российской Федерации.

Управление в современном обществе проявляется в следующих основных видах:

- общественное управление;
- государственное управление.

Под государственным управлением принято понимать управление общественными делами, которое осуществляется в государстве его политической системой.

В системе государственного управления необходимым и важным элементом считается правовая регламентация функций и задач. Таким образом, государственное управление закрепляет разделение труда, а также приводит к исключению подмены и дублирования одних органов другими органами, приводит к повышению ответственности каждого элемента государственного аппарата.

Нормативные и законодательные акты фиксируют полномочия государственных органов, в результате чего закрепляется их деятельность, которая становится целеустремленной и упорядоченной.

Многие ученые отмечают, что в настоящее время наблюдается смешение таких понятий, как «государственное управление» и «государственное регулирование» определенными сферами управления и жизнедеятельности государства как способа организации деятельности аппарата, который обеспечивает упорядочение системы государственного органа. Однако, в исследовании Д. Н. Бахраха подчеркивается, что управленческие функции могут считаться типичными способами взаимодействия информационного характера между объектами и субъектами социального управления. Так, ученый отмечает, что они являются специализированными самостоятельными видами деятельности административного характера [1].

По мнению автора статьи, данная позиция ученого близка к пониманию основных функций управления, в которых выделяют функции операции, функции задачи, функции процессов управления и функции систем управления.

Для каждого государственного органа управления характерны специфичные функции — задачи управления,

которые отражают цель функционирования и создания государственного органа. В то же время, функции — операции — это технология управленческих процессов, которая одинакова для всех органов.

Правоохранительная система органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД РФ) считается исполнительной властью и не может не принимать участия в решении основных политических задач государственного управления. Именно поэтому в настоящее время представляют интерес вопрос исследования моделей управления системами ОВД РФ [2].

Как уже было подчеркнуто ранее, ОВД РФ — это определенная совокупность государственных органов управления. В частности, об этом говорится в пункте 5 Положения о МВД России [3].

Проведенное исследование существующего в Российской Федерации государственного управления органами внутренних дел позволяет выделить несколько моделей управления, в частности:

1. Классическая модель управления. Согласно данной модели исследуются лишь регионы: области или края. При такой модели управления органами внутренних дел осуществляется анализ проблем территориального характера в сфере системы управления ОВД РФ в конкретной области или крае Российской Федерации. На основе выделенных проблем осуществляется их сопоставление с другими областями Российской Федерации. Таким образом, при сопоставлении можно выделить конкретные рекомендации по устранению существующих проблем.

2. Смешанная модель управления, в рамках которой проводится анализ областей, краев, республик и регионов. Стоит подчеркнуть, что содержание смешанной модели управления сводится к поиску проблем внутреннего характера в региональных системах управления ОВД РФ. Такой анализ осуществляется с учетом основных территориальных единиц, которые входят в состав регионов, республик, краев и областей.

Таким образом, содержание представленных выше моделей управления в ОВД РФ может нас подвести к формированию еще одной модели государственного управления в ОВД РФ.

3. Межрегиональная или окружная модель управления, при которой на уровне федеральных округов осуществляется анализ окружных региональных образований. В рамках этой модели происходит исследование основных проблем на окружном уровне в сфере управления ОВД РФ. К примеру, в качестве объекта анализа может быть определение региона, в котором затруднено нормальное создание систем управления ОВД РФ, исследу-

дование причин таких ситуаций. В рамках проведенного анализа осуществляется разработка механизма преодоления существующих проблем.

4. Федеральная модель управления, предполагающая проведение анализа системы управления ОВД РФ как подсистемы государственного управления. Таким образом, в рамках такой модели управления изучаются основные проблемы правовой и организационной структуры системы органов внутренних дел в Российской Федерации.

Также деятельность ОВД РФ регулируется с помощью принятия соответствующих административных регламентов. Рассмотрим их особенности более подробно.

Административные регламенты представляют собой многоуровневую систему, которую состоит из актов, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Данные регламенты позволяют установить внутренние процедуры организации и работы, обеспечить исполнение законодательных норм и других нормативно-правовых актов. Их основная функция заключается в детальном и системном подзаконном регулировании работы органов исполнительной власти и их должностных лиц [4]. Регулирование осуществляется путем закрепления четких административных процедур, административных действий и требований к их совершению. Доктрина российского административного права признает, что административные регламенты представляют собой разновидность управленческих правовых актов. Им присущи аналогичные признаки, что и всей совокупности этого типа нормативно-правовых актов [5].

Таким образом, административный регламент является правовым актом, который устанавливает стандарты по исполнению государственных функций. Иными словами, данный нормативно-правовой документ содержит ряд обязательных требований к основным элементам работы органов исполнительной власти. Таковыми являются показатели, содержание, порядок совершения, качество действий по управлению, процедуры и процессы. Совокупность данных элементов позволяет эффективно реализовать государственные функции исполнительными органами государственной власти. При этом исполнительные органы не выходят из области своей компетенции и действуют в интересах государства, гражданских и юридических лиц [6].

Следует отметить, что административные регламенты являются вторичными по отношению к нормативно-правовым актам, которые устанавливают полномочия органов исполнительной власти. В регламентах содержится ряд административных предписаний, которые позволяют регулировать общественные отношения [7]. Как правило, они основаны на нормативно-правовых актах, которые определяют правовой статус и область компетенции органов исполнительной власти. Однако, непосредственно органы исполнительной власти правовую регламентацию не регулируют. Получается, что регламентами определяются отношения, которые возникают в ходе практической

работы органов исполнительной власти, направленной на реализацию права [8].

Таким образом, административный регламент представляет собой комплексный документ: с одной стороны, он является нормативно-правовым актом, с другой — документом, который включает в себя положения из нормативно-правовых актов, обладающих более высокой юридической силой. Помимо этого, регламент содержит справочную информацию. Следует отметить, что регламенты применяются не только органами исполнительной власти. Законодательная и судебная власти также опираются на основные положения административного регламента, который регулирует вопросы организации и внутренней работы [9].

С точки зрения теории административного права, само понятие «административного регламента органа исполнительной власти» подразумевает особый тип административных нормативно-правовых актов, которые позволяют регулировать административные процедуры. Данное понятие является родовым, поэтому оно не отражает особенности, которые характерны для регламентов конкретных видов деятельности, которые имеют определенные отличия. Общий термин сохранил только одну черту, которая объединяет все виды регламентов — это административные процедуры [10].

Однако, все виды регламентов, разделенных по родовому предмету, объединены в единую систему административных регламентов органа исполнительной власти, что позволяет классифицировать их по ряду критериев. Следует отметить, что каждый исследователь административного права предлагает свою систему классификации [11]. Например, Ноздрачев А. Ф. считает, что административные регламенты следует классифицировать по видам административных процедур. При этом предмет регламентирования принимается за единственно-верный, содержательный критерий, который позволяет установить различия между административными регламентами [12].

По его мнению, только предмет регламентации отражает сущность, роль, предназначение и особенности административного регламента, что позволяет относить его к определенному виду. Если административные регламенты классифицируются по другим критериям, можно говорить об их практическом и познавательном значении, однако, они носят дополнительный характер. Последние классифицируются по критериям, которые приняты в научной и учебной литературе, посвященной такому разделу юриспруденции, как административное право.

Образование внутриорганизационных регламентов обусловлено попыткой модернизировать предмет и методы административно-правового регулирования [13]. Для осуществления данной цели была проведена децентрализация государственного управления, управленческие акценты сместились на функции государственного регулирования и контрольно-надзорные. Наконец, в исполнительных органах были сформированы такой новый компонент, как предоставление публичных услуг. Помимо этого, из всех нормативно-правовых актов, которые

определяют законодательную базу административных регламентов, первыми были приняты акты, которые регулируют вопросы оформления внутриорганизационных регламентов. А вот административный регламент, который позволил регулировать порядок взаимодействия между ведомствами, был принят намного позднее.

Ряд исследователей считает, что разделение регламентов на два вида является условным, поскольку нормативно-правовые акты внутренней организации федеральных исполнительных органов зачастую регулируют внешние процедуры. В свою очередь, регламенты, рассчитанные на внешнее управление, содержат определенный процент внутриорганизационных процедур. При этом ученые убеждены, что приведенные различия являются очевидными, особенно если они касаются степени «представленности» определенных процедур [14].

А если сопоставлять последние более детально, можно выявить ряд различий не только по общим критериям, но и по содержанию и форме. Действительно, административные регламенты различаются как по юридическим признакам, так и по структуре. И это не говоря о том, что внутренние и внешние регламенты могут занимать разное положение в системе административных нормативно-правовых актов. При этом и внутриорганизационные и внешнеуправленческие регламенты являются административными актами, цель которых — установить строгую систему административных процедур [15].

Помимо предложенного разделения административных регламентов на два вида, теоретики права предлагают классифицировать данные нормативно-правовые акты по уровню уполномоченного нормотворческого органа исполнительной власти. В этом случае говорят о федеральных, региональных и муниципальных административных регламентах. Если регламенты были утверждены федеральными органами исполнительной власти, их, в свою очередь, классифицируют по организационно-правовой форме (регламенты федеральных министерств, федеральных служб, федеральных агентств).

Существует классификация по количеству участников, которые наделены нормотворческими функциями. В част-

ности, речь идет о единоличных и совместных регламентах. Последние принимаются в случаях, когда несколько органов исполнительной власти выполняют аналогичные публичные функции или предоставляют аналогичные государственные услуги. Общая теория права выдвигает постулат, что совместные нормативно-правовые акты имеют большую юридическую силу, в связи с чем совместные административные регламенты должны соответствовать высоким требованиям обязательности.

Помимо этого существует разделение регламентов по характеру закрепляемых и регулируемых полномочий. Различаются административные регламенты исполнения собственных полномочий и исполнения переданных полномочий. Делегирование полномочий подразумевает издание нормативно-правовых актов в соответствии с доктриной административного права, согласно которому вышестоящий орган исполнительной власти может предоставить временное право нижестоящей инстанции на утверждение нормативно-правового акта. При этом издание данного акта и его утверждение по-прежнему находится в компетенции вышестоящего органа [16].

Наконец, в отдельную группу административных регламентов выделяют электронные регламенты, которые определяются Концепцией административной реформы РФ как административные регламенты, которые реализуются при помощи современных информационных технологий на всех этапах выполнения административных действий [17].

Таким образом, понимание сложности и важности основных задач ОВД РФ, а также их нормативное закрепление, в том числе в административных регламентах, способствуют повышению результативности государственного управления в правоохранительной сфере. Исследование существующего в Российской Федерации государственного управления органами внутренних дел позволяет выделить несколько моделей управления, в частности: классическую модель, смешанную модель, межрегиональную модель, федеральную модель управления.

Литература:

1. Маилян, С. С. Роль правоохранительных органов в системе государственного управления // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. с. 171–172
2. Глебова, Н. А. Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач ее развития до 2020 г. // Пенитенциарная наука. 2011. № 13. с. 25–31.
3. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 25.12.2019) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 26.12.2016, № 52 (Часть V), ст. 7614.
4. Давыдов, К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории / Под ред. Ю. Н. Старилова. М.: Nota Bene, 2010. с. 19.
5. Морозова, О. В. Административные процедуры в Российской Федерации, США, ФРГ: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2010. с. 18

6. Чуковенков, А. Ю. Административные регламенты исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг) // Секретарь-референт. № 4. 2007. URL: https://www.profiz.ru/sr/4_2007/adm_reglamenty/ (20.10.2019).
7. Гаврилов, А. М. О назначении и некоторых особенностях административных регламентов как правовых актов управления // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). с. 39–43.
8. Ломакина, В. Ф. Развитие института административных процедур (на примере формирования нормативной правовой базы административных регламентов федеральных органов исполнительной власти) // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 5 (57). с. 93–101.
9. Геннинг, К. П. Понятие и сущность административного регламента // Сибирское юридическое обозрение. 2012. № 2 (19). С. 15–19.
10. Коротчаева, О. А. Административные регламенты в реализации контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти // Вестник ВятГУ. 2014. № 4. с. 86–92.
11. Губерская, Н. Л. Современные подходы к классификации административных процедур // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Право. 2014. № 8. с. 45–53.
12. Ноздрачев, А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика / А. Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. — 2011. — № 8. с. 5–41.
13. Трунина, Е. В. Актуальные проблемы теории административных регламентов федеральных органов исполнительной власти // Социально-политические науки. 2012. № 4. с. 28–30.
14. Соколова, Ю. А. Административно-правовое регулирование процессуальных и процедурных аспектов реализации правотворческих полномочий федеральных органов исполнительной власти // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. № 61. 2012. с. 24–33.
15. Гаврилов, А. М. О назначении и некоторых особенностях административных регламентов как правовых актов управления // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). с. 39–43.
16. Дзыбова, С. Г. Институт делегированного законотворчества // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. с. 131–134.
17. Муленко, Н. В. В ногу со временем: электронные административные регламенты // Вестник БелЮИ МВД России. 2013. № 1. с. 47–49.

Проблемы охраны и обеспечения прав и свобод жертв домашнего насилия в РФ

Ахмедова Хасбика Ахмедовна, студент
Филиал Дагестанского государственного университета в г. Кизляре

Статья посвящена изучению роли семьи в современном обществе и вопроса домашнего насилия. Автор рассматривает причины отрицания и умалчивания насилия в семье.

Ключевые слова: *насилие в семье, закон, домашнее насилие, абьюзивные отношения, семья.*

Семья — это фундаментальный социальный институт, малая группа, развивающаяся и функционирующая по своим законам. Она зависит от общества, существующего политического строя, экономических, социальных и религиозных отношений. И одновременно семья — относительно самостоятельная ячейка общества.

Домашнее насилие — это не семейный конфликт, это преступление, при котором один из партнёров получает контроль над другим человеком, а главной целью абьюзера является получение власти путём нарушения личных границ, унижения, жестокости и подавления воли жертвы.

21 век, мир не стоит на месте, и общество всё также высоко превозносит семейные ценности. Люди почитают, ценят и охраняют свои традиции, обычаи и закон РФ, но, тем не менее, по статистике семейное насилие в Россий-

ской Федерации происходит в 70 % семей, и чаще всего жертвами данного преступления в 80 % являются женщины и дети. К сожалению, статистика всё ещё не является точной, так как многие жертвы бытового насилия стараются умолчать, скрыть данный факт, или в большинстве своем они настолько привыкли к каждодневному бытовому насилию и существующему неравенству, что либо не замечают его, либо прямо одобряют. Стоит отметить, что давление, оказываемое на жертву, является основной причиной молчания. Смелость и открытая дискуссия о проблеме, которую многим не хочется замечать, вызывают не только массовую апатию, но и избитую обвинительную реакцию: «сама виновата», «зачем об этом вообще говорить», «если не ушла, значит всё устраивает». Но никто не хочет признать, что разумнее и эффективнее стремиться к тому, чтобы одни люди перестали

насиловать других, а общество прекратило закрывать на это глаза, осуждать жертв или воспринимать это как должное.

В насильственных отношениях может иметь место цикл насилия, во время которого нарастает напряженность и совершается акт насилия, за которым следует период примирения и спокойствия. Жертвы домашнего насилия могут оказаться в ловушке ситуации из-за изоляции, власти и контроля, травмирующих связей с обидчиком, культурного признания, нехватки финансовых ресурсов, страха, стыда, или из-за защиты детей. В результате жертвы могут испытывать физические отклонения, нерегулярную агрессию, хронические проблемы со здоровьем, проблемы с финансами, серьезные психологические расстройства, такие как посттравматическое стрессовое расстройство, что в дальнейшем может повлиять на плохую способность создавать здоровые отношения.

Согласно ежегодному отчету Women, Business and the Law 2018, касающийся законодательства в сфере защиты прав женщин Россия входит в число стран, чьи законы хуже всего защищают женщин от насилия, стоит отметить, что и в 2020 году всё ещё отсутствует закон о защите жертв домашнего насилия, а правительство РФ отказывается от предложения ужесточить ответственность за нанесение побоев. Как сообщает ТАСС со ссылкой на заявление пресс-центра МВД РФ, «Такие изменения признаны нецелесообразными, поскольку усматривается несоответствие административной ответственности и уголовной», — пояснили правоохранители.

5323 р. — это средний штраф за домашнее насилие в России в 2020 году, столько нужно заплатить за побои в семье. Если в семье произошли побои, согласно КоАП РФ ст. 6.1.1. государство обяжет семью выплатить штраф из семейного бюджета, и в данном случае чаще всего страдает жертва не только из-за своего финансового положения, но и из-за того что жертве насилия приходится снова возвращаться к агрессору. О защите от домашнего насилия не может быть и речи. Чувство безнаказанности привело к усилению агрессии со стороны абьюзеров.

На сегодняшний день общество не хочет и не готово признавать домашнее насилие, как пережиток прошлого. Обеспечить жертвам насилия, будь то мужчина или женщина, полноценную защиту, обращений в полицию было бы в разы больше. Поэтому необходимо создать условия, чтобы человек чувствовал себя в безопасности, — направлять в кризисные центры или отселять тирана.

Закон против домашнего насилия принят уже в 156 странах мира. Если брать во внимание опыт других стран на примере Швеции, то она известна как одна из наиболее равноправных для мужчин и женщин стран в мире,

но, к сожалению, домашнее насилие не искоренено и в этой стране, однако законодательство Швеции считается «передовым» в данном вопросе. К нынешнему законодательству Швеция шла постепенно. Финансирование борьбы — от психологических программ до убежищ для жертв — власти считают своей задачей. Один из принципов работы шведского правосудия в этом вопросе в том, что домашнее насилие это не частное, а публичное дело.

Важно понимать, что насилие имеет разные проявления, которое не ограничивается лишь сексуальным, это психологическое, физическое и экономическое насилие и жизнь требует реакции.

К сожалению, определения домашнего насилия в Российском законодательстве нет, как и самого закона о семейно-бытовом насилии, что значительно усложняет задачу защиты и помощи жертвам абьюзеров.

Депутат Государственной думы Оксана Пушкина первая кто довел законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» до рассмотрения в Государственной думе. 29 ноября 2019 года проходило обсуждение концепции данного законопроекта. Впоследствии свою позицию сразу после публикации эксперты и Русская православная церковь раскритиковали официальную версию законопроекта, так как данный проект разрушает «традиционно-семейные» и «духовно-нравственные» ценности. Русская православная церковь оппонировала зампредседателя комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, соавтора нашумевшего законопроекта Оксана Пушкина. Депутат порадовалась тому, что работа вызвала большой общественный интерес и что высказалась РПЦ. Однако подчеркнула: критика должна быть конструктивной, соавторы инициативы готовы к диалогу со всеми неравнодушными к проблеме, в том числе с духовенством. «Представители Русской православной церкви пользуются огромным авторитетом, но вместе с тем не обладают правом законодательной инициативы.

Законопроект — это дело депутатского корпуса. Согласна с тем, что государство не должно вмешиваться в дела семьи, но оно обязано защищать своих граждан, в том числе многочисленных жертв домашнего насилия. Мнение РПЦ должно быть обосновано, а не голословно», — заявила Пушкина СМИ.

Исходя из всего вышесказанного, нужно сделать выводы, что данный законопроект не только нужен, но и необходим в нашем современном Российском обществе, мы должны признать, что в нашей стране есть такая проблема и о ней надо говорить. Домашнее насилие надо предупреждать. Ведь там, где оно предупреждено, преступления снижаются на 30–35 %.

Литература:

1. Никошкова, Е. В. Англо-русский словарь по психологии. — М.: АбиПресс, 2009. — с. 46.
2. Екатерина Сажнева. Эксперты оценили вероятность принятия закона о домашнем насилии//Московский Комсомолец, 20.12.2019.

3. Домашнее насилие в России, РИАНОВОСТИ (11.07.2013).
4. <http://www.instagram.com/p/CHabocAsNm6/?igshid=1dbopszedqham>

Некоторые проблемы освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия

Аюбов Лом-Али Султанович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности в соответствии со статьей 90 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются обстоятельства, с которыми уголовный закон связывает такое освобождение. Указывается на недостатки уголовно-правовых норм о данном виде освобождения и практики их применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия.

Some problems of releasing a minor from criminal liability with the use of compulsory measures of educational influence

Ajubov Lom-Ali Sultanovich, student master's degree programs
Saratov State Law Academy

The article discusses problematic aspects of exemption from criminal liability in accordance with article 90 of the Criminal Code of the Russian Federation. The circumstances with which the criminal law links such release are analyzed. Indicates the shortcomings of the criminal law on this type of release and the practice of their application.

Key words: criminal liability, exemption from criminal liability, minor, compulsory measures of educational influence.

Одной из приоритетных задач государства является сокращение роста правонарушений и преступлений, которые совершают несовершеннолетние, а также повышение эффективности процесса предупреждения таких деяний.

Следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора могут прекратить уголовное преследование в отношении несовершеннолетнего и подать в суд ходатайство о применении в отношении лица, не достигшего возраста совершеннолетия принудительных мер воспитательного воздействия, определенных ч. 2 ст. 90 УК РФ [1]. При этом обязательно должно быть установлено, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания. Именно в подобных случаях уголовное дело совместно с ходатайством может быть направлено в суд.

В ч. 1 ст. 90 УК РФ предусмотрено, что «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправ-

ление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия».

В ч. 2 ст. 90 УК РФ указано: «несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего».

Перечень не является исчерпывающим, так как суд на свое обоснованное и мотивированное усмотрение, с учетом характера несовершеннолетнего, его привычек, особенностей поведения и личности, а также в целях достижения исправления несовершеннолетнего назначает справедливое и уместное ограничение каких-либо его прав и свобод.

К подросткам в возрасте 16–18 лет принудительные меры воспитательного воздействия надлежит применять

реже, чем к несовершеннолетним от 14 до 16 лет. Это обусловлено более развитым сознанием представителей первой возрастной группы, более правильным пониманием ими общественной опасности совершаемых действий, а также наступивших последствий. В связи с этим, например, применение к ним предупреждения как меры практически бессмысленно, в то время как действенной будет такая мера, как обязанность загладить причиненный ущерб [3].

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [2] разъяснено, что «суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ».

Освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно лишь при совершении преступлений небольшой или средней тяжести.

Если суд сочтет целесообразным, то на основании ч. 3 ст. 90 УК РФ он может назначить несколько принудительных мер воспитательного воздействия, указывая в своем решении продолжительность срока применения этих мер.

В ч. 3 ст. 90 УК РФ определен срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, он является дифференцированным в зависимости от категории совершенного преступления и устанавливается продолжительностью «от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести и от шести месяцев до трех лет — при совершении преступления средней тяжести», но на основании п. 34 постановления от 01.02.2011 № 1 действие мер прекращается по достижении лицом 18-летнего возраста.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 27.10.2020-ФЗ) // Российская газета. 1996. 18 июня.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 4.
3. Акутаев, Р. М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Российская юстиция. 2014. № 4. с. 26–30
4. Джалилов, М. Г. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и от наказания // The Scientific Heritage. 2019. № 41–3 (41). с. 50–53.

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия является условным. Ч. 4 ст. 90 УК РФ предусматривает, что в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера отменяется, и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности [4].

Одной из проблем является отсутствие в ст. 90 УК РФ целей применения принудительных мер воспитательного воздействия. Как представляется, цель применения принудительных мер воспитательного воздействия должна быть определена следующим образом: восстановление социальной справедливости, исправление несовершеннолетнего осужденного и предупреждение совершения несовершеннолетним новых преступлений.

Законодатель также не счел нужным привести определение систематического неисполнения таких мер как основания их отмены. Не определено в уголовном законе и то, каким органом должен производиться контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия, в то время как нам видится необходимым закрепление перечня специальных органов в законе.

С нашей точки зрения, в качестве специализированных государственных органов, контролирующих исполнение принудительных мер воспитательного воздействия, должны выступать:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- отделы (отделения) по профилактике правонарушений несовершеннолетних органов внутренних дел;
- специализированные образовательные учреждения (школы, профессиональные училища, техникумы и т. д.).

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить определенные проблемы освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия и предложить некоторые пути их решения.

Перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений

Бабаева Илахе Эльчиновна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Анализ существующих представлений о системе научных положений криминалистической методики, как заключительного раздела криминалистической науки, приводит к убеждению, что эта система остается незавершенной и страдает неполнотой ее структурных элементов и недостаточным уровнем коммуникационной связи с практической деятельностью.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая методика, уголовное право, преступление, расследование преступлений.

Main trends in the Russian banking system and some prospects for its improvement

Babaeva Ilakhe Elchinovna, student master's degree programs
Togliatti State University (Tolyatti)

The analysis of the existing concepts of the system of scientific provisions of forensic techniques, as the final section of forensic science, leads to the belief that this system remains incomplete and suffers from incomplete structural elements and an insufficient level of communication with practical activities.

Keywords: criminalistics, criminalistic technique, criminal law, crime, investigation of crimes.

Несмотря на то, что системный подход к определению содержания и структуры теоретической части криминалистической методики применялся на всех этапах ее развития [9], однако это происходило стихийно.

В совершенстве нуждается система научных положений криминалистической методики, которая должна быть целостной, определяющаяся внутренней непротиворечивостью ее элементов, их функциональными связями.

При всем при этом, системный подход позволяет сформировать целостное представление о теоретической части криминалистической методики за счет включения в ее содержание накопившихся в науке инновационных научных положений, к которым относятся:

— «понятие заключительного раздела криминалистики и положения о его структуре;

— сферы применения и субъектность методических рекомендаций;

— понятие общего метода судебного исследования преступлений и положения о его структуре и источниках информационного обеспечения эффективности его применения;

— понятие частной криминалистической методики, принципы разработки и построения частных методик расследования и частных методик судебного разбирательства уголовных дел и представления о их структуре, систематизации и правилах адаптации» [15, с. 75].

Задача применения системного подхода к созданию целостного представления о системе научных положений криминалистической методики заключается в том, чтобы выявить ее структуру, описать содержание структурных

элементов и функциональные связи между ними. Именно такой подход был характерен для научных трудов по криминалистике РС. Белкина [1, с. 298–307]

Исходя из изложенного, систему научных положений криминалистической методики можно представить следующим образом:

1. Понятие криминалистической методики расследования преступления. Проведенный в настоящей магистерской диссертации обзор взглядов на понятие криминалистической методики показал, что данное понятие формулируется применительно к деятельности органов предварительного расследования, тогда как методические рекомендации могут применяться и судебными органами. В связи с чем, криминалистическая методика должна определяться как заключительный раздел криминалистики, основанный на системы научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению судебного исследования и предотвращения отдельных видов преступлений [14, с. 13–17].

Рассмотрение понятия криминалистической методики в качестве первого элемента системы ее теоретической части обусловлено, в частности, тем обстоятельством, что оно по отношению к другим элементам этой системы выполняет роль руководящего начала, отражает потребности практики о расширении сфер и субъектов применения рекомендаций криминалистической методики и достигнутые в этой связи научные знания;

2. Положения, отражающие понятие, структуру и источники информационного обеспечения общего ме-

года судебного исследования преступлений, находящегося в стадии научной разработки.

3. Понятие частной методики расследования и понятие частной методики судебного разбирательства уголовных дел, а также принципы разработки и построения данных криминалистических методик и правила их адаптации и систематизации.

Таким образом, предпринятая попытка по-новому взглянуть на сложившуюся систему научных положений заключительного раздела криминалистики с учетом достигнутых знаний в данной области науки может послужить новым импульсом для дальнейших исследований этой сложной проблемы.

Одной из тенденцией развития всех сфер общественных отношений, является их информатизация.

Для современной стадии развития общества и экономики характерно:

- увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества;

- возрастание числа людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте;

- нарастающая информатизация общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;

- создание глобального информационного пространства, обеспечивающего:

- эффективное информационное взаимодействие людей;

- их доступ к мировым информационным ресурсам;

- удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах [5, с. 13].

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» [81] отмечено, что состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности (п. 18).

К сожалению, криминалистика как наука и учебная дисциплина, несмотря на декларируемую прикладную направленность ее разработок, пока не соответствует указанным параметрам информационного общества, а всеми перечисленными в Доктрине недостатками характеризуется в полной мере. Далее следует рассмотреть проблемы и перспективы развития криминалистических методик, с учетом новых информационных технологий и обозначенных характеристик обновляющегося общества.

Общеизвестно, что большая часть «продуктов» науки издается в печатном виде (монографии, диссертации, пособия, учебники и т. п.). Между тем, в настоящее время издание научной литературы в бумажном виде дело весьма

затруднительное и зачастую неэффективное. При этом, большинство людей используют сложную мобильную технику — смартфоны и планшеты на операционных системах iOS, Android, Windowsmobile и др., на которых установлено современное программное обеспечение, позволяющее читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент. В связи с чем, криминалистам необходимо разрабатывать внедрять «продукцию» в различных вариантах, в зависимости не от сложившихся научных традиций, а от тенденций потребления, характеристики «типичного потребителя» [6, с. 77].

Изучение результатов методико-криминалистических исследований, а также наблюдение за динамикой их внедрения в практику демонстрируют несколько значимых закономерностей. Авторы большинства публикаций, посвященных общим положениям методики расследования преступлений (как научного раздела) и руководители соответствующих научных школ (поскольку большинство открытых изданий, как правило, диссертационные разработки и их производные — монографии и научные статьи) отстаивают или подразумевают некий императивный подход к формированию методик.

Так, констатируя кризис заключительного раздела криминалистики, равно как и науки в целом, А. В. Шмонин, вслед за многими авторами, говорит о необходимости определения парадигмы, ключевой идеи, лежащей в основе концепции криминалистической методики. Автор уверен в необходимости унификации не только терминологического аппарата, но и структуры методики (как научного раздела), формировании единых подходов в формировании принципов построения частных методик, их структур и содержания [16, с. 4–5].

Ни в цитируемой работе, ни во многих аналогичных, пропагандирующих императивный подход к формированию криминалистических методик как продукта науки, нельзя найти, к примеру, доводов о необходимости информатизации процесса и результата формирования методик, а также учета мнения практических работников по поводу самой необходимости и ключевых характеристик (включая внедренческих) того самого конечного продукта науки, который последние применяют на практике.

Названный императивный подход в современных условиях вряд ли жизнеспособен. Пора прийти к примирительному суждению: сценарии и структуры формирования криминалистических методик, вероятно, могут и должны быть самыми разными, в зависимости от назначения конкретной методики (например, научно-диссертационная, учебная, практическая и др. [3, с. 287–293]), целевой аудитории, научной школы, формы изложения и других параметров. Нет, и, по всей видимости, не может быть единственно верного сценария, формы, унифицированной методологии создания методик.

Так, существует несколько научных школ, несколько парадигм формирования методик. Одна из них, домини-

рующая, наиболее распространенная, вошедшая в большинство учебников по криминалистике, основана на идеях Р. С. Белкина, И. А. Возгрин и других ученых.

Существенно отличающиеся сценарии формирования криминалистических методик предложили научные школы под руководством профессоров: А. Ф. Лубина [8], В. Е. Корноухова [11], В. К. Гавло [4] и других ученых. Думается, в данных тезисах нет необходимости подробно анализировать эти сценарии. Они подробно рассмотрены в ряде крупных научных работ последних лет по методологии криминалистической методики [10]. В отношении каждого из этих сценариев научных школ можно высказать позитивные суждения, подчеркнуть достоинства.

Итак, разные подходы имеют право на жизнь. В связи с чем не имеет оснований полемика относительно различных структур, принципов формирования и использования, и т. п. криминалистических методик расследования. Методологических сценариев, вероятно, должно быть несколько. Современные методики могут как дополнять друг друга, быть «смежными» по своему содержанию, так и конкурировать между собой, рассматривая один предмет, а значит — борясь за внимание к себе и за масштабы внедрения в деятельность целевой аудитории, массы «конечных потребителей».

При этом на самом деле с наибольшей остротой в настоящее время встает проблема не формирования, а внедрения научной продукции криминалистики в целом, и криминалистической методики в частности. М. В. Субботина все способы внедрения разделила на три вида: обучение; издание научной литературы для самостоятельного изучения; компьютеризация расследования (внедрение специализированных программ) [12, с. 79]. Однако постиндустриальная эпоха, современное информационное общество диктуют новые правила. Соответственно перечень способов внедрения может и должен быть расширен и уточнен.

В целом можно сформулировать ряд предложений по проблеме внедрения.

Во-первых, масштабная критика методик, а также резкий скачок «в постиндустриальную эпоху» предопределяют выводы о том, что в настоящее время мало сформировать только лишь саму такую — текстовую научно-ориентированную криминалистическую методику расследования преступлений. В задачи автора-разработчика входит реализация разработанной им методики.

Во-вторых, необходимо системное расширение традиционного для криминалистики круга адресатов, в число которых нужно включать потерпевших. В связи с чем необходимо активизировать и внедрять вместе с достижениями криминалистической методики — крими-

налистическую виктимологию как самостоятельное научно-криминалистическое направление [2, с. 4].

В-третьих, необходимо расширить разработку и применение кратких рекомендаций в виде памяток, а также специальных программных продуктов, в том числе, в виде электронных приложений для мобильных телефонов, компьютеров [7, с. 28–32].

В-четвертых, необходимо расширить и упорядочить опыт свободного внедрения практико-ориентированных криминалистических методик в электронной форме путем:

— рассылки через интернет в правоохранительные и судебные органы,

— распространения CD и DVD-дисков, распространения публикаций через сайты вузов, а также: соцсети, Youtube,

— размещение в определенных местах кратких объявлений с QR-кодом для скачивания контента и т. п. определенному кругу адресатов (ученые, практические работники, студенты и т. п.) и иными способами в электронном виде.

В-пятых, целесообразно активизировать разработку и внедрение рекомендаций в аудиовизуальном формате: видеолекции, интервью, подкасты и т. п.

Перечисленные направления должны быть обеспечены уточнением парадигмы науки криминалистики, а также разработкой жизнеспособной, эффективной методологии формирования и внедрения соответствующих научных продуктов.

Проведенный анализ практики и проблем применения криминалистической методики, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, задача оптимизации криминалистической научной деятельности, увеличение ее результативности и эффективности, выявляют ряд проблем, касающиеся основных понятий криминалистической методики, ее технологического аспекта, содержание отдельных структурных элементов. Не является совершенными и методики расследования некоторых преступлений, что отражается на эффективности расследования данных преступлений. Все это обуславливает необходимость обновленного подхода ко всем методикам расследования преступлений, отличающимся от некоей устоявшейся парадигмы, но не разрушающий ее основ, научных традиций.

Во-вторых, постиндустриальная эпоха, современное информационное общество диктуют новые правила внедрения методических рекомендаций на практику, посредством расширения и упорядочения практико-ориентированных криминалистических методик в электронной форме.

Литература:

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1977. 690 с.
2. Бурданова, В. С., Быков В. М. Виктимологические аспекты криминалистики. Ташкент, 1981. 79 с.
3. Возгрин, И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. 416 с.

4. Гавло, В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 333 с.
5. Гармаев, Ю. П. Криминалистическая методика в эпоху информационного общества // В сборнике: Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития. Доклады Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ. Башкирский государственный университет. 2017. с. 12–21.
6. Гармаев, Ю. П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. с. 71–80.
7. Гармаев, Ю. П. Правовое просвещение и правовое информирование в оперативно-разыскной деятельности и в уголовном процессе // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44). с. 28–32.
8. Гармаев, Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 187 с.
9. Жбанков, В. А. Принципы системного подхода в криминалистике и в практической деятельности органов внутренних дел при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. М., 1977. 250 с.
10. Косарев, С. Ю. Криминалистическая методика расследования преступлений (становление и перспективы развития). СПб., 2005. 460 с.
11. Курс криминалистики. Общая и Особенная часть / Под ред. В. Е. Корноухова. В 3-х томах. М: Юрист, 2010–2014. 880 с.
12. Субботина, М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград. 2004. 424 с.
13. Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
14. Чурилов, С. Н. Понятие и структура криминалистической методики нуждаются в расширении // Вестник криминалистики. Вып. 1 (41). М.: Спарк, 2012. с. 13–17.
15. Чурилов, С. Н., Толпекин К. А. Структурные коррективы системы научных положений криминалистической методики // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Научные труды. Сборник научных трудов кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и управления МГПУ. Москва, 2020. с. 75–80.
16. Шмонин, А. В. Методология криминалистической методики: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.

Регулирование государственного заказа в Итальянской Республике и Королевстве Испании

Байрит Андрей Вячеславович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются системы государственного заказа в Италии и Испании, проводится исследование органов государственной власти, осуществляющих, как законодательное регулирование, так и непосредственно осуществляющих общественные закупки, исследуется нормативно-правовая база данной отрасли и определяются особенности «уникальные» особенности систем общественных закупок в указанных зарубежных странах.

Ключевые слова: государственный заказ, государственные закупки, зарубежный опыт, правовое регулирование, Италия, Испания.

Regulation of public procurement in the Italian Republic and the Kingdom of Spain

Bajrit Andrej Vjacheslavovich, student master's degree programs
Moscow University of Finance and Law

This article examines the public procurement systems in Italy and Spain, conducts a study of public authorities that carry out both legislative regulation and directly carry out public procurement, examines the regulatory framework of this industry and identifies the «unique» features of public procurement systems in these foreign countries.

Key words: government order, government procurement, foreign experience, legal regulation, Italy, Spain.

Рассматривая регулирование государственного заказа в зарубежных странах, нельзя не обратить внимание на страну, занимающую в Европейском союзе третье место по ВВП — Италию.

Итальянская модель госзакупок построена на смешанном варианте. Законодательное регулирование госзакупок осуществляется Советом министров (Consiglio dei ministri) Итальянской Республики, в частности Министерством инфраструктуры и транспорта (Ministero delle infrastrutture e dei trasporti) или Министерством экономического развития (Ministero dello Sviluppo Economico) [1]. А в качестве органов непосредственно осуществляющих общественные закупки выступают обособленные государственные компании, как например Consip SpA, подконтрольная Министерству экономики и финансов (Ministero dell'Economia e delle Finanze). Кроме того, ряд автономных регионов с особым статусом, как например Сардиния или Сицилия, так же обладают полномочиями принимать региональное законодательство о госзакупках.

Нормативно-правовая база построена на законодательстве Европейского союза, а так же ряде национальных актов — Кодексе государственных контрактов (Codice dei contratti pubblici) и актах Национального управления по борьбе с коррупцией (Autorità Nazionale AntiCorruzione).

Интересным представляются значительные требования, выдвигаемые к участникам публичных тендеров. Так, для участия в закупке поставщик обязан иметь [2, ст. 80–83]:

1. Гражданство Италии или другой страны Евросоюза, либо постоянное место жительства в Италии.

2. Отсутствие окончательно подтвержденных нарушений в части законодательства о социальном страховании, уплаты налогов, преступлений в области профессиональной этики и иных составов, предусмотренных ст. 80 Кодекса государственных контрактов.

3. Объем выполненных работ, произведенных за 5 лет до даты публикации тендера, составляющий не менее начальной суммы контракта, предлагаемого к подписанию.

4. Суммарный объем затрат на персонал составляющий не менее 15 % от объема работ, произведенных за 5 лет до даты публикации тендера.

5. Наличие технической возможности, позволяющей выполнить контракт и подтверждаемой документацией, например, сертификатами, выданными институтами или официальными службами, отвечающими за контроль качества.

Контроль за соответствие указанным требованиям осуществляется с помощью двухуровневой системы сертификации [8, с. 89]:

1. В основу первого уровня лежит сертификация на соответствие серии европейских стандартов UNI EN ISO 9000, проводимой специальными аккредитованными

европейскими организациями, например, Det Norske Veritas.

2. В основу второго уровня лежит аттестация национальным требованиям, проводимая итальянскими органами сертификации (Societa Organismi di Attestazione).

В результате можно сделать вывод о том, что Итальянская система общественных закупок представляет собой крайне закрытую систему, при которой присутствие потенциальных иностранных участников рынка достаточно проблематично в виду сложного бюрократического механизма, что так же отмечал и Балацкий Е. В. [7], указывая, что доля зарубежных поставщиков в госзакупках Италии составляет не более 3,8 % от общей суммы всех участников закупок.

Так же, немаловажное место при рассмотрении зарубежного опыта правового регулирования государственного заказа является рассмотрение общественных закупок в Испании.

По своему типу система госзакупок Королевства Испании представляет смешанную модель, близкую к децентрализованной модели Российской Федерации. В ней общее руководство закупками осуществляется Министерством экономики и финансов (Ministerio de Economía y Finanzas), а правом на организацию закупочных процедур уполномочены локальные административные субъекты государства и автономных сообществ. Кроме того, значительную роль в регулировании госзакупок имеет Консультативный совет по государственным закупкам (Consejo asesor de contratación pública de España), создаваемый как при Министерстве финансов, так и в каждом автономном регионе, например, в Кастилии и Леоне. Основной обязанностью данного совета является введение списка компаний допущенных для участия в госзакупках и государственного реестра контрактов.

Законодательство Испании в области государственных закупок представляет собой достаточно сложное переплетение норм Европейского союза и национального права. Помимо вышеназванных актов ЕС, как например, Директивы 2014/24/EU «О государственных закупках», в число нормативно-правовых актов сходит:

— Закон «О контрактах в государственном секторе» от 09.11.2017 № 9/2017 [3].

— Королевский указ, утверждающий Положение о специальных процедурах рассмотрения решений по договорным вопросам и организации Центрального административного суда по договорным ресурсам от 11.09.2015 № 814/2015 [4].

— Приказ Министерства экономики и финансов «О инструкции по работе на Государственной контрактной платформе» от 30.04.2008 № ЕНА/1220/2008 [5].

— А так же целый ряд указов Короля, приказов министерств и иных органов власти.

Кроме того, ряд автономных регионов с особым статусом, как например Арагон или Галисия, так же обладают полномочиями принимать региональное законодательство о госзакупках и иметь собственную информационную систему госзакупок.

Достоинством представляется наличие множества возможных процедур, для определения поставщика, которые можно подразделить на 2 большие группы: стандартные и нестандартные процедуры.

К стандартным процедурам, применяемым к большинству закупок, можно отнести:

1. Открытый тендер [3, ст. 159], при котором в любое юридическое лицо может подать предложение при условии, что оно подтверждает требования платежеспособности, требуемые в конкретных административных положениях. Так же существует два дополнительных варианта данной процедуры:

Упрощенная открытая процедура, применяемая в контрактах на выполнение работ, оценочная стоимость которых меньше 2 000 000 евро, и в контрактах на поставки или услуги, оценочная стоимость которых меньше 100 000 евро. Ее преимуществами является ускоренный срок проведения (15 дней) и обязанность в опубликовании информации только на национальном портале.

Открытая экспресс-процедура, применяемая для контрактов на работы с оценочной стоимостью менее 80 000 евро и контрактов на поставку и обслуживание с оценочной стоимостью менее 35 000 евро. Она так же имеет ускоренный срок проведения (10 дней), а ее участники освобождены от обязанности подтверждать финансовую или техническую обеспеченность.

2. Ограниченный тендер [3, ст. 160], при котором принимать участие могут только те поставщики, которые были выбраны заказчиком.

К нестандартным процедурам, применяемым в предусмотренных законом случаях, можно отнести:

1. Процедура переговоров, при которой заказчик определяет победителя после общения с различными кандидатами и согласования условий контракта с одним или несколькими из них. Причинами осуществления переговоров могут быть проектные работы, или в случае, если заказчик не может определить технические характеристики закупаемого товара [3, ст. 167].

2. Процедура конкурентного диалога, аналогичной процедуре переговоров, за исключением того, что при нем участники могут подавать альтернативные предложения, а технические характеристики носят менее четкий характер [3, ст. 172].

Процедура ассоциации по инновациям (конкурс проектов), применяемая для разработки новых работ, услуг и продуктов, и их последующего приобретения [3, ст. 177].

На основании представленных данных, можно сделать вывод о том, что указанными положениями Испанский законодатель в значительной мере решает проблему поставки «сложных товаров», при которой ответственное лицо заказчика, ввиду своего непрофессионализма, просто не может определить наиболее верные технические параметры, в отличие от поставщиков, являющихся специалистами в своей отрасли. По нашему мнению, заимствование процедуры переговоров или диалога в российское законодательство теоретически сможет позитивно повлиять на решение схожей проблемы наблюдаемой в нашей стране.

Литература:

1. Provvedimenti Ministeri attuativi codice dei contratti № 50/2016 // [Электронный ресурс]: Sito d'informazione professionale in materia di appalti «Sentenzeappalti.it». — (<https://www.sentenzeappalti.it/atti-attuativi-del-codice-dei-contratti>) (дата обращения: 26.09.2020).
2. Codice dei contratti pubblici. Decreto Legislativo 18.04.2016 n. 50 // [Электронный ресурс]: Codice dei contratti pubblici. — (<https://www.codicecontrattipubblici.com>) (дата обращения: 26.09.2020).
3. Ley 9/2017, de 8 de noviembre, de Contratos del Sector Público, por la que se transponen al ordenamiento jurídico español las Directivas del Parlamento Europeo y del Consejo 2014/23/UE y 2014/24/UE, de 26 de febrero de 2014. // [Электронный ресурс]: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado «BOE.es». — (<https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2017-12902>) (дата обращения: 27.09.2020).
4. Real Decreto 814/2015, de 11 de septiembre, por el que se aprueba el Reglamento de los procedimientos especiales de revisión de decisiones en materia contractual y de organización del Tribunal Administrativo Central de Recursos Contractuales. // [Электронный ресурс]: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado «BOE.es». — (<https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10304>) (дата обращения: 27.09.2020).
5. Orden EHA/1220/2008, de 30 de abril, por la que se aprueban las instrucciones para operar en la Plataforma de Contratación del Estado. // [Электронный ресурс]: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado «BOE.es». — (<https://www.boe.es/boe/dias/2008/05/01/pdfs/A22260-22264.pdf>) (дата обращения: 27.09.2020).
6. Балацкий, Е. В. Протекционистская политика на рынке государственных закупок в России и за рубежом [Текст] / Е. В. Балацкий, А. Б. Гусев, Н. А. Екимова. // М.: Языки славянской культуры, 2007. — 112 с.
7. Иванов, В. В. Механизмы управления государственными закупками [Текст]: монография / В. В. Иванов, И. И. Григ. — М.: Инфра-М, 2018 г.

К вопросу о совершенствовании правового режима защиты произведений в сети Интернет

Белова Влада Александровна, студент

Научный руководитель: Черничкина Галина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье анализируется механизма защиты интеллектуальных прав в сети Интернет, выявляются некоторых пробелов законодательства РФ, а также предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторские права, интернет, интеллектуальная собственность, гражданское законодательство.

В современном мире одной из важнейших сфер жизни общества является интеллектуальная сфера, играющая значительную роль в повседневности каждого человека. К сожалению, ежедневно совершаются нарушения интеллектуальных прав, особенно ярко это проявляется в сети Интернет. С каждым годом нарушений становится все больше, так как легкодоступность материалов и минимальная их защищенность порождает отсутствие мотивации на создание собственного произведения, толкая на активное заимствование.

По данным информационных агентств, процент нелегального использования интеллектуальной собственности в сети Интернет составляет: в ФРГ — 58 %, Франции — 59, Финляндия — 48, Швейцарии — 43, России — до 96 %. Данная статистика еще раз напоминает о необходимости четкой регламентации современного законодательства, основанной на выявленных ниже правовых и практических проблемах, устраняя которые, можно свести к минимуму нарушения интеллектуальных прав в сети Интернет.

В настоящее время актуальность вопроса применения мер юридической ответственности за несанкционированное размещение, пользование материалами, содержащими объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет не вызывает сомнения, поскольку число пользователей сетью увеличивается, а количество скачанных пиратских копий книг, фильмов растёт. Так, около трёх миллиардов рублей в год теряют авторы книг из-за того, что в 95 % случаев копии книг можно скачать в сети Интернет [10, с. 56]. Любое лицо, физическое или юридическое, может опубликовать фотографии, картинки, художественные произведения, документы без согласия автора, выдав эти результаты интеллектуального труда за свои собственные. Несмотря на это, если некое лицо публикует материал без указания информации об авторе, это не освобождает опубликовавшее лицо от ответственности в случае несанкционированного использования данного материала или произведения. Автор произведения может не получить ту прибыль, которая причиталась бы ему в случае продажи своего произведения через торговую сеть или магазин, либо иными способами.

Лицо, не соблюдающее интеллектуальные авторские права, является лицом, нарушившим действующее гражданское законодательство [5, с. 163].

На данный момент существуют различные меры ответственности в случае нарушения интеллектуальных прав в сети Интернет. Сфера защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации на данный момент находится на стадии развития. Не всегда возможно выявить нарушителя, размер компенсации за нарушение исключительного права не всегда пропорционален последствиям нарушения, в связи с чем возникает большое количество споров в данной сфере.

Кроме того, стоит отметить, что лишь в 2013 г. в системе арбитражных судов был создан специализированный суд — Суд по интеллектуальным правам [4], рассматривающий дела, связанные с охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Как отмечает Г. Н. Черничкина, «с начала деятельности Суда по интеллектуальным правам начала формироваться единая практика применения законодательства об интеллектуальных правах» [8, с. 140].

В тоже время, на момент создания Суда по интеллектуальным правам, Федеральным законом от 02 июля 2013 г. [2] из подведомственности арбитражных судов, споры связанные с защитой исключительных прав на фильмы в сети Интернет, и по которым приняты предварительные обеспечительные меры, были отнесены к подсудности Московского городского суда. В последствие, федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ [3] действие мер защиты было расширено на авторские права и смежные права за исключением прав на фотографические произведения. Несмотря на вполне успешное применение Московским городским судом обеспечительных мер по защите прав на произведение и объекты смежных прав, полагаем, что законодательство о защите авторских и смежных прав нуждается в конкретизации в связи с существующими различными случаями нарушения исключительного права. Поэтому, по нашему мнению, законодательство в области защиты интеллектуальных авторских прав в сети Интернет нуждается в конкретизации и направления его совершенствования могут быть следующие.

Первое, полагаем что в законодательстве должен быть отражен принцип необходимости соблюдения баланса между свободой распространения информации и авторскими интеллектуальными правами. О принципе ба-

ланса интересов авторов/правообладателей и общества, как одном из общих принципов части 4 ГК РФ отмечала Г. Н. Черничкина [9, с. 80]. Согласно этого принципа, по нашему мнению, с одной стороны информация и результаты интеллектуальной деятельности должны быть распространяемы в сети Интернет, однако необходима и действенная охрана авторов/правообладателей таких результатов.

На сегодняшний день из-за постоянного развития технологического потенциала, как отмечают в научной литературе защита авторских прав требует большого внимания в контексте подходов к формулированию положений нормативных правовых актов, регулирующих указанные отношения [6, с. 7].

В связи с этим, полагаем, что в области защиты авторских прав в сети Интернет назрела необходимость усовершенствования законодательства путем включения мер защиты таких объектов авторских прав как, фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. Такое предложение, полагаем продиктовано тем, что в законодательстве РФ четко не обозначено понятие «изображение». В законодательстве отсутствуют критерии, по которым следует квалифицировать просто изображение созданное автором и изображения, существующие в формате как фото, так и иллюстраций. Необходимость такой конкретизации продиктована и тем, что ст. 1259 ГК РФ определяет момент возникновения прав на произведение как факт создания результата независимо от факта обнаружения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Ст. 152.1.
2. Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав информационно-телекоммуникационных сетях» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3479.
3. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6645.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 02 июля 2013 г. № 51 «О начале деятельности Суда по интеллектуальным правам» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2013. С 46–48.
5. Батлук, А. С. Проблема нарушения интеллектуальных прав в сети Интернет // Инновационная наука. 2016. с. 163–165.
6. Ветров, К. Как нам обустроить российский Интернет. «Планета Интернет». 2000. № 36. — с. 8–11.
7. Моргунова, Е. А. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: / НОРМА, ИНФРА-М. 2017. 192 с.
8. Черничкина, Г. Н. Основы правовой охраны промышленной собственности и особенности ее защиты: учебное пособие. — М.: РГУП. 2019. — с. 140–141.
9. Черничкина, Г. Н. К вопросу об общих принципах охраны интеллектуальной собственности частью 4 ГК РФ // Современный юрист. 2019. № 3. (сентябрь). с. 74–81.
10. Яхатин, С. А. Защита интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Вестник Российского университета кооперации. — 2014. — №. 10. — с. 55–57.

В научной литературе отмечали, что автор с момента создания произведения имеет весь объем прав и может воспользоваться всеми средствами защиты в случае необходимости [7, с. 56]. Но в случае размещения фотографий в сети Интернет без согласия автора, российским законодательством предусмотрены, по-нашему мнению, слишком непригодные методы пресечения таких нарушений, предусматривающие лишь удаление и запрет дальнейшего распространения [1].

К решению указанной проблемы необходимо подойти как с юридической, так и с технической стороны. В законодательстве должно быть четко указано понятие фото, его особенности и признаки, а так же объем прав автора и правообладателя.

Так же законодательному закреплению подлежит регулирование загрузки фотографий в сеть Интернет, путем изменения технических характеристик, используя уменьшение и изменение размера фотографических произведений.

Указанная мера предотвратит судебные споры, касающиеся выяснения истинного правообладателя, путем предоставления сторонами фотографий и сравнения их размера. Так же, указанный способ защитит авторов от нежелательного использования фотографий в рекламе, где хорошее качество является приоритетным признаком.

Таким образом, полагаем, что предложенные меры позволят уменьшить поток судебных разбирательств и усовершенствуют механизм защиты прав авторов фотографических произведений.

Правовая природа коммерческого представительства

Белоусов Никита Валерьевич, студент магистратуры
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье рассмотрен вопрос юридической природы отношений в рамках коммерческого представительства. Представлены основные доводы возникновения правоотношений, представительства с точки зрения правоведов. Проведен анализ и представлен обобщенный взгляд на понимание явления коммерческого представительства.

Ключевые слова: коммерческое представительство, природа, феномен.

Сегодня в литературе отсутствует единство мнений по поводу юридической природы коммерческого представительства. Существует несколько основных позиций.

Первая, исторически достаточно распространенная, точка зрения на правовую природу коммерческого представительства сводится к двум основным моментам.

Во-первых, авторы указывают, что договор коммерческого представительства — это договор из сферы оказания услуг [23]. Во-вторых, это особая разновидность договора, которая существует наряду с договором поручения, договором возмездного оказания услуг, комиссии, агентирования и других [12], в том числе, доверительного управления имуществом [20] и коммерческой концессии [5], а также пусть и не указанными в гражданском законодательстве, но широко распространенными в правовом опосредовании гражданского оборота договорами — об исключительной продаже товаров, дистрибьюторскими контрактами, договорами торгового агентирования (простого посредничества) и случайного посредничества [21]. Е. В. Федчук указывает нам на то, что коммерческое представительство — это одна из договорных форм, опосредующих отношения оказания услуг, при этом сами отношения коммерческого представительства строятся на основании возмездного договора (договора поручения, агентирования, оказания брокерских услуг) [30].

Еще более широко подходит к проблеме Е. И. Орешин, который предлагает выделять в качестве самостоятельного вида договоров об оказании услуг группу договоров о представительстве, среди которых необходимо различать договоры о прямом и косвенном представительстве. К числу последних, по его мнению, относится и договор о коммерческом представительстве [19].

В рамках настоящей позиции существуют и отдельные достаточно оригинальные «модификации».

Например, отдельные авторы пишут о том, что коммерческое представительство является разновидностью добровольного представительства, которое осуществляется на основании договора [2]. Или же коммерческое представительство рассматривается как разновидность общегражданского договорного представительства, а форма его выражения уже менее значима [1]. Некоторые авторы так вообще априори настаивают на том, что коммерческое представительство — разновидность договора поручения [26], причем, в той или иной части с этим со-

гласны и достаточно уважаемые авторы [7]. Ю. А. Евшина, по сути, сводит коммерческое представительство к разновидности особого агентского договора [11].

По нашему же мнению такая точка зрения изначально ущербна, поскольку предусмотренная гражданским законодательством конструкция коммерческого представительства предполагает наличие отдельных его черт в самых различных договорах, в том числе, комиссии, агентирования и других. Причем, совсем не обязательно коммерческое представительство должно выступать именно в форме договора.

Вторая, также достаточно широко распространенная и близкая к указанной выше, позиция основана на том, что коммерческое представительство — это некий самостоятельный правовой феномен, а его правовые конструкции (множественное число -!) предполагают его реализацию в форме четырех видов договора: транспортной экспедиции, комиссии, поручения, агентирования [18].

Такого рода позиция, во-первых, выражена методологически неверно (коммерческое представительство само по себе юридическая конструкция, она не может предусматривать иных конструкций, есть только ее формы или модификации), во-вторых, очевидно, что указанная в ГК РФ суть коммерческого представительства явно не соответствует в полной мере ни одной из перечисленных форм (договорам транспортной экспедиции, комиссии, поручения, агентирования), хотя указанные формы и имеют отдельные черты коммерческого представительства.

С третьей точки зрения коммерческое представительство не предполагает каких-либо правовых конструкций, оно само по себе — правовая конструкция, правовая категория, которая выражается в предусмотренных ГК РФ договорах, однако может быть выработана и идеальная модель договора коммерческого представительства [28]. В этом смысле коммерческое представительство — это разновидность посредничества, под которой следует понимать особую деятельность по совершению некоторых юридических актов [29], причем деятельность исключительно предпринимательскую [3].

Следует отметить, что в литературе длительное время была широко распространена точка зрения, предполагающая создание универсальной конструкции коммерческого представительства на базе агентского договора, поскольку предложенная гражданским законом

конструкция агентского договора была столь широка (и, в том же «объеме» воспринята практикой [16]), что даже делала излишними конструкции договора комиссии [31] или поручения [22], причем именно агентская деятельность сегодня стала основной разновидностью посреднической деятельности в сфере торговли [4].

Сама конструкция агентского договора позволяла видеть ее надежной базой для формализации и иных представительских отношений [24], в том числе, в сфере коммерческого представительства.

Эта позиция ближе к истине. Вместе с тем, выше мы уже говорили о том, что конструкция коммерческого представительства не может в полной мере «совпасть» с конструкциями иных указанных в гражданском законодательстве договоров.

Четвертая позиция: коммерческое представительство — не юридическая конструкция, а особый феномен.

В частности, М. В. Карпычев определяет его как собирательный термин, включающий в себя правоотношение, в силу которого сделка, совершенная лицом, занимающимся профессиональной деятельностью по представительству предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности, (коммерческим представителем) от имени и в интересах представляемого предпринимателя, непосредственно создает, изменяет или прекращает для последнего права и обязанности, а также процесс совершения таких сделок [14]. Сам договор коммерческого представительства указанный автор предлагаем рассматривать в пяти формах: как разновидность договора поручения или агентского договора; как самостоятельный непоименованный договор о представительстве; как смешанный договор, содержащий элементы нескольких поименованных договоров; как организационный договор, на основе которого могут заключаться договоры поручения и агентские договоры [14].

В этой связи отметим, что выделение коммерческого представительства в качестве смешанного договора вряд ли оправданно логически, так как таким образом можно выделить почти любой договор. Также и рассмотрение коммерческого представительства как организационного договора в связи с последующим возможным заключением на его базе договора поручения или агентского договора не совсем обосновано с точки зрения законодательной техники, поскольку, например, любой предварительный договор содержит в себе черты договора организационного, а возможность заключения в будущем договора поручения или агентского договора может быть предусмотрена самыми различными договорами. Однако в остальном с такого рода позицией можно, при наличии отдельных оговорок, и согласиться.

Пятая позиция: коммерческое представительство — разновидность посредничества. С. А. Спиридонов указывает на посредническую суть коммерческого представительства, хотя и не сводит представительство по объему полномочий именно к посредничеству [27]. А. Б. Арте-

мьев также различает представительство и посредничество и указывает, что в договорных отношениях необходимо выделять (при их наличии) элементы коммерческого представительства, причем 1) договоры о коммерческом представительстве, к которым относится договор поручения; 2) договоры о коммерческом посредничестве (или договоры с элементным составом представительства), к которым относится договор коммерческой комиссии, договор доверительного управления имуществом и их разновидности; 3) смешанные договоры, к которым относятся договор агентирования, и как его разновидность договор транспортной экспедиции [6].

Сторонники шестой позиции полагают основным деятельностный подход.

В частности, С. М. Гришин рассматривает коммерческое представительство как особую деятельность, которая проявляется в различных формах, а в национальном праве — исключительно в договорной форме [9]. В диссертации тот же автор указывает на представительство как на наиболее совершенную форму посреднической деятельности (профессиональную возмездную деятельность), договоры (комиссии, поручения и агентирования) в той или иной степени порождают и регулируют коммерческое представительство [8].

Последователи седьмой позиции рассматривают коммерческое представительство исключительно как некое особое правоотношение.

Например, М. Ю. Дороженко пишет, что это единое трехстороннее правоотношение, складывающееся в сфере предпринимательской деятельности между одним лицом (коммерческим представителем), которое постоянно и самостоятельно на основе и в пределах предоставленных ему полномочий за определенное вознаграждение от имени и за счет других лиц (представляемых) или за свой счет, но в интересах представляемых, совершает сделки и иные правомерные юридические действия, создавая юридические последствия непосредственно для представляемых [10].

Близкой к указанной выше позиции в своем диссертационном исследовании придерживается и А. П. Згонников, который предлагает понимать под коммерческим представительством правоотношение, при котором одно лицо (коммерческий представитель) постоянно и самостоятельно на основе и в пределах предоставленных ему полномочий за определенное вознаграждение от имени предпринимателей (представляемых), от своего имени, за счет предпринимателей (представляемых) или за свой счет, но всегда в интересах предпринимателей (представляемых) или указанных предпринимателями (представляемыми) лиц, заключает сделки, договоры связанные с предпринимательской деятельностью с третьими лицами, совершает другие юридические действия и (или) оказывает иные услуги, а юридические последствия совершённых коммерческим представителем действий возникают непосредственно у представляемого [13].

М. Д. Овчаренко пишет, что коммерческое представительство — это правоотношение, в соответствии с которым одно лицо (коммерческий представитель), от имени и в интересах другого лица (представляемого) постоянно, самостоятельно и добросовестно управляя полномочиями последнего, непосредственно создает, изменяет или прекращает для него права и обязанности при заключении договоров и иных сделок в сфере предпринимательской деятельности [17].

Схожей позиции придерживается и С. А. Кузнецов, предпочитающий говорить, однако, о коммерческом представительстве не как об особом правоотношении, а как о едином комплексе поэтапно возникающих гражданских правоотношений [15], в то же время, если на каком-то «этапе» возник сбой, то можно ли говорить о полном отсутствии правоотношений по коммерческому представительству? Очевидно, что это не так.

В целом же, со сторонниками теории «коммерческого представительства как правоотношения» полностью согласиться нельзя: коммерческое представительство в части реализации норм права — это, в первую очередь, именно особое правоотношение, однако сводится ли все понимание коммерческого представительства исключительно к его динамичной стороне (правоотношению или деятельности)? Видимо, нет.

В этой связи заслуживает отдельного рассмотрения пока еще не получившая значительного распространения «технологическая» концепция, предложенная М. В. Сергеевой-Левитан. Согласно ее концепции коммерческое представительство как юридическая конструкция является структурированной совокупностью правовых средств, направленных на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей субъекта предпринимательской деятельности в результате совершения от его имени сделок с третьими лицами коммерческим представителем, действующим в силу полномочия, основанного на договоре и/или доверенности, возмездно, постоянно и самостоятельно в сфере предпринимательства. Юридическая конструкция коммерческого представительства объединяет функционально независимые обязательства в единую последовательную модельную схему, направленную на достижение цели коммерческого представительства, что определяет ее основные системные характеристики по *функционально-целевому признаку* коммерческое представительство является обязательственной юридической конструкцией; по *структуре* представляет собой функционально-комплексную систему в праве, состоящую из функционально-однородных подсистем правовых средств [25]. Особой похвалы заслуживает не только использование автором передового технологического подхода к исследованию правовых явлений, но и системности понимания вопроса, включающего теологические (целевые) установки и функциональные характеристики.

Между тем, технологический подход не может превалировать, например, над функциональным. Он должен включать в себя и иные элементы, не отмеченные ука-

занным автором, например, стратегию и тактику (как систему способов использования правовых средств) и т. п. Существуют и иные недостатки данной позиции, свидетельствующие не столько о ее ошибочности, сколько о ее односторонности.

Мы предлагаем следующее видение вопроса.

Прежде всего, представительство является видом (разновидностью) посредничества. Представительство в гражданском праве подразделяется на типы и виды. Самостоятельным типом общегражданского добровольного представительства и выступает коммерческое представительство, которое опосредует коммерческое посредничество, но, разумеется, не сводится к последнему.

Далее, коммерческое представительство — сложное, многоаспектное явление. Это, одновременно, гражданско-правовой институт (как совокупность требований, отношений, норм и т. п.), юридическая конструкция (как совокупность правовых средств и способов их реализации, вид профессиональной (и специализированной) предпринимательской деятельности, особым образом структурированный и формализованный тип правоотношений как способ реализации заложенной в объективном праве юридической конструкции коммерческого представительства на практике.

Первичным здесь является все-таки понимание коммерческого представительства в широком смысле слова как института частного права (системы норм объективного права о коммерческом представительстве как разновидности представительства и посредничества) и, в узком, технологическом, смысле слова как юридической конструкции (совокупности стратегии, способов и средств и т. п. реализации субъективных прав и обязанностей посредством предусмотренной законом идеальной модели коммерческого представительства). Эта юридическая конструкция не подразумевает существования каких-либо «дополнительных» правовых конструкций, а имеет лишь формы своего выражения. Закон указывает только на один возможный тип такой формы — договорную форму.

Таким образом, возможно понимание коммерческого представительства в широком смысле слова как института гражданского права (в виде особой юридической конструкции, предполагающей некий специфический тип урегулированных нормами права общественных отношений) и в узком смысле слова как договора о коммерческом представительстве (в том числе, и непоименованного таким образом договора, однако содержащего в себе описание всех прав и обязанностей, которые свойственны именно для коммерческого представительства в силу положений ГК РФ).

Иные договоры также могут быть рассмотрены в рамках договоров о коммерческом представительстве, если содержат некоторые существенные черты последнего. В то же время любые договоры лишь а) «запускают» правоотношение по коммерческому представительству чьих-либо интересов (то есть, выступают в роли юридического факта) и б) опосредуют указанные отношения, не

сводимые лишь к реализации договорных конструкций. Любые договоры (договоры комиссии или поручения, агентский договор, договор доверительного управления и т. п.), помимо непосредственно договора коммерческого представительства, изначально не являются таковыми и, при наличии в их содержании особых установленных законом (главным образом, статьей 184 ГК РФ) характеристик могут быть расценены как договоры коммерческого представительства, выступая, таким образом, как смешанные договоры. Помимо прочего, для них характерна и организационная природа (направленность).

Таким образом, коммерческое представительство: 1) институт частного права; 2) юридическая конструкция (модель) прав и обязанностей, предполагающая возникновение новых прав и обязанностей; 3) профессиональная предпринимательская деятельность особого субъекта права — коммерческого представителя как разновидность посредничества и косвенного представительства; 4) особый тип правоотношения и 5) договор как юридический факт для возникновения и, одновременно, как форма для опосредования указанных общественных отношений. То есть, можем указать даже, что предусмотренная коммерческим представительством как инсти-

тутом гражданского права юридическая конструкция такого рода взаимосвязей должна быть отражена либо в договоре коммерческого представительства (в том числе, и непоименованном договоре, однако содержащим все необходимые существенные признаки), либо в любом ином договоре, который, тем самым, приобретает характер договора смешанного и организационного.

Ранее мы уже рассматривали существенные признаки коммерческого представительства. Здесь же мы можем наблюдать здесь три последовательно возникающих вида правоотношений.

Во-первых, это правоотношения между доверителем (принципалом) и коммерческим представителем.

Во-вторых, в ходе действия в интересах доверителя коммерческий представитель совершает волевые акты (операции), которые приводят к возникновению правоотношений между ним и третьими лицами. Например, это могут быть правоотношения по преддоговорным спорам.

Результатом реализации указанной выше группы правоотношений будет возникновение прав и обязанностей у доверителя и третьего лица посредством действий коммерческого представителя в интересах доверителя, что выражается в форме правоотношений третьей группы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / Б. М. Гонгало, А. В. Демкина, М. Я. Кириллова и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. с. 118.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 / Д. Х. Валеев, А. В. Габов, М. Н. Илюшина и др.; под ред. Л. В. Санниковой. с. 128.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С. П. Гришаева, А. М. Эрделевского. М., 2006. с. 167.
4. Алферова, О. В. Агентирование в гражданском праве России и странах общего права // Некоторые вопросы договорного права России и зарубежных стран. М.: МЗ-ПРЕСС, 2003. с. 79–90.
5. Андреева, Л. Торговое посредничество: понятие и правовые формы осуществления // Российская юстиция. 1994. № 7. с. 15
6. Артемьев, А. Б. Коммерческое представительство и коммерческое посредничество (соотношение понятий) // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика: Сборник научных статей участников II Всероссийской научно-практической конференции 20–21 апреля 2007 года. — Коломна: Коломенский гос. пед. Институт. 2007. с. 276–281
7. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: «Статут», 2005. с. 468.
8. Гришин, С. М. Коммерческое представительство и посредничество в правопорядках Российской Федерации и стран континентальной Европы. с. 15–21.
9. Гришин, С. М. Понятие и основания возникновения коммерческого представительства. с. 21–30.
10. Дороженко, М. Ю. Гражданско-правовое регулирование представительства: проблемы теории и законодательства. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2007. с. 9–10.
11. Евшина, Ю. А. Агентский договор в системе посреднических правоотношений в гражданском праве России и Эстонии. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2012. с. 9–15.
12. Завидов, Б. Договор коммерческого представительства // Российская юстиция. 1998. № 1. с. 13–17.
13. Згонников, А. П. Правовое регулирование коммерческого представительства в гражданском праве. с. 8.
14. Карпычев, М. В. Проблемы гражданско-правового регулирования представительства в коммерческих отношениях: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Юрид. ин-т МВД РФ. — Москва, 2002. — 24 с.
15. Кузнецов, С. А. Коммерческое представительство по российскому гражданскому праву. с. 8.
16. Матуренко, С. М. Агентский договор в сфере таможенных услуг // Некоторые вопросы договорного права России и зарубежных стран. М.: МЗ-ПРЕСС. с. 91.

17. Овчаренко, М. Д. Актуальные вопросы практического применения коммерческого представительства в отдельных областях предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2013. № 9. с. 22–27.
18. Овчаренко, М. Д. Коммерческое представительство в гражданском праве: основные виды и регуляторы. с. 7.
19. Орешин, Е. И. Договоры о представительстве в российском гражданском праве. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2007. с. 7–12
20. Попондопуло, В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право России: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 2006. с. 721.
21. Пугинский, Б. И. Коммерческое право России. Учебник. М.: ИКД «Зерцало — М». 2005. с. 207–226.
22. Романец, Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. с. 430; Шаповаленко А. А. Агентский договор в системе посреднических сделок в российском гражданском праве: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. с. 8.
23. Саркисян, М. Р. Институт торгового посредничества // Журнал российского права. 2002. № 3. с. 18.
24. Сафиулина, Г. Д. Предмет агентского договора и основные идеи представительства: сравнительно-правовой аспект // Цивилистические записки. Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 4. Екатеринбург: Институт частного права; М.: Статут, 2005. с. 447.
25. Сергеева-Левитан, М. В. Коммерческое представительство как юридическая конструкция в гражданском праве. Автореф. дисс. канд. юр. наук. Екатеринбург. 2008. с. 8–12.
26. Скворцова, Т. А., Смоленский М. Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т. А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. с. 188; Ли А. С. Разграничение сделок представительства и посредничества // Законодательство и экономика. 1995. № 11–12. с. 10..
27. Спиридонов, С. А. Посредничество как комплексный институт гражданского права РФ. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М., 2007. с. 8–14.
28. Токар, Е. Я. О формировании правового института коммерческого представительства // Предпринимательское право. 2010. № 4. с. 7–12.
29. Токар, Е. Я. Предпринимательство и представительство: тенденции и проблемы правового регулирования. М.: Юрист, 2008. с. 78.
30. Федчук, Е. В. Признаки коммерческого представительства в гражданском праве Российской Федерации // Право и экономика. 2007. № 5. с. 24–28.
31. Щербаков, А. Б. Договоры комиссии и агентирования: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2007. с. 9.

Вопросы охраны прав потребителей в ретроспективе

Берзина Анна Игоревна, студент

Научный руководитель: Юзефович Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрыты исторические особенности формирования вопросов охраны прав потребителей.

Ключевые слова: потребитель, права потребителей, защита прав потребителей, гражданин-потребитель, история прав потребителей.

Защита прав потребителей представляет собой сферу имущественного оборота, которая играет большое значение для страны, в которой формируются цивилизованные рыночные отношения.

Потребители — это граждане, собирающиеся купить или же заказать товар, услугу для семейных, личных и других собственных нужд, не связанных с предпринимательской или иной коммерческой деятельностью [7, с. 137].

Актуальность данной темы исследования достаточно высокая. Рассмотрим ряд статистических показателей в области защиты прав потребителей в России. В 2019 года в Управление по вопросам защиты прав потребителей поступило 1340 или 52% от общего количества поступивших

обращений (968 — непосредственно от граждан, 219 — от органов государственной власти и органов местного самоуправления, 153 — от общественных объединений). Из поступивших обращений граждан на нарушения в сфере торговли приходится 472 или 35%, что на уровне прошлого года, на сферу услуг 841 или 65% (за 2018 г. — 513 или 64%). Возросло количество обращений граждан по вопросам оказания следующих видов услуг (данные отдела ОЗПП): бытовые услуги — 42,1% (2018 г. — 11,1%), услуги связи — 25% (2018 г. — 10,7%) [5].

В связи с данной динамикой мы видим необходимость актуализации и систематизации теоретического и практического опыта в данной сфере.

Изучение истории развития любого института необходимо в первую очередь для понимания его сущности, а также позволяет избежать повторения уже совершенных ошибок и выявить позитивный опыт прошлого, который может помочь решить уже современные проблемы. Иными словами, знание того, как развивался тот или иной институт, позволяет построить эффективную систему, удовлетворяющую текущие потребности общества.

Защита прав потребителей, особенно в современном мире развитого капитализма, — это тот вопрос, который в той или иной степени касается практически каждого человека. В связи с этим в данной статье хотелось бы изучить ряд вопросов, касающихся развития института защиты прав потребителей.

Отношения в обществе, связанные с потреблением, обменом, торговлей товарами и услугами зародились в глубокой древности, как только у людей появились соответствующие потребности. Параллельно с этим развивалось и регулирование данных отношений. Сначала определяющим фактором для всех были обычаи, представляющие собой определенные нормы поведения в одинаковых ситуациях, которые складывались на протяжении многих веков и за соблюдением которых следило само общество. С появлением государств, а вместе с ними и первых законов и кодифицированных сводов законов, некоторые обычаи, существовавшие внутри общин, приобрели статус общеобязательных правил. Например, уже в знаменитых законах Хаммурапи, принятых в 18 в. до н. э. в Вавилонском царстве закреплялись правила обмена товаров между людьми. В частности, в них говорилось, что обмен — это соглашение между сторонами, согласно которому права на товар переходят от одного лица к другому. Также законодательно закреплялось наказание за обвес или обсчет второй стороны. В Индии в свою очередь уже в 200 г. до н. э. существовал прямой запрет на продажу населению некачественного или испорченного товара [2, с. 156].

Наибольшего развития рассматриваемые отношения в древнее время достигли, как и многие другие правовые институты, в Римской империи. Для римского права было характерно довольно проработанное для того времени законодательство, регламентирующее различные сферы жизни. В особенности это касалось отношений, связанных с частной собственностью и торговлей. Одной из острых проблем с момента появления отношений купли — продажи стало ущемление прав покупателей, вытекающее из принципа договорной свободы. Данное обстоятельство ставило потребителя в очень невыгодные условия, так как он, будучи в данном случае экономически слабой стороной отношений не мог влиять на цену и качество товара самостоятельно. В этой связи стоит отметить принятый в 301 году эдикт Диоклетиана, основной целью которого была борьба со спекуляцией и ростовщичеством. В империи устанавливалось единообразие цен, устанавливались наказания за нарушения ценовой политики. Однако задуманное в этом законодательном акте на практике обернулось огромным дефицитом товаров и переходом

части торговли в теневую экономику. Также при рассмотрении защиты прав потребителей в Римской империи стоит остановиться и на развитии положений о качестве товара и ответственности продавца за неисполнение установленных законом требований. Согласно римскому праву продавец обязывался передать покупателю товар надлежащего качества, в противном случае считалось, что он не исполнил свои обязательства. При этом нормы об ответственности продавца развивались поэтапно. Изначально ответственность продавца зависела от того, что было прямо обещано покупателю (обязанности считались неисполненными, если у товара отсутствовали именно те качества, которых продавец прямо обещал покупателю).

Однако уже в 6 веке в кодексе Юстиниана появилась ответственность продавца за умышленное умолчание или сокрытие известных ему недостатков товара, иными словами, законодательно закреплялось положение о том, что покупатель не знает и не должен знать о недостатках товара. В связи с этим новый виток развития получили и способы защиты потребителем своих прав. Покупатель мог как потребовать отменить сделку (в таком случае товар возвращался продавцу, а деньги — покупателю, в случае если деньги еще не были уплачены, покупателю прощался долг перед продавцом), так и потребовать уменьшения стоимости товара соразмерно обнаруженным недостаткам. Для первого требования устанавливался срок давности в 6 месяцев, для второго — 1 год.

В целом именно Римское право оказало наибольшее влияние на развитие института защиты прав потребителей, его положения в доработанном и измененном виде применяются во многих современных правовых системах. Это легко объясняется обширной рецепцией Римского права другими странами ввиду его проработанности и универсальности.

На Руси первые нормы, регулирующие отношения в сфере потребления товаров и услуг можно найти в Русской правде. В частности, в ней регулировалась продажа определенных товаров, а также способы защиты прав потребителей. Например, в случае продажи некачественного товара сторонам надлежало вернуть друг другу соответственно сам товар и уплаченные за него деньги, ответственность продавца наступала, если он настаивал на отсутствии брака в своем товаре, хотя такой брак присутствовал. Также устанавливалось, что покупатель краденого товара должен был вернуть его законному владельцу, при этом он наделялся правом требовать от недобросовестного продавца возместить свои убытки.

В Европе, как уже было сказано выше, правовые системы стран развивались во многом под влиянием Римского права. На начальных этапах развития законодательство, регулирующее защиту прав потребителей в разных европейских странах, было довольно похоже. Практически везде существовали нормы, устанавливающие ответственность за обман покупателя (обвес, введение в заблуждение относительно качества товара). Разница была лишь в наказаниях за эти нарушения. Например, в Гер-

мании предусматривалось телесное наказание или повешение, в случае если был причинен значительный ущерб. Постепенно отношения в сфере потребления товаров и услуг начинают развиваться и усложняться, чему способствует сначала период Великих географических открытий, а затем и активное развитие промышленности.

В 18–19 вв. в странах Западной Европы начинают появляться первые потребительские общества, объединяющие в себе мелких торговцев, производителей, которые занимаются совместной оптовой закупкой сырья и других товаров. Например, в 1844 году в Англии жители поселка Рочдейль организовали потребительское общество для обеспечения его членов продуктами и товарами.

Стоит отметить, что к концу 19 века нормы, регулирующие правоотношения в сфере потребления товаров и услуг не были оформлены в отдельную отрасль или институт. Они были интегрированы гражданское, торговое или административное право. Однако уже начиная с 20 века ситуация начала меняться. Именно начиная с этого времени появляется понятие «потребитель». Набирает обороты движение в защиту прав потребителей — консьюмеризм.

В 30 — х гг. уже для защиты прав и формирования потребительской культуры, а не просто для консолидированной закупки товаров, появляются лиги покупателей. Постепенно эти организации вырастают в национальные ассоциации потребителей, которые после принятия в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека национальные появляются практически во всех странах Западной Европы.

В 1960 г. национальные ассоциации потребителей из США, Англии, Австрии, Нидерландов и Бельгии создают Международную организацию союзов потребителей для объединения союзов потребителей всего мира. Новый импульс развитию рассматриваемого института придается после выступления президента США Кеннеди перед Конгрессом в 1961 году [3, с. 36].

В своем выступлении он формулирует четыре основных права потребителя: право на безопасность; право на информацию; право на выбор; право быть услышанным. В дальнейшем к ним будут добавлены еще право на безопасную окружающую среду и право на потребительскую грамотность. В ООН создается специальный комитет по защите прав потребителей, который принимает «Руководящие принципы защиты интересов прав потребителей» — документ, ставший основой для законодательства о защите прав потребителей во многих странах мира, в том числе и в России.

Примерно в это же время юридическим сообществом признается необходимость выделения разрозненных норм о защите прав потребителей в отдельную единую систему. Как следствие этого во многих странах принимаются отдельные законодательные акты, касающиеся защиты прав потребителей. Например, во Франции появляется закон «О безопасности потребителей», в США — «О гарантиях при продаже товаров широкого потребления». Веду-

щие принципы неоднократно дорабатывались и дополнялись. В последней редакции 2016 года, в частности, появились разделы по финансовым услугам, электронной торговле, «содействие рационализации потребления», «содействие защите экономических интересов потребителей».

В СССР сфера потребления товаров и услуг регулировалась нормами, содержащимися в гражданском кодексе. Однако в виду специфики политического строя, идей построения коммунизма такое регулирование, хотя и устанавливало права и обязанности, ответственность участников данных общественных отношений, не имело своей целью именно защиту прав потребителей. Ближе к концу существования советского государства Законы СССР «О качестве продукции и защите прав потребителей» и «О защите прав потребителей». Последний так и не вступил в силу ввиду распада страны, однако лег в основу законодательства о защите прав потребителей в странах — участницах СНГ.

Сегодня в России действует развитое законодательство о защите прав потребителей. В основе регулирования лежит закон «О защите прав потребителей». Его принятие совпало с переходом от плановой экономики к практически нерегулируемому рынку, появлением новых экономических субъектов, ориентированных на максимально быстрое извлечение прибыли. В связи с этим последние десятилетия прошлого века оказалось одним из самых сложных периодов для национальной системы защиты прав потребителей. Новый класс отечественных предпринимателей совершенно не собирался соблюдать действующее законодательство, а потребители в свою очередь не были готовы бороться за свои права. Однако постепенно благодаря органам власти, совершенствованию законодательства ситуация изменилась в лучшую сторону [4, с. 54].

Закон «О защите прав потребителей» [1] закрепил минимальные требования для любого договора купли — продажи, предоставил ряд преимуществ потребителю при судебном разбирательстве (например, освобождение от судебной пошлины, бесплатную юридическую поддержку Роспотребнадзора, возможность выбора суда для рассмотрения своего дела), определил систему институтов, призванных защищать прав потребителя (Роспотребнадзор, Федеральная антимонопольная служба, различные общественные объединения).

Законодательство о защите прав потребителей является отражением уровня развития экономических отношений в обществе. Чем сложнее эти отношения, тем сложнее проблемы, с которыми сталкивается общество и государство, соответственно требуется более совершенное законодательство.

В России с 1992 года было принято свыше 20 поправок к закону «О защите прав потребителей». Говоря про практическую значимость законодательства о защите прав потребителей для нашей страны, в частности вышеупомянутого закона, можно отметить его важную роль для общества, которая подтверждается сотнями тысяч исков потребителей в защиту своих прав и миллионами взысканных компенсаций. Важно, чтобы и в будущем это не-

прерывное развитие не останавливалось, и потребитель всегда чувствовал свою защищенность во взаимоотношениях с экономически более сильной стороной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что защита прав потребителей — одна из центральных проблем современной цивилистики. Практически каждый гражданин — это потребитель товаров, работ или услуг. Как «слабая» сторона в правоотношениях потребитель нуждается в защите своих прав и законных интересов.

Как справедливо указывается в литературе «защита потребителей обеспечивается силами как общественных организаций, так и государственных органов. Регламентация опасных для потребителя ситуаций на законодательном уровне может принимать публично — правовые (уголовные, административные) или частноправовые формы. При этом такая защита осуществляется как на международном, так и национальном уровне».

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 31.07.2020) // <http://www.consultant.ru>.
2. Абдурахманова, И. В. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие для вузов [Текст] / под ред. И. В. Абдурахманова. — М.: ИКЦ «МарТ», 2017. — 288 с.
3. Клепиков, Р. А., Значение мирового соглашения в делах о защите прав потребителей [Текст] / Р. А. Клепиков // Актуальные проблемы правотворчества в Российской Федерации. — 2019. — с. 35–37.
4. Лунева, Т. П., Кинаш, Я. И., Защита прав потребителей как институт: понятие и сущность [Текст] / Т. П. Лунева, Я. И. Кинаш // Промышленность и сельское хозяйство. — 2019. — № 3 (8). — с. 52–56.
5. Роспотребнадзор защищает права потребителей. Итоги за 2019 года Статистика обращений, административная и судебная практика // Режим доступа: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru>.
6. Чурочкина, О. С. Эволюция развития института защиты прав потребителей в России (исторический и нормативно — правовой аспекты) [Текст] / О. С. Чурочкина // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2013. — № 4. — с. 22–26.
7. Щербакова, С. И. Защита прав потребителей: общая характеристика [Текст] / С. И. Щербакова, А. Ф. Мальтий // Актуальные проблемы российского частного права материалы Всероссийской научно — практической конференции. — 2016. — с. 137–141.
8. Юзефович, Ж. Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству: диссертация [Текст] / Ж. Ю. Юзефович. — М., 2004. — 172 с.

Процессуальные последствия неявки сторон в судебное заседание по уважительной причине в гражданском процессе в Республике Беларусь

Бодакова Ольга Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Данная научная статья посвящена исследованию отдельных аспектов заочного производства в гражданском процессе. В статье рассмотрены последствия неявки истца и ответчика в судебное заседание, отмечены недостатки в правовом регулировании института заочного производства в Республике Беларусь. На основе анализа судебной практики в сфере реализации сторонами конституционного права на судебную защиту разработаны рекомендации по научно-практическому разрешению проблемы неявки сторон на судебное разбирательство по гражданскому делу.

Ключевые слова: гражданский процесс, заочное производство, неявка сторон.

В настоящее время одним из наиболее актуальных является вопрос совершенствования норм, направленных на обеспечение явки участников судебного процесса, которые содействовали бы реализации конституционного права на судебную защиту, правильному и своевременному рассмотрению гражданских дел.

Полагаем, что на решение указанной задачи направлено действие заочного производства, существующего во многих странах мира. Заочное производство в граж-

данском процессе представляет собой рассмотрение дела судом первой инстанции в отсутствие одной из сторон с постановлением решения, которое впоследствии может быть обжаловано в льготном порядке.

Для проведения всестороннего, объективного и состязательного судебного разбирательства необходимо присутствие в зале суда обеих сторон судопроизводства. Однако, как показывает судебная практика, неявка истца или ответчика встречается достаточно часто и является

основной причиной отложения или приостановления разбирательства по гражданским делам.

Согласно части 3 статьи 282 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК Республики Беларусь [1]), суд откладывает судебное заседание, если признает уважительными причины отсутствия юридически заинтересованных в исходе дела лиц, надлежащим образом извещенных о времени и месте проведения судебного процесса. Кроме того, длительная командировка и тяжелая болезнь могут повлечь приостановление производства по делу (пункты 2, 3 статьи 161 ГПК Республики Беларусь [1]) и, соответственно, приостановление течения всех процессуальных сроков.

В соответствии со статьей 334¹ ГПК Республики Беларусь дело может быть рассмотрено судом в порядке заочного производства в случае неявки в судебное заседание ответчика, а при участии в деле нескольких ответчиков — в случае неявки в судебное заседание всех ответчиков, если они были надлежащим образом извещены о времени и месте судебного заседания, но не сообщили об уважительных причинах неявки и не просили рассмотреть дело в их отсутствие либо суд признает, что ответчики умышленно затягивают производство по делу.

Следует признать, что неявка сторон, в том числе по уважительной причине, порождает затягивание гражданского судопроизводства, увеличение судебных расходов, а также состояние неопределенности и неразрешенности гражданского спора для законопослушных граждан. В судебной практике распространены случаи, когда суд откладывает, приостанавливает производство по делу вследствие неявки одной из сторон по уважительной причине, но на новое судебное заседание данная сторона вновь не является без должной аргументации отсутствия, и суд рассматривает дело по существу. Следовательно, зачастую суды изначально имеют объективную возможность рассматривать дела заочно без участия неявившейся стороны, а не затягивать судопроизводство на несколько месяцев (хотя этого и требует применительно к данному случаю действующее законодательство).

На практике могут возникать также ситуации, когда неоднократная неявка стороны по уважительным причинам (а в некоторых случаях это вымышленные причины, которые являются способом затягивания гражданского судопроизводства недобросовестным истцом или ответчиком) и, как результат, продолжительные приостановления производства по делу будут порождать утрату доверия граждан к судам [2, с. 4], уменьшение их авторитета как органов правосудия, которые при таких обстоятельствах не имеют средств для эффективного и оперативного восстановления нарушенных прав и законных интересов.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г., № 238-З; принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г.: одобрен Советом Республики 18 декабря 1998 г.: в ред. Закона

Длительное отсутствие истца или ответчика, оправдывающего свое непоявление уважительными фактами, делает невозможным рассмотрение дела с вынесением решения. Таким образом, имея достаточное количество достоверных доказательств, в полной мере обосновывающих требования или возражения сторон, присутствующий истец или ответчик не может добиться разрешения спора, что, на наш взгляд, существенно ограничивает его конституционное право на судебную защиту, делая ее в принципе невозможной. В результате в архивах судов месяцами и даже годами хранится большое количество дел, производство по которым приостановлено и не может быть возобновлено по вышеуказанным причинам. В связи с этим, по нашему мнению, в настоящее время очевидна потребность в устранении необоснованной затянутости судебных процедур, повышении эффективности и ускорении осуществления правосудия, а также в его более четком законодательном регулировании.

С целью наиболее полного обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту и реализации принципа процессуальной экономии в законодательстве Республики Беларусь представляется целесообразным закрепить полномочие суда в случаях, предусмотренных пунктами 1, 2, 3 ст. 161 и частью третьей ст. 282 ГПК Республики Беларусь, наряду с приостановлением производства по делу или отложением разбирательства дела рассматривать гражданский спор в порядке заочного производства, которое предполагает льготный порядок обжалования заочного решения. Как справедливо отмечают многие ученые-процессуалисты, заочное судопроизводство в ряде случаев позволяет избежать затягивания рассмотрения дел, что делает работу судов более эффективной [3, с. 97; 4, с. 467].

В любом случае судья будет действовать по своему усмотрению, руководствуясь не только нормами материального и процессуального права, но и требованиями добросовестности, разумности и справедливости [5, с. 11], которые позволят ему адекватно оценить ситуацию и принять правильное решение о целесообразности проведения заочного судебного слушания.

Таким образом, в Республике Беларусь представляется целесообразным в случае неявки одной из сторон по уважительной причине вместо отложения или приостановления производства по делу рассматривать гражданский спор в порядке заочного производства. В связи с этим предлагается авторское определение заочного производства как рассмотрения гражданского дела в отсутствие истца или ответчика, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания и не заявившего просьбу о рассмотрении дела в его отсутствие, если суд признает причины неявки уважительными, с согласия присутствующей стороны либо если сведения о причине неявки отсутствуют.

- Респ. Беларусь от 17.07.2020 г. № 233-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.
2. Федорцов, А. А. Доминанта правосудия: [беседа с первым зам. Пред. Верхов. Суда Беларуси А. А. Федорцовым] / А. А. Федорцов; интер-вью взял Л. Юнчик // Рэспубліка. — 2006. — 20 снеж. — с. 4.
 3. Емельянов, А. П. Заочное судопроизводство и принципы гражданского процесса — есть ли противоречие? / А. П. Емельянов // Право Беларуси. — 2006. — № 7. — с. 95–97.
 4. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / П. В. Крашениников [и др.]; под общ. ред. П. В. Крашениникова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2006. — 876 с.
 5. Ражков, Р. А. Судебное усмотрение при разрешении гражданских дел в гражданском и арбитражном процессе / Р. А. Ражков // Арбитр. и гражд. процесс. — 2008. — № 6. — с. 10–12.

Направления совершенствования банковского надзора

Бойко Татьяна Владимировна, студент;
Бикалова Надежда Александровна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена актуальной теме, связанной с совершенствованием системы структурной организации банковского надзора. Определены виды участия центрального банка в осуществлении банковского надзора в зарубежных странах и РФ. Аргументирована целесообразность отделения функции банковского надзора от деятельности Центрального Банка Российской Федерации.

Ключевые слова: банковский сектор, ликвидность, нормативы ликвидности, банковский надзор, Базель III.

Areas for improving banking supervision

Vojko Tatyana Vladimirovna, student;
Bikalova Nadezhda Alexandrovna, candidate of economic sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the topical issue related to the improvement of the system of structural organization of banking supervision. The types of participation of the Central Bank in banking supervision in foreign countries and the Russian Federation are defined. The reasonability of separating the banking supervision function from the Central Bank of the Russian Federation is argued.

Keywords: banking sector, liquidity, liquidity standards, banking supervision, Basel III.

Центральный Банк Российской Федерации сформировался как типичная закрытая от влияния других государственных органов система, которую невозможно реформировать изнутри. Такая самостоятельно работающая подсистема государственного управления, не способна эффективно и объективно наблюдать за банковским сектором и принимать объективные и эффективные решения, особенно в перманентно кризисных условиях. К примеру, Народный банк Китая полностью зависит от правительства, является его подразделением, но работает гораздо эффективнее независимого ЦБ РФ.

Проблему несовершенства организационной структуры усиливает и то, что люди банковской среды связаны между собой тысячами нитей неформальных отношений. А это, в большинстве своем, может мешать формированию объективной наблюдательной подсистемы.

Первоочередной мерой усиления банковского надзора могла бы стать реорганизация структуры банковского

надзора на основе образования отдельного от ЦБ РФ государственного органа — Федеральной комиссии по банковскому надзору. Обоснованием этому положению является следующее. Учитывая то, что банковский надзор выступает самостоятельной функцией государственного управления, так же, как и банковское регулирование и банковский контроль, возникает вопрос о передаче этой функции независимому от центрального банка учреждению.

Как показывает мировая практика, насчитывается три основных вида организационной структуры банковского надзора в зависимости от степени вовлечения центрального банка к его выполнению (см. таблицу 1).

Независимо от организационного вида построения надзора за коммерческими банками банковский надзор осуществляется на общих принципах Базельской конвенции.

Существует мнение, что в тех странах, где надзорные органы действуют как отделенные от центрального банка, это

скорее историческая особенность, а не правомерна целесообразность [1, с. 138]. Но с этим мы не можем согласиться. Изучая перечень стран, принадлежащих к тому или иному виду организационной структуры, результаты их деятельности, приходим к выводу, что более успешные по эконо-

мическому развитию страны имеют отделенный от центрального банка банковский надзор. И это не является обычным совпадением исторических обстоятельств, а оказывается необходимым условием укрепления банковской системы, усиление ее роли в экономическом росте страны.

Таблица 1. Мировая практика организации банковского надзора

Название вида организационной структуры	Характерные отличия	В каких странах используется
Единоличная	Центральный банк имеет исключительные полномочия в сфере банковского регулирования и банковского надзора	Греция, Испания, Португалия, Российская Федерация, Румыния
Смешанная	Функции банковского надзора выполняет специализированный орган или органы с непосредственным участием Центрального банка и Министерства финансов или даже само Министерство финансов	Канада, Китай, Норвегия Финляндия, Франция
Опосредованная	Банковский надзор осуществляется независимыми специализированными органами или органом при участии Министерства финансов и достаточно ограниченным воздействием Центрального банка. К этой группе относят также страны, которые имеют единый орган надзора за рынком финансовых услуг — мегарегулятор	Австрия, Великобритания, Дания, Канада, Швеция

Составлено по данным [4]

Вопрос отделения банковского надзора от органа, который осуществляет банковское регулирование, то есть Центрального Банка Российской Федерации, обсуждается среди ученых и специалистов банковского дела с момента образования этого органа.

Некоторые эксперты и ученые единодушно доказывают, что в России банковский надзор имеет осуществляться ЦБ РФ. Они считают, что существующие проблемы в финансовом секторе целесообразно решать не путем создания новых структур, а за счет совершенствования существующих институциональных и технических процедур в рамках ЦБ РФ [2; 3]. Есть и противоположные мнения, сущность которых заключается в том, что отделение банковского надзора от ЦБ РФ будет способствовать существенному улучшению качества надзора за деятельностью коммерческих банков [4; 5].

Главными аргументами в пользу вывода банковского надзора из компетенции центрального банка являются: исключение потенциального конфликта между целями денежно-кредитной политики и надзора; ослабление чрезмерной концентрации полномочий, закрепленных за центральным банком.

Выводы.

Повышение действенности банковского надзора возможно при условии изменения его организационной структуры. Только в случае отделения института банков-

ского надзора от Центрального банка может появиться возможность:

- осуществления государственного регулирования банковского сектора на основе разделения между соответствующими органами их функций в соответствии с формами административного и индикативного регулирования;
- совершенствования технических процедур надзора за деятельностью банковских учреждений;
- сгладить острые углы между долгосрочными стратегическими решениями относительно ценовой стабильности и текущими проблемами сферы банковского надзора;
- достижение деконцентрации власти Центрального банка ради усиления ответственности должностных лиц и прозрачности их профессиональной деятельности;

Государственным органом, который бы выполнял банковский надзор, могла бы стать Федеральная комиссия банковского надзора.

Дальнейшее развитие исследований в данном направлении должны осветить систему действий органа банковского надзора с целью обеспечения стабильного функционирования банковского сектора и защиты интересов его клиентов и кредиторов на основе более активного внедрения качественных и риск-ориентированных требований к финансовому, деловому состоянию банков в соответствии с общими принципами Базельской конвенции и Базель III.

Литература:

1. Беляков, А. В. Банковские риски: проблемы учета, управления и регулирования // Библиотека Exsolver. URL: <http://exsolver.narod.ru/Books/Bank/Bankrisks/index.html>
2. Вотинов, А. И. Оценка вероятности отзыва лицензии банка с использованием методов регуляризации // Банковское дело. 2017. № 1. с. 40–49.
3. Гейвандов, Я. А. Национальная денежно-кредитная система: стратегия государственного регулирования и существующие правовые угрозы // Государство и право. 2016. № 9. с. 25–35.
4. Курманова, Л. Р. Проблемные вопросы развития банковского надзора за деятельностью кредитных организаций // Экономические науки. 2015. № 5. с. 93–96.
5. Смирнов, Е. Е. Какие изменения планируются в банковском надзоре России // Издательский дом «Регламент». URL: http://www.reglament.net/bank/legal/2_article.htm

Ликвидность банка как предмет банковского надзора

Бойко Татьяна Владимировна, студент;
Бикалова Надежда Александровна, кандидат экономических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена актуальной теме, связанной с изменениями, внесенными в структуру Базель III, которые оказывают влияние на российский банковский сектор, особенно по вопросам, касающимся ликвидности в управлении коммерческим банком. На примере ПАО «Сбербанк» показано как риск ликвидности существенно влияет на положение, как самих банков, так и всей финансовой системы. Представлены методы, позволяющие определить уровень риска ликвидности и способы минимизировать этот риск. Аргументирована целесообразность отделения функции банковского надзора от деятельности Центрального Банка Российской Федерации.

Ключевые слова: банковский сектор, ликвидность, нормативы ликвидности, банковский надзор, Базель III.

Bank liquidity as a subject of banking supervision

Bojko Tatyana Vladimirovna, student;
Bikalova Nadezhda Alexandrovna, candidate of economic sciences, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to a topical topic related to changes made to the structure of Basel III that affect the Russian banking sector, especially on issues related to liquidity in the management of a commercial Bank. The example of Sberbank shows how liquidity risk significantly affects the position of both banks and the entire financial system. Methods are presented to determine the level of liquidity risk and ways to minimize this risk. The reasonability of separating the banking supervision function from the Central Bank of the Russian Federation is argued.

Keywords: banking sector, liquidity, liquidity standards, banking supervision, Basel III.

Банковский надзор является неотъемлемой составляющей банковского регулирования, которую большинство ученых рассматривает как контроль деятельности банков на всех этапах их жизненного цикла с целью предупреждения, минимизации и предотвращения негативных последствий их функционирования.

Банковский надзор, являясь видом ведомственного контроля, системой мониторинга и активных упорядоченных действий, осуществляется центральным банком и другими уполномоченными надзорными органами, в целях обеспечения соблюдения коммерческими банками банковского законодательства.

Банки, как финансовые посредники, несут ответственность за обеспечение постоянных денежных потоков между участниками рынка. Даже незначительные задержки в исполнении платежей клиентов значительно снижают их доверие как к финансовой организации, а постоянное ухудшение финансовой ликвидности банков может привести к приостановке их операций и, как следствие, даже к банкротству.

Банки обязаны поддерживать ликвидность, адаптированную к размеру и типу деятельности, таким образом, чтобы обязательства выполнялись в соответствии с датами их платежей. С этой целью они применяют правила

управления ликвидностью с учетом влияния рыночных условий.

Концепция финансовой ликвидности банка по своей базовой структуре не отличается от концепции финансовой ликвидности любого хозяйствующего субъекта. В целом, термин ликвидность имеет несколько значений, и в деловой практике этот термин используется для обозначения банковских активов. Под ликвидностью активов банка понимается ликвидность его активов, то есть легкость, с которой можно обменять активы в наличные [1, с. 13].

Ликвидность банка — это способность быстро погасить обязательства, поддержание которых является обязанностью банка и является условием его работы и надежности. Оценка финансовой ликвидности, а также управление этой категорией в банке являются одними из основных функций управленческого персонала и в более сложных областях финансового управления в банке, находясь рядом с прибыльностью, являясь основным аспектом оценки финансового состояния банка.

Существенный вклад в развитие практики управления банковской ликвидностью в России призвано внести присоединение России к Базельскому соглашению об основных принципах банковского надзора (Базель I–III), которое началось в связи с вступлением России в ВТО. Коммерческие банки развитых стран уже перешли, а российским банкам только предстоит полностью перейти к использованию Базель III [3]. Обязательное использование в России Базельских соглашений заставит покинуть рынок неликвидных банков, а оставшимся необходимо будет поддерживать достаточный объем высоколиквидных ресурсов и выживать при возникновении нестабильности.

Для контроля состояния ликвидности банка установлены три норматива ликвидности: мгновенной, текущей и долгосрочной. Они определяются как соотношение между активами и пассивами с учетом сроков, сумм и видов активов, а также других факторов: структура и качество ресурсной базы, менеджмент, качество активов.

В таблице 1 представлены нормативы ликвидности ПАО «Сбербанк» за 2017–2019 гг.

Таблица 1. Значение нормативов ликвидности ПАО «Сбербанк» в 2017–2019 гг., %

Показатели	Нормативное значение	на 31.12.2017	на 31.12.2018	на 31.12.2019	Изменения
H2 — норматив мгновенной ликвидности	min 15%	161,89	186,49	162,59	0,70
H3 — норматив текущей ликвидности	min 50%	264,89	232,77	229,99	-34,90
H4 — норматив долгосрочной ликвидности	max 120%	57,52	63,99	57,14	-0,38

Составлено по данным [2]

Из показателей таблицы 1 можно сделать вывод, что нормативы ликвидности на протяжении анализируемого периода являются довольно высокими, что говорит о наименьших потерях.

Политика в области управления активами и пассивами ПАО «Сбербанк» направлена на обеспечение максимальной сохранности активов и капитала банка на основе минимизации подверженности риску ликвидности, который может привести к потерям.

В зависимости от типа ликвидности банка предлагается рассматривать два типа риска для банка. Риск текущей ликвидности (или, вкратце, риск ликвидности) — это риск неспособности банка выполнить все обязательства в течение требуемого периода. С другой стороны, риск финансирования означает неопределенность в получении средств для продолжения или открытия бизнеса в соответствии с установленной стратегией (например, предоставление ссуд определенного типа).

Если банки не выполняют свои обязательства в согласованные сроки и в установленные сроки, возникает явление, известное как рыночный риск ликвидности. Риск ликвидности определяется внутренними и внешними факторами (рис. 1).

Поддержание финансовой ликвидности для банков очень важно, потому что ее несбалансированность вызывает снижение доверия потенциальных инвесторов и клиентов. Каждый банк, чтобы защитить себя от последствий нехватки ликвидности, должен предотвращать причины, ведущие к нарушению его финансовой ликвидности, путем определения ситуации с ликвидностью с использованием финансового анализа и должен принимать меры для минимизации риска ликвидности [3].

Поддержание финансовой ликвидности банков чрезвычайно важно, поскольку эти организации являются общественными трастовыми организациями и посредниками в исполнении денежных потоков на рынке. Поэтому необходимы действия по управлению риском ликвидности, например:

- 1) разработка сценариев действий в случае кризиса ликвидности;
- 2) предоставление резервных источников финансирования;
- 3) определение правил продажи активов и формирование структуры баланса;
- 4) определение ситуации с ликвидностью банка с особым упором на возможные симптомы кризиса лик-

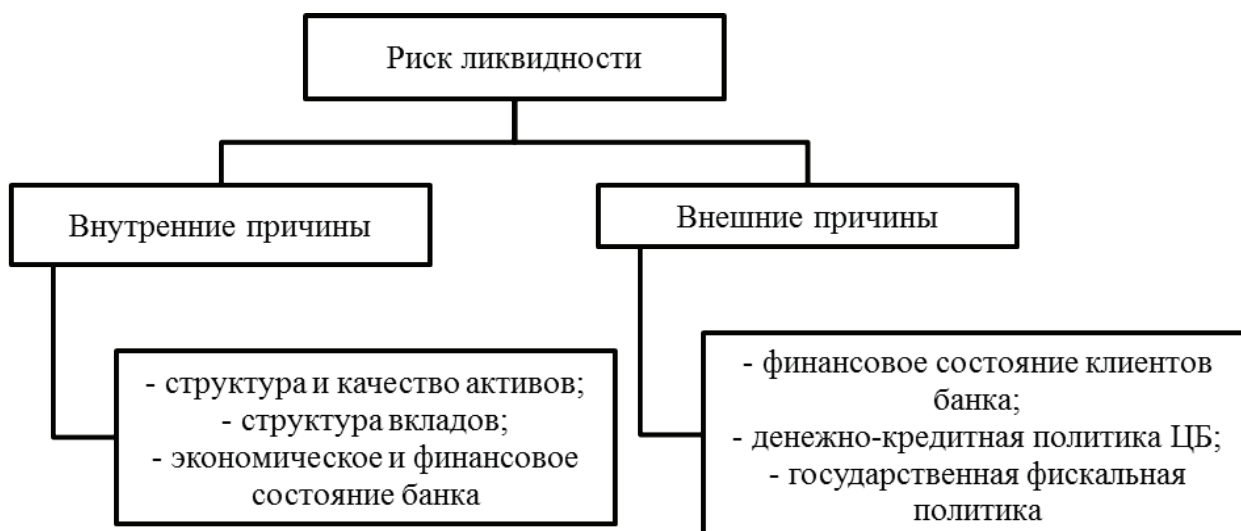

Рис. 1. Факторы, определяющие риск ликвидности банка

Составлено автором по [4, с. 12]

видности или создание подразделения в организационной структуре банка, занимающегося управлением риском ликвидности и указывающего его компетенцию для принятия мер в кризисных ситуациях, чтобы не допустить возможной потери.

Выводы. Банковский надзор направлен на контроль деятельность коммерческих банков, основной задачей которого является обеспечение стабильности и безопасности банковского сектора, а также создание и контроль пруденциальных стандартов в отношении банков.

Банки, как учреждения общественного доверия, должны иметь финансовую ликвидность, которая рассматривается, как способность финансировать свои активы и своевременно выполнять финансовые обязательства без необходимости создания убытков на этом счете.

Для контроля ликвидности Центральным банком России установлены нормативные показатели ликвидности, которые измеряют покрытие определенных категорий обязательств (балансовых и внебалансовых) с отдельными статьями активов с разбивкой по срокам погашения и покрытие неликвидных активов собственным капиталом за вычетом величины требований к капиталу для выбранных категорий риска.

Управление банковской ликвидностью занимает особое место среди существующих проблем в деятельности современных коммерческих банков. Проблему призван решить переход к использованию Базель III, предусматривающий поэтапное реформирование и унификацию элементов систем по управлению рисками ликвидности банков на основе рекомендаций международных стандартов, а также с учетом национальной специфики.

Литература:

1. Ахмерова, Г. Р., Пашенко С. Н. Понятие ликвидности коммерческого банка и факторы, ее определяющие // Международная научно-практическая конференция. 2018. № 6.
2. Информация об обязательных нормативах и о других показателях деятельности кредитной организации. Форма 135 // Справочник кредитных организаций. ПАО «Сбербанк». URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/f135/?regnum=1481&dt=2017-12-01
3. Морозова, Г. В. Управление ликвидностью коммерческого банка // Вектор науки. 2019. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/5/financeandcredit/Morozova_Yushkin_Denisova.pdf
4. Pietrzyk, G. Płynność banku komercyjnego // Gazeta Bankowa. 2017. 8–14 stycznia. URL: <http://bazekon.icm.edu.pl/bazekon/element/bwmeta1.element.ekon-element-000120694019>

Оспаривание сделок должника с неравноценным встречным исполнением при проведении процедур несостоятельности (банкротства)

Быков Сергей Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются правовые проблемы оспаривания сделок должника при проведении процедур несостоятельности (банкротстве) по признаку неравноценного встречного исполнения и предлагается вариант решения данной правовой неопределенности путем законодательно закрепленной меры неравноценности.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, неравноценное встречное исполнение, *laesio enormis*.

Оспаривание сделок должника является одним из эффективных способов, направленных на предотвращение последствий неправомерных действий при проведении процедур несостоятельности (банкротства) и защиты интересов кредиторов. Согласно статистике количество принятых арбитражными судами заявлений о признании сделок должника недействительным по основаниям, предусмотренным главой III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Федеральный закон) за период январь-июнь 2020 года составляет 4600 заявлений, из которых удовлетворено 1590 заявлений [1].

Федеральный закон содержит два основания признания сделок должника недействительными по принципу подозрительности. А именно, сделки с неравноценным встречным исполнением обязательств и сделки, предусматривающие цель причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Сущность первого вида сделок раскрыта в ч. 1 ст. 61.2 Федерального закона, которая гласит, что «сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки» [2].

Согласно п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» при сравнении условий сделки с аналогичными сделками следует учитывать как условия аналогичных сделок, совершенных должником, так и условия, на которых аналогичные сделки совершались иными участниками оборота.

Исходя из смысла данной статьи, следует, что неравноценной будет считаться сделка, если рыночная стоимость исполнения обязательств по ней существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательства по сделке с учетом обстоятельств и условий исполнения обязательств.

Вместе с тем считаю, что законодателем недостаточно полно раскрыто понятие «неравноценность встречного исполнения», так как не указаны предельные размеры данной неравноценности. На практике при применении данной нормы правоприменителю приходится сталкиваться с целым рядом вопросов, касающихся определения цены имущества / стоимости исполнения обязательства, ее соответствие / степень отличия от рыночной стоимости.

Особую актуальность данной теме исследования придает и ее соотношение с принципом договорного регулирования, закрепленному в ст. 421 ГК РФ, согласно которой условия договора определяются по усмотрению сторон.

В современных рыночных реалиях, нестабильности экономической сферы жизни общества, цена заключенного договора не всегда может соответствовать цене аналогичных сделок, а порой и не выгодна для одной из сторон. При таких обстоятельствах признание сделки недействительной по основанию неравноценного встречного исполнения и применение последствий реституции сделки при добросовестности стороны договора, проявившей должную степень внимательности и осмотрительности и заключившей сделку с должником, с условием небольшого отличия договорной цены от рыночной, нарушает интересы данной стороны.

Исходя из этого, следует, что положения ч. 1 ст. 61.2 Федерального закона не соответствуют принципу справедливости.

Определение «неравноценности» осуществляется судом в каждом конкретном случае индивидуально исходя из обстоятельств совершения той или иной сделки [3–5].

Для правильного применения положений ч. 1 ст. 61.2 Федерального закона и признания недействительными сделок с неравноценным встречным исполнением видится необходимым определить четкие критерии «неравноценности».

Для разрешения данного правового пробела целесообразно обратить внимание на историю возникновения института признания недействительными сделок с неравноценным исполнением.

Для начала следует обратиться к Римскому праву и институту *Laesio enormis*. Сущность института в Римском праве раскрывалась следующим образом — «если ты или

твой отец продали за бесценок вещь, стоящую дороже, то ты можешь при содействии судебной власти получить обратно имение, проданное тобой, с одновременным возвращением покупателю уплаченной цены, или же, если покупатель предпочитает такой выход, ты можешь дополнить недостающее до справедливой цены» [6].

Цена предмета договора считалась низкой, если она ниже половины рыночной стоимости. При этом это правило работало как в отношении продавца, так и покупателя, т. е. было направлено на защиту слабой стороны в договоре.

Положения данного правового института в настоящее время не применяются в большинстве стран. В Англии, США, а также в актах международного договорного права судьи по своему усмотрению контролируют соразмерность договорной цены, если она явно несоразмерна, четких порогов не устанавливается.

Во Франции законодательно закреплена фиксированная цена только для договоров купли-продажи недвижимого имущества и ряда иных сделок, предполагая, что несоразмерность встречных предоставлений не порочит сделку. Однако в Италии ценовые значения закреплены на законодательном уровне и носят общий характер. Так, установление цены в два раза большей, является необходимым условием для того, чтобы суд начал анализировать наличие признаков кабалности сделки.

В Энциклопедии европейского частного права от Института Макса Планка (Германия) указывается, что в настоящее время доминирующим в европейском праве подходом является «учет явной несоразмерности цены в качестве одного из двух критериев допустимого судебного вмешательства; вторым же критерием является доказанная эксплуатация неравенства переговорных возможностей». Поэтому одного лишь факта явной несоразмерности цены «в соответствии с каким-либо более или менее произвольным фиксированным уровнем несоразмерности встречных предоставлений», за рядом исключений, считается недостаточно для оправдания судебного вмешательства [7].

В германском гражданском праве нет императивного закрепленного принципа *laesio enormis*, в этих целях используется положение параграфа 138 о добрых нравах. Практика Верховного суда Германии складывается следующим образом — если сделка составляет разницу 100 %, то она признается «аморальной» и подлежит отмене [8].

На основании изложенного следует, что даже если в правовой системе государства закреплён уровень несоразмерности цены, в конечном итоге такая несоразмерность определяется по судебскому усмотрению исходя из фактических обстоятельств заключения сделки.

Считаю, что положения института *laesio enormis* применимы и в рассматриваемых статьях правоотношениях, возникающих при оспаривании сделок должника по признакам неравноценного встречного исполнения. Иными словами, полагаю необходимым внести изменения в ч.1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в той части, что установить начальный предел неравноценного встречного исполнения по сделке (стоимость выполнения обязательства), который более чем на 20 % отличается от цены исполнения обязательств аналогичных сделок.

Ряд научных деятелей положительно относятся к правовой идее об установлении начального предела неравноценности, отмечая, что это даст критерий оценки судам, которые «боятся принимать решения о признании недействительными сделок» [9, с. 85–86] и способствовало дополнительной защите против злоупотреблений участников гражданских отношений [10, с. 106]. Вместе с тем с другой стороны, данное нововведение для оспаривания сделок с неравноценным встречным исполнением обязательств может привести к большей дестабилизации гражданского оборота [11, с. 35–42.].

Стоит отметить, что предлагаемое нововведение дает лишь основание для рассмотрения судом вопроса о признании недействительной сделки по признаку «неравноценности».

Так, для признания сделки недействительной по данному основанию суду необходимо установить два обстоятельства: во-первых, стоимость обязательства, отличающуюся более чем на 20 % от рыночной цены, а во-вторых, неравноценное условие о стоимости должно быть включено в сделку в результате недобросовестного поведения сторон (стороны) договора, который, в свою очередь, будет подтверждаться (опровергаться) исходя из представленных суду доказательств.

Значимость предлагаемого нововведения заключается в том, что данный подход исключит оспаривание сделок, цена которых незначительно отличается от рыночных, что в конечном итоге положительно скажется на проведении процедуры банкротства и защитит права добросовестных контрагентов.

Литература:

1. Статистический бюллетень ЕФРСБ 30 июня 2020 года [Электронный ресурс] <https://fedresurs.ru/news/42cab277-3328-4c2f-bbcd-ac728d3e1abc>;
2. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. ФЗ от 28.12.2013 г. № 419-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 43. ст. 4190;
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 декабря 2019 г. по делу № А11-569/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 февраля 2020 г. по делу N А82-24570/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;

5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 февраля 2020 г. по делу N А79-1127/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
6. Римское право: учебное пособие для студентов всех форм обучения по специальности 030501 «Юриспруденция» / Бозиев Т. О., Бодунова О. Г., Бухаров Н. Н., и др. СПб.: Изд-во: Ленинградский областной институт экономики и финансов, 2008;
7. Карапетов, А. Г., Савельев А. И. «Свобода договора и ее пределы. Том 2. Статут 2012. с. 342» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17176#0>;
8. Finkenauer, T. Zur Renaissance der laesio enormis beim Kaufvertrag // Festschrift für Harm Peter Westermann zum 70. Geburtstag. Köln, 2008;
9. Пьянкова, А. Ф. Баланс интересов в гражданском праве и его обеспечение в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2012;
10. Кратенко, М. В. Злоупотребление свободой договора: частноправовые и публично-правовые аспекты: монография. — М.: ВолтерсКлувер, 2010;
11. Зезекало, А. Ю. К вопросу о возрождении laesio enormis // Вестник гражданского права. — 2012. — № 1.

Правовое положение адвоката при проведении процедуры несостоятельности (банкротства) граждан

Быков Сергей Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается правовое положение адвоката по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан.

Ключевые слова: банкротство, представительство, адвокат.

Введенный Федеральным законом от 29.06.2014 № 154 — ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» правовой механизм банкротства граждан является одним из элементов регулирования рыночных отношений. Следует указать, что банкротство граждан в своей сущности отличается от процедуры несостоятельности (банкротства) юридических лиц. Банкротство организаций, различных форм собственности, причиной которых, как правило, является неэффективное управление, имеет своей целью исключение из рыночных отношений неплатежеспособных участников с помощью их ликвидации или восстановления платежеспособности. Касательно банкротства граждан преследуются цели восстановления деятельности физического лица в экономической и социальной сферах общественной жизни путем освобождения от долгов.

Согласно статистике за период с января по сентябрь 2020 г., количество решений судов о банкротстве граждан, включая индивидуальных предпринимателей, составило 77 050 шт., что больше аналогичного периода прошлого года на 64,9 %. За период существования института личного банкротства признаны несостоятельными 240 285 граждан [6].

Банкротство граждан представляет с собой сложный как с процессуальной, так и с материальной точки зрения

процесс. Достаточно, к примеру, указать, что срок процедуры банкротства не может быть менее 7 мес. [3]. Кроме того, большинство физических лиц не имеют высшего юридического или экономического образования, не являются профессиональными участниками рынка, вследствие этого граждане все чаще прибегают к услугам представителей или адвокатов при ведении их дел в судебных инстанциях.

Согласно действующему законодательству, граждане могут вести свои дела лично или через представителей [1]. В арбитражном процессе адвокат участвует в качестве представителя на основании соглашения. Как и в гражданском процессе, здесь также отсутствует адвокатская монополия на представление интересов. Так, в силу п. 3 ст. 59 АПК РФ представителями граждан могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

В тоже время, круг лиц, имеющих право представлять интересы участников дела о банкротстве, а также требования, предъявляемые к таким представителям, определены ст. 36 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Так, статьей предусмотрено, что представителями граждан и организаций, являющихся участниками дела о банкротстве, вправе выступать любые дееспособные граждане, имеющие надлежащим образом

оформленные полномочия на ведение дела о банкротстве. Обязательных требований к образованию представителя вышеуказанной нормой не предусмотрено.

С учетом того, что рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) рассматривается судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными Законом о банкротстве, то требования ст. 36 Закона о банкротстве в данном случае являются специальной по отношению ст. 59 АПК РФ нормой права. Следовательно, представителем по делам о банкротстве граждан может быть и лицо, не имеющего высшего юридического образования [4].

В то время как согласно предъявляемым Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) требованиям к лицам, желающим получить статус адвоката, наличие высшего юридического образования носит императивный характер.

Часть 3 ст. 61 АПК РФ предусматривает, что полномочия адвоката подтверждаются в соответствии с федеральным законом. Непосредственного требования о наличии ордера положения АПК РФ не содержат. В связи с этим для подтверждения полномочий адвоката достаточно только доверенности [5].

Относительно полномочий адвоката и иного представителя АПК РФ не предусматривает каких-либо различий в их полномочиях, указывая при этом на возможность совершения ими ряда процессуальных действий, влияющих на ход судебного разбирательства (подписание заявления о признании банкротом, отзыва на заявление, полный или частичный отказ от заявленных требований, признание иска, заключение мирового соглашения и т. п.), лишь при их непосредственном перечислении в доверенности [1].

Вместе с тем, правовое положение адвоката в арбитражном процессе имеет свою специфику. Так, интересную позицию высказывает Е. М. Халеппо, которая предлагает выделить в специальную группу полномочий адвокатов, предусмотренных Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [7]. А именно, согласно ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат вправе: собирать сведения, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций; опрашивать с их согласия лиц; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами; привлекать на договорной основе специали-

стов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Деятельность адвоката, как и иного представителя по защите интересов доверителя, в рамках процедуры банкротства граждан довольно обширная. А именно, представитель должен выстроить стратегию защиты, учитывая фактические обстоятельства дела, действующее законодательство и сложившуюся судебную практику; консультировать клиента в процессе ведения дела по различным вопросам. А поскольку итоговое решение о признании должника банкротом происходит именно в суде, не лишне оказать необходимое влияние на суд, представив убедительные доказательства в правильной последовательности.

Переоценить роль представителя в правильном исходе дела достаточно сложно — именно благодаря ему можно грамотно и эффективно отстоять в суде свои интересы. Безусловно, что правовая помощь не ограничивается лишь представительством законных интересов в суде. К деятельности адвоката следует отнести такую работу, как

- правовую экспертизу документов, представленных должником;
- проведение переговоров при осуществлении процедур внесудебного урегулирования споров;
- грамотное составление искового заявления;
- истребование разного рода документов о деятельности представляемого лица. Причем праву адвоката требовать документы корреспондирует обязанность должностного лица, которому адресован соответствующих адвокатский запрос, предоставить соответствующие документы в установленный законом срок [2];
- проведение опроса лиц и принятие мер по вызову людей в суд;
- привлечение специалистов любой сфере.

Подводя итог сказанному следует сделать вывод, для успешного завершения дела о банкротстве физического лица следует заручиться поддержкой опытного адвоката. Адвокат, как лицо, обладающее высшим юридическим образованием, способен оказать на профессиональной основе юридическую помощь, нежели чем представитель.

Кроме того, адвокат, обладает более четко оформленным процессуальным статусом, чем иной представитель. Так, предоставленные Законом об адвокатуре полномочия позволяют адвокату использовать более широкий спектр возможностей для представления и защиты интересов своего доверителя.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 2016. № 52. Ст. 7484;
2. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: ФЗ от 31.05.2020 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102;
3. «О несостоятельности (банкротстве)»: ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. 31.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190;

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)», утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 № 82 (ред. от 01.07.2014) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»;
6. Число банкротств граждан и компаний за 9 мес. 2020 [Электронный ресурс] <https://fedresurs.ru/news/8b77432d-3823-415d-8127-8d9cb71953f7>;
7. Халепко, Е. М. Правовое положение адвоката как участника гражданского и арбитражного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. с. 8.

Институт квазисоучастия в самоубийстве

Васильев Кирсан Евгеньевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Самоубийство как социально-правовая проблема приобретает новый виток развития в XXI веке. По данным ВОЗ Российская Федерация по числу жертв самоубийства входит в тройку мировых лидеров [1].

Одним из самых подвергнутых опасности слоев общества по данному вопросу являются дети и подростки. По данным Следственного Комитета Российской Федерации в течение 2016–2018 годов в нашей стране совершило самоубийство 2205 детей в 40 субъектах [2]. Уголовное законодательство России само «самоубийство» не считает, как отдельное преступление наряду с убийством. Но существуют статьи в Уголовном Кодексе Российской Федерации, где определяется ответственность лиц, которые доводят (ст. 110 УК РФ), склоняют или содействуют (ст. 110.1 УК РФ), также организуют деятельность (ст. 110.2 УК РФ), которая побуждает человека к самоубийству. Есть смысл сказать то, что уголовное законодательство нашего государства пытается регулировать многие аспекты, связанные с преступлениями относящихся к «самоубийству». Даже так уголовные дела по вышеперечисленным статьям в рассмотрении суда — это не частое явление. Об этом свидетельствует и статистика [3]:

- 1) По ч.1 ст. 110 УК РФ за 2014–2019 год — было осуждено 62 человека;
- 2) По ч.2 ст. 110 УК РФ за 2014–2019 год — было осуждено 9 человек;
- 3) По ч.3 ст. 110.1 УК РФ за 2014–2019 год — было осуждено 5 человек;
- 4) По ч.5 ст. 110.1 УК РФ за 2014–2019 год — было осуждено 3 человека;
- 5) По ч.2 ст. 110.2 УК РФ за 2014–2019 год — было осуждено 1 человек.

Это доказывает, что квалификация данных преступлений очень трудна и имеет ряд определённых сложностей. В данных уголовных деяниях огромную роль играет важность уголовно-правовой оценки всей ситуации.

Немаловажную актуальность темы придает то, что с развитием технологий, а именно сети «Интернет», люди стали часто пользоваться «социальными сетями», на-

пример, такими как: «Вконтакте», «Твиттер», «Инстаграм», «Телеграм». В данных платформах начали образовываться так называемые группы-смерти, а именно, например: «Синий кит», «Беги или умри», «Фея огня». Деятельность этих групп связана с активной аморальной пропагандой, нацеленной на молодежь для побуждения у них мыслей о самоубийстве. Для предотвращения таких ситуаций законодателем были введены в 2017 году в новой редакции ст. 110 УК РФ, а также совсем новые ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ. Из-за сложившейся в то время ситуации и спешки данные статьи получили неоднозначные оценки от многих юристов, так как была выявлена масса теоретических и практических проблем, связанных с определением состава преступления, пределов криминализации, уголовной ответственности.

Наше внимание привлекло то, что в данных статьях, а именно в их правовых регламентациях имеются элементы так называемого вида соучастия как «квазисоучастия», в работе мы постарались подтвердить существование данного института с помощью анализа уголовного законодательства РФ и зарубежного уголовного законодательства.

Для наилучшего понимания обратимся к этимологии. «Квази» в юридических словарях является приставкой из латинского языка, которая применяется к определённым словам для закрепления их «мнимости» [5], то есть это можно объяснить, как, например, «якобы» совершенное действие.

Ученые в сфере уголовного права толкуют данное понятие «как мнимое участие лица в совершении преступления в роли исполнителя» [6]. Данная мнимость может заключаться в различных условиях. Такие как, например:

- 1) Не достижения определенного возраста — (несовершеннолетие);
- 2) Умственное или волевое состояние лица — (невменяемость);
- 3) Психологическое или физическое воздействие на человека — (принуждение);
- 4) Служебные ограничения в действиях.

В российском законодательстве имеется специальный правовой метод регламентации «квазисоучастия» — оно закреплено в понятии «посредственного исполнения» [4]. В юридической литературе данное уголовно-правовое понятие имеет тесное отношение с характеристикой подстрекателя, который при вышесказанных определённых условиях мог становиться исполнителем. Суть заключается в том, что лицо может не нести уголовную ответственность за свои действия, он как бы становится инструментом подстрекателя для совершения преступления. Таким образом лицо, которое по существу не выполняло объективную сторону преступления, становится исполнителем.

Раскрывая смысл «квазисоучастия» в уголовно-правовом аспекте, мы солидарны с определением данным Елисейевой Н. М., то есть она понимает это как — «специфическую форму совместного общественно опасного поведения, включенного законодателем в институт соучастия, при наличии возрастной или психической неменяемости исполнителя деяния, насильственного или служебного ограничения его волеизъявления либо необходимости решения задачи по изобличению преступника, либо иного противоправного воздействия на потерпевшего с целью совершения последним преступления» [7]. Данное определение по сути раскрывает полностью все особые аспекты квазисоучастия в преступлениях.

Очевидное существование «квазисоучастия» в нашем Уголовном Кодексе РФ можно увидеть в ст. 110. В правовой регламентации данной статьи обязательным признаком являются общественные опасные действия, повлекшие самоубийство потерпевшего, а именно доведение. Конкретно в этом составе преступления образуется определённая специфическая причинно-следственная связь. Это исходит от того, что сам факт самоубийства потерпевшего не является окончательной целью, а по существу это последствия продолжительного аморального воздействия. Действия, направленные на причинения физических и (или) психических страданий, из-за которых лицо, не найдя выхода из ситуации, пошло на такой, грубо говоря, «отчаянный шаг» как самоубийство — это тесно связано с прямой причинной связью. И прямо вот здесь в аспекте причинно-следственной связи демонстрируется «квазисоучастие» в совершении рассматриваемого преступления. Само по себе в прямой причинно-следственной связи находятся преступные действия субъекта преступления и переживаемые потерпевшим психические страдания, и испытываемая им физическая боль. Действия потерпевшего и действия виновного находятся в так называемой «опосредованной» причинной связи.

Из этого следует то, что главный правовой смысл данного вида «соучастия» исходит из действий, вытекающих не из прямых преступных действий исполнителя, а из криминальной деятельности, которая формируется вокруг него.

Четко установлено понятие «квазисоучастия» в государствах, где законодатель в свое время закрепил обо-

юдную ответственность за «самоубийство», а это значит, что несет ответственность не только лицо, вовлечённое в самоубийство, но и сам самоубийца. Особо это распространено в государствах, где закон связан с религиозными постулатами. Это относится к мусульманским странам как ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран, Ирак у них существует тесная связь светского права и религиозной священной книги Коран [8].

В зарубежных странах существуют разные подходы к регламентации института «квазисоучастия» в своих уголовных законодательствах, например, в Великобритании подстрекательство или то же пособничество приравнивается к убийству [9]. Такой метод считается невозможным в российских уголовно-правовых реалиях. В других европейских странах, например, в Италии, Республике Сербской, Сан-Марино уголовное законодательство устроено так, что подстрекательство или иные действия, повлекшие самоубийство, приравниваются к убийству, если это совершено в адрес несовершеннолетнего или невменяемого лица.

Но в большинстве стран Европы существуют ограничения от убийства, то есть имеется отдельная уголовная ответственность за содействие, пособничество, подстрекательство к самоубийству. В уголовных законодательствах государств ближнего зарубежья в таких как Азербайджан, Казахстан, Таджикистан и Узбекистан определен такой особый признак потерпевшего как его зависимость от виновного, это выражается в:

- 1) Материальной зависимости;
- 2) Служебной зависимости;
- 3) Иной зависимости.

Стоит отметить, что в Уголовный Кодекс Литвы, где есть определенные специфические нормы такие как, ст. 133 УК Литвы «склонение к самоубийству или доведение до самоубийства», ст. 134 УК Литвы «оказание помощи при самоубийстве». Привлекло наше внимание на себя то, что наказуемо по ст. 134 УК Литвы лишь оказание помощи по просьбе безнадежно больного человека. В данном случае остается открытым вопрос об ответственности за оказание помощи в самоубийстве здоровому человеку.

Интересной нам кажется и квалификация субъективной стороны данных преступлений, данный элемент состава преступления выражается в умышленной форме вины. И в данном русле стоит отметить то, что в УК Швейцарии одним из обязательных признаков субъективной стороны деяний, связанных с самоубийством человека является наличие определенного корыстного интереса, благодаря этому получается значит существенно ограничить пределы криминализации.

Европейские государства понимают всю общественную опасность, которая исходит от преступлений, связанных с самоубийством, в которых квалифицируется участие, например, квазиподстрекателя или квазипособника. Для профилактики и предотвращения они в своих уголовных законодательствах изменяют вид уголовной ответственности, характер и размер за «квазисоучастие», а именно создают

особые составы преступления. Существуют основные квалифицирующие признаки «квазисоучастия» такие как возраст потерпевшего, а именно не достижение им совершеннолетия, также психическое состояние лица, то есть невменяемость. Можно отметить в этом аспекте Уголовный Кодекс Испании, лишь там в качестве одного из признаков отмечено последствие деяния — а именно «если усилиями виновного в итоге было совершено самоубийство, в результате которого наступила смерть» (ч. 3 ст. 143 УК Испании).

Отдельный интерес по нашей теме имеет значение такая практика как «эвтаназия». Под «эвтаназией» понимается процедура прекращения жизни человека, страдающего неизлечимой болезнью и из-за которых лицо испытывает невыносимые мучения. Лишение жизни потерпевшего по его собственной просьбе в отдельных странах имеет особый состав преступления, он выражается в том, что такое деяние квалифицируется как привилегированное убийство, это в таких странах как Федеративная Республика Германия, Польша, Австрия. В других странах, например, в той же Испании существует точное разделение содействия к самоубийству и лишение жизни по просьбе самого потерпевшего. Смысл заключается в том, что первое деяние несет большую общественную опасность, чем второе.

«В тех случаях, когда убийство или помощь в его совершении были совершены по настоятельной, серьезной и ясной просьбе самого убитого, страдающего тяжелой болезнью, причиняющей последнему тяжелые страдания, то применяется наказание на одну или две степени ниже того, которое предусмотрено за содействие самоубийству» [10] — ч. 4 ст. 143 УК Испании. Аналогичная ситуация встречается в Уголовном Кодексе Литвы, там существует статья 134 «Оказание помощи при самоубийстве». Санкции, установленные в данной статье намного мягче, в сравнении с однообъектными преступлениями.

Литература:

1. От самоубийств в мире погибает больше людей, чем от войн и убийств // URL: <http://www.secretfree.info/1megalopolis/megalopolis5.htm> (дата обращения: 23.11.2020 г.).
2. Пояснительная записка к законопроекту № 118634-7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/118634-7> (дата обращения: 23.11.2020 г.).
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.11.2020 г.).
4. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Герцензон А. А., Исаев М. М., Пионтковский А. А., Утевский Б. С.; науч. ред.: В. Д. Меньшагин. М., 1948. с. 433.
5. Елисева, Н. М. Европейский опыт криминализации квазисоучастия в самоубийстве // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. Краснодар, 2018. № 5.
6. Елисева, Н. М. Теологические основы криминализации доведения до самоубийства через призму догм христианского вероучения // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (21 сентября 2018 г.). Том 1. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018.
7. Елисева, Н. М. Эволюция института уголовной ответственности за доведение до самоубийства в России в XX — XXI вв. // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности и здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Краснодар: КСЭИ, 2018.
8. Расулов, А. Самоубийство // Все об Исламе [сайт]. — URL: <http://www.islamdag.ru> (дата обращения: 24.11.2020 г.).

Завершая анализ зарубежных уголовных законодательств, мы пришли к выводу, что «квазисоучастие» в самоубийстве характеризуется в большинстве стран отсутствием уголовной ответственности за само совершение лицом самоубийства, но с ответственностью за деяния такие как: склонение к самоубийству; помощь в самоубийстве; подстрекательство к самоубийству.

После разбора нашего уголовного законодательства можно прийти к выводу, что в Уголовном Кодексе РФ перечень «квазисоучастия» в сравнении довольно ограничен, поскольку в ст. 110 УК РФ установлена уголовная ответственность еще и за доведение до самоубийства, а в ст. 110.2 УК РФ — за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Для лучшего и правильного правоприменения данного правового института считаем, что надо закрепить в Уголовном Кодексе Российской Федерации официальное определение. Основная проблема для законодателя заключается в определении им пределов, содержания, процессов, связанных с уголовной ответственностью по поводу «квазисоучастия». Также считаем, что для более эффективного применения, нашему законодателю надо взять в пример опыт зарубежных стран, а конкретно опыт Швейцарии в том смысле, чтобы была дифференциация уголовной ответственности, если у виновного присутствовала корыстная заинтересованность. Также определенным отличием нашего уголовного законодательства от других является то, что у нас не содержатся особые составы преступлений, в которых учитывается особое состояние потерпевшего. Думаем, будет правильно включить в наш кодекс норму, чья правовая регламентация заключалась бы в том, что оказание помощи в самоубийстве по просьбе лица, который неизлечимо болен и страдает от этого.

9. Suicide Act 1961 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/9-10/60/contents> (дата обращения: 23.11.2020 г.).
10. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/#> (дата обращения: 24.11.2020).

Проблемы и перспективы совершенствования нормотворческой деятельности правоохранительных органов (на примере МВД РФ и ФСИН России)

Васильева Ксения Игоревна, студент магистратуры;
Жеребцов Денис Валерьевич, студент магистратуры

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Анализ нормативных актов МВД и ФСИН России во многом отражает особенности и недостатки деятельности данных ведомств, проявляет все краевольные проблемы и подводные камни. На наш взгляд процесс совершенствования нормотворческой деятельности во многом связан с процессом их подготовки и отлаженностью механизма их согласования.

Необходимо отметить, что порядок подготовки для всех актов правоохранительных органов установлен Правительством РФ [1]. Данный документ регламентирует общие требования, предъявляемые и к проектам правовых актов, и к процессу его подготовки. Так ст. 1 Правил устанавливает «...нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются на основе и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции» [2].

Отдельные вопросы регламентируются Инструкциями по делопроизводству (например: Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти [3] определяет единые правила создания правовых документов в федеральном органе исполнительной власти; Инструкция по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы № 463, определяет правила подготовки, обработки, хранения и использования образующихся в деятельности учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органов ФСИН России и подведомственных им учреждений документов).

Видеться необходимым провести анализ особенностей механизма подготовки и принятия нормативных актов указанных ведомств.

Как уже было указано выше, право на издание нормативных актов имеют только первые лица указанных министерств и ведомств. Однако, исходя из ст. 11 Положения о МВД последнее «разрабатывает и представляет Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации проекты федеральных конституционных

законов, федеральных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел; подготавливает другие документы, по которым требуется решение Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации, по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел...» [4]. Следовательно, прерогатива издания нормативных правовых актов МВД России принадлежит не только исключительно министру. Отдельные должностные лица в системе МВД России также обладают указанным правом. Исходя из нормы ст. 18 Положения «...руководит структурным подразделением МВД России начальник, который в соответствии с полномочиями, определенными в Регламенте, положении о структурном подразделении МВД России, а также на основании отдельных письменных поручений Министра (заместителей Министра): обеспечивает подготовку в установленном порядке проектов актов, международных договоров, а также проектов международных актов, не являющихся международными договорами, и других документов МВД России по соответствующему направлению деятельности; обеспечивает рассмотрение поступивших в МВД России обращений, проектов актов, международных договоров, а также проектов международных актов, не являющихся международными договорами, и других документов, а также подготовку заключений на них.

Аналогичным образом выглядит ситуация с ФСИН России. Приказом ФСИН РФ от 19-05-2006 № 245 «Об утверждении регламента подготовки и принятия правовых актов ФСИН» установлено, что «...правовые акты издаются ФСИН России в пределах своей компетенции в виде приказа или в ином установленном законодательством Российской Федерации виде в соответствии с утверждаемыми Правительством Российской Федерации правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. Подготовка и согласование проекта нормативного правового акта осуществляет уполномоченное структурное подразделение с привлечением при необходимости специалистов научных и иных организаций. Проекты нормативных правовых

актов до их подписания подлежат обязательному согласованию с правовым управлением. Правовые акты ФСИН России подписываются директором (лицом, исполняющим его обязанности)...» [5].

Кроме того, в Правилах подготовки нормативных актов федеральными органами исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Правительством РФ, установлено, что структурные подразделения и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти не вправе издавать нормативные правовые акты. Однако указанное ограничение касается не всех нормативных правовых актов, а лишь актов, подлежащих государственной регистрации, хотя в Правилах это прямо не закреплено.

Исходя из сказанного представляется возможным констатировать, что министр (директор) обладает общей компетенцией по изданию нормативных актов, которые относятся к ведению рассматриваемых ведомств. В отношении аналогичных правомочий заместителей министра (директора), руководителей подразделений МВД и ФСИН России существуют ограничительные условия:

Во-первых, изданные ими акты не могут носить межведомственного характера;

Во-вторых, отношения, регулируемые такого рода актами не должны выходить за рамки деятельности возглавляемых ими подразделений;

В-третьих, они не могут противоречить актам, изданным министром, а нормативные правовые акты руководителей подразделений — актам, изданным заместителями министра.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ, 18.08.1997. — № 33, ст. 3895.
2. Собрание законодательства РФ, 18.08.1997. — № 33, ст. 3895.
3. Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 4, ст. 305.
4. Собрание законодательства РФ. 26.12.2016. № 52 (Часть V), ст. 7614.
5. Собрание законодательства Российской Федерации, 2006. № 4. ст. 305.

К вопросу о правовой природе договора теплоснабжения

Вахранева Марина Анатольевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В настоящей статье автор анализирует правовую природу договора теплоснабжения, выделяет его значение, основные особенности и признаки.

Ключевые слова: договор, правовая природа, теплоснабжение.

Теплоснабжение является одной из важнейших отраслей российской экономики, как в производственном аспекте, так и в социальном — коммерческая

Еще одной особенностью ведомственного нормотворчества является плановая система подготовки нормативных актов. Основаниями для их создания являются Конституция РФ, указы Президента и распоряжения Правительства РФ, а также Планы работ анализируемых ведомств.

Несмотря на детальную регламентацию механизма подготовки ведомственных нормативно-правовых актов, думается есть необходимость внести ряд предложений по совершенствованию данного процесса.

Поскольку нормотворчество в правоохранительной сфере процесс динамичный все изменения в данной сфере связаны с изменениями государственной политики и экономики.

Кроме того, на сегодняшний день в правоохранительных органах принимается огромное количество локальные акты, что зачастую вызывает прямое либо косвенное противоречие организационно-распорядительных документов. В этой связи предлагаем уменьшить количество принимаемых актов, путем кодификации положений, приказов, распоряжений, уставов, регламентов и др. либо путем составления перечня заданий систематического исполнения.

Думается, будет положительный эффект от издания и закрепления на законодательном уровне унифицированного сборника нормативных актов правоохранительных органов, регулирующих правоотношения в рамках представленных федеральным законодательством полномочий.

Так же предлагаем, проводит системный анализ актов внутри каждого ведомства правоохранительной сфере, в целях исключения утративших силу и не соответствующих требованиям современного законодательства.

деятельность в области теплоснабжения является той областью деятельности, эффективность которой определяет успешность решения как технических, так и экономиче-

ских вопросов функционирования и развития теплоснабжения.

При этом в настоящее время в Российской Федерации, как и во всем мире, особую актуальность приобретают проблемы «оптимального функционирования систем теплоснабжения с максимальным производством энергии комбинированным способом», что, в частности, нашло свое отражение в действующей «Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» [1].

Основной правовой конструкцией, лежащей в основе отношений по поставке тепловой энергии, является договор теплоснабжения, который распространяется на взаимоотношения снабжающей организации и потребителя, как по передаче продукции, так и по ее использованию. Данный договор опосредует экономические отношения по производству и передаче тепловой энергии, являясь разновидностью договора энергоснабжения, при этом обладает определенными сходствами и отличиями с договором купли-продажи, что затрудняет определение его правовой природы.

Значение изучения правовой конструкции договора теплоснабжения определяется тем, что в юридической науке до сих пор идут споры о его правовой природе [2], а также тем, что применение договора теплоснабжения на практике осложняется целым рядом вопросов.

Важнейшие среди них связаны с отсутствием понятных и нормативно-определенных критериев качества и эффективности теплоснабжения. Кроме того, действующим законодательством не определено право оплаты за отопление в соответствии с качеством теплового комфорта, а только по количеству потребленной тепловой энергии, а также не предусмотрено право отказа от платежа при несоблюдении санитарно-гигиенических норм. Эти и другие проблемы ведут к многочисленным судебным спорам. Таким образом, определение правовой природы договора теплоснабжения, а также особенностей его применения в коммерческой деятельности является важной научно-практической задачей, что и диктует актуальность настоящей статьи.

В науке договор теплоснабжения считается консенсуальным, возмездным, взаимным, публичным.

Консенсуальность договора энергоснабжения означает, что для возникновения комплекса прав и обязанностей у сторон достаточно достижения соглашения по всем существенным условиям [3, с. 49].

Договор теплоснабжения всегда возмездный договор. В соответствии с действующим законодательством возмездным признается договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное представление за исполнение своих обязанностей.

Взаимность договора теплоснабжения указывает на то, что права и обязанности по данному договору возникают как у энергоснабжающей организации, так и у абонента. Оформлению правоотношений в сфере энергоснабжения свойственны специальные договорные конструкции: публичный договор и договор присоединения. По вопросу их соотношения в науке имеются разногласия.

По своей природе нормы о публичном договоре являются антиподом тех норм, которые закрепляют свободу договоров. Статья 539 ГК РФ [4] прямо не относит договор энергоснабжения к числу публичных, тем самым прямо не подчиняет его правилам ст. 426 ГК РФ [5]. Публичный характер договора энергоснабжения подчеркивается в юридической литературе [6].

Судебная практика так же признает договор энергоснабжения публичным. В п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [7] при рассмотрении п. 1 ст. 544 ГК об оплате за фактически потребленную энергию сделан вывод о публичности интересов абонентов, защищаемых средствами государственного регулирования тарифов по договору энергоснабжения [8, с. 17].

Суды делают выводы о том, что «к договору снабжения электрической энергией (мощностью) применимы положения ГК о публичном договоре, ГК относит договор энергоснабжения к публичным договорам» [9], прибегая к трактовке положений п. 1 ст. 426 ГК, и прямое указание на публичность в Законе об электроэнергетике».

Согласно п. 1 ст. 426 ГК договор энергоснабжения является публичным, а потому лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, обязано заключить договор с каждым, кто к нему обратится.

Под публичным договором понимается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто ней обратится.

Таким образом, режим публичных договоров прямо противоположен режиму свободы договоров, наиболее полно выражающему частноправовые начала, составляющие основу гражданского права. Очевидно, что в данном случае законодатель, отнеся договор энергоснабжения к публичным договорам, преследовал цель защиты слабой стороны.

В зависимости от порядка заключения и момента возникновения прав и обязанностей сторон договоры подразделяются на консенсуальные и реальные. Договор теплоснабжения является консенсуальным, поскольку считается заключенным с момента заключения сторонами соглашения по всем существенным условиям с соблюдением установленной законом формы [10, с. 12].

По природе отношений договора могут быть возмездными и безвозмездными. Договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное представление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. Из самого понятия договора энергоснабжения видно, что договор является таковым, поскольку одним из существенных условий договора является цена. Также согласно статье 423 ГК РФ: «Договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное».

Рассматриваемый договор является взаимным, поскольку во взаимных договорах каждая из сторон приоб-

ретаает права и одновременно несет обязанности по отношению к другой стороне.

Договор энергоснабжения является видом договора купли-продажи и регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, специальными нормативными актами, в части не противоречащей ГК РФ.

Вопросы, неурегулированные законом, решаются на основе общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о купле-продаже (но не норм о поставке).

Один из важнейших элементов договора теплоснабжения — субъектный состав, обязательными участниками которого являются: лицо, потребляющее энергию, то есть потребитель (или абонент), и теплоснабжающая организация (продавец). В ГК РФ понятия «потребитель» и «теплоснабжающая организация» отсутствуют, однако они раскрываются в литературе.

Так, под бытовым потребителем понимается: «потребитель, приобретающий электроэнергию для использования ее в собственном домовладении, исключающем использование электроэнергии в коммерческих или производственных целях», в свою очередь, абонент — «физическое либо юридическое лицо, заключившее или обязавшее заключить договор энергоснабжения» [11]

Стоит отметить, что такой субъект как гарантирующий поставщик является особым субъектом в области энергоснабжения. Как отмечает А. П. Адаменко «Правовое положение и ответственность гарантирующих поставщиков не урегулировано на законодательном уровне. В гражданском кодексе договору энергоснабжения отведено десять статей, однако все они не могут в полной мере решить вопросы, возникающие при поставке и потреблении энергии. Поставщиком энергии по договору энергоснабжения обычно выступает коммерческая организация, производящая или приобретающая энергию для перепродажи потребителям, но так или иначе специализирующаяся на осуществлении данного вида деятельности, что обусловлено особенностями оборота такого специфического объекта гражданских прав, как энергия» [12, с. 85].

Абонент — сторона договора энергоснабжения (потребитель электроэнергии). Абонентом может быть как физическое, так и юридическое лицо.

Абонент-физическое лицо — это бытовой потребитель. Как правило, договор энергоснабжения с физическим лицом имеет конклюдентный характер, поскольку физическое лицо вступает в правоотношения с энергоснабжающей организацией путем принятия энергии (например, тепло-или водоснабжения, электричества).

Абонент-юридическое лицо — это организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по

своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, это лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность [13, с. 76].

Интересно заметить тот факт, что еще до того, как будет заключен договор энергоснабжения, энергия уже является доступной, то есть физическое или юридическое лицо может ей воспользоваться.

Основной массе потребителей услуги по передаче электрической энергии оказывают территориальные сетевые организации. При этом каждой модели правоотношений (сетевая организация — смежная сетевая организация; сетевая организация — гарантирующий поставщик; сетевая организация — сбытовая организация; сетевая организация — конечный потребитель электрической энергии) присущи свойственные только ей особенности. И предмет, и существенные условия рассматриваемого договора непосредственно зависят от того, кем является потребитель, что свидетельствует о том, что законодатель предусмотрел отступление от принципа идентичности условий публичного договора.

Таким образом, основными признаками договора теплоснабжения являются:

1. Товар передается посредством присоединения к сети энергоснабжения;
2. Обладание абонентом устройства для приема и присоединения к энергосети снабжающей организации, а также наличие необходимых приоритетов для учета потребления электроэнергии;
3. Наличие у покупателя дополнительных обязанностей, согласно которым он должен обеспечивать установленный режим потребления, безопасности эксплуатации находящихся в его ведении сетей и исправности используемых им приборов и оборудования;
4. Обязательный участник договора — абонент, потребляющий тепло и энергию (п. 1 ст. 539 ГК РФ).

Договор теплоснабжения является:

1. Консенсуальным, поскольку влечет возникновение субъективных прав и обязанностей у сторон договора с момента его заключения в письменной форме (ст. 160, 434 ГК РФ);
2. Каузальным, поскольку основной целью данного договора является потребление энергии (тепла) абонентом, а энергоснабжающей организации — получение вознаграждения за энергию;
3. Возмездным, поскольку обязанность по передаче тепла энергоснабжающей организацией взаимосвязана с обязанностью абонента по её оплате.

Литература:

1. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р. — Текст: электронный // Правительство Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYt4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 24.11.2020).

2. Головкина, Д. В. Понятие договора теплоснабжения и его место в системе гражданско-правовых договоров / Д. В. Головкина. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 1 (23). — с. 86–97.
3. Головкина, Д. В. К вопросу о предмете договора энергоснабжения / Д. В. Головкина. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 2 (28). — с. 49–54.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
6. Козлова, Е. Б. Договорное право: учебное пособие / Е. Б. Козлова. — Москва, Берлин: Директ-медиа, 2020. — 211 с. — Текст: непосредственный.
7. О свободе договора и ее пределах. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16. — Текст: электронный // Консультант плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (дата обращения: 24.11.2020).
8. Хорошева, Н. В. Публичный договор энергоснабжения: проблемы при заключении путем присоединения / Н. В. Хорошева. — Текст: непосредственный // Гражданское право. — 2016. — № 3. — с. 17–20.
9. Об электроэнергетике. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019), статья 3. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации.. —, 31 марта 2003 г. № 13. Ст. 1177.
10. Матияшук, С. В. Система договорных отношений по электро- и теплоснабжению в условиях развития когенерации: дисс.... канд. юрид. наук / С. В. Матияшук. — Москва, 2016. — 407 с. — Текст: непосредственный.
11. Словарь финансовых и юридических терминов. — Текст: электронный // СПС Консультант плюс: [сайт]. — URL: <https://consultant30.ru/slovar-finansovykh-i-yuridicheskikh-terminov> (дата обращения: 24.11.2020).
12. Адаменко, А. П. Ответственность гарантирующего поставщика за неисполнение обязательств по договору энергоснабжения / А. П. Адаменко. — Текст: непосредственный // Современный юрист. — 2018. — № 3 (24). — с. 84–93.
13. Войкин, Е. И. Особенности заключения договора энергоснабжения как публичного договора / Е. И. Войкин. — Текст: непосредственный // Вестник нижегородской правовой академии. — 2018. — № 15 (15). — с. 76–49.

Антимонопольная политика современной России

Власова Елена Львовна, кандидат педагогических наук, доцент;

Андропов Вадим Владиславович, студент;

Торосян Артур Самвелович, студент

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В данной статье рассмотрена антимонопольная политика современной России. Проанализированы проблемы в сфере антимонопольного регулирования в РФ и пути их решения, рассмотрены основные направления и цели деятельности Федеральной антимонопольной службы РФ.

Ключевые слова: антимонопольная политика, рыночная экономика, товар, Федеральная антимонопольная служба РФ, конкуренция, антимонопольное законодательство, экономическое развитие.

Antimonopoly policy of modern Russia

This article examines the Antimonopoly policy of modern Russia. The problems in the field of Antimonopoly regulation in the Russian Federation and ways to solve them are analyzed, the main directions and goals of the Federal Antimonopoly service of the Russian Federation are considered.

Keywords: antimonopoly policy, market economy, product, Federal Antimonopoly service of the Russian Federation, competition, Antimonopoly legislation, economic development.

В настоящее время антимонопольный контроль необходим для создания условий здоровой конкуренции, свободного предпринимательства, которые являются важнейшими факторами развития не только экономики,

но и страны в целом, так как антимонопольный контроль является основой финансовой устойчивости, поэтому без эффективной антимонопольной политики создание таких условий невозможно. [1]

Россия находится на кануне нового этапа видоизменений. Многообразные перемены, которые происходят в экономике, активное развитие технологических процессов, возникновение различных новых видов деятельности в сфере экономики, требуют осмысления и выявления наиболее эффективных форм и методов государственного регулирования. Для российской экономики политика содействия конкуренции и антимонопольное регулирование экономических процессов являются очень важной. Механизмы регулирования конкурентных отношений постепенно входят в число приоритетных направлений экономических реформ. [2]

В последние годы российская экономика столкнулась с глобальными экономическими проблемами:

1) стремительные сдвиги в структуре экономики, их существование влияет на все процессы, в том числе политические и социальные;

2) значительность изменений проявляется в том, что происходит крупнейший технологический переход за всю историю, в процессе которого богатство природных ресурсов и общедоступность труда перестают быть ключевыми факторами роста;

3) одним из главных факторов мирового экономического роста на современном этапе являются цифровые преобразования, то есть цифровые технологии, и усиливающая роль инноваций изменяют экономическую картину мира. В результате стираются географические границы товарных рынков, разрушаются ранее сформировавшиеся экономические связи и создаются новые структурные информационно-технологические связи, обладающие глобальным многосторонним характером, в том числе влияют на смежные отрасли в сфере хозяйствования;

4) активные преобразования в сфере цифровых технологий представляют угрозу для задействованных в процессе участников, что проявляется в появлении товаров, которые ранее не существовали, потребители до этого не могли применить эти продукты, из-за этого обращение до недавнего времени не подлежало контролю со стороны государства; [3]

5) Изменение рыночной экономики повлекла изменения и внесение новых аспектов в теоретическое содержание обеспечения конкуренции и свободного предпринимательства, основы которых были положены принятием Конституции РФ 1993 года, в соответствии с которыми гарантировано единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, запрещена экономическая деятельность, которая направлена на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; [4]

6) взаимозависимый и многообразный характер изменений требует формирования и реализации метода в

решении сложных вопросов в сфере экономики. Необходимо обеспечить жизненно важные интересы общества, сбалансировать состояние экономики и социально-экономического развития:

7) Не все субъекты рынка используют честные методы ведения бизнеса.

Современная государственная политика в сфере развития конкуренции и ограничения монопольного положения экономических участников на рынке органы регулирования монополий применяет следующие методы для регулирования их деятельности: [5]

1. Регулирование цен, которое осуществляется посредством установления тарифов или их предельного уровня;

2. Определение потребителей, которые подлежат обязательному обслуживанию, а в случае невозможности удовлетворения потребностей в товаре, который реализуется субъектами монополий в полном объеме необходимо установление минимального уровня их обеспечения.

3. Должны быть учтены защита прав и законных интересов граждан.

4. Обеспечена безопасность государства.

5. Соблюдены меры по охране природы и культурных ценностей. [6]

Основным нормативным актом в сфере антимонопольного законодательства в РФ является Федеральный закон № 135-ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции», в соответствии с которым конкуренция определяется как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке взаимодействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. [7]

Указом Президента РФ активное содействие развитию конкуренции в Российской Федерации определяется как приоритетное направление деятельности Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Центрального банка РФ, федеральных органов исполнительной власти, законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ, в том числе органов местного самоуправления. [8]

В России на современном этапе миссию по антимонопольному регулированию осуществляет Федеральная антимонопольная служба (ФАС РФ). Основными направлениями ее деятельность является:

1. Контроль за деятельностью субъектом экономических отношений для того, чтобы избежать действий по ограничению конкуренции на рынке, чтобы их положение использовалось для повышения количества продукции.

2. Ограничение конкуренции, возникающей в результате незаконных действий хозяйствующих субъектов с целью получения более выгодного положения.

3. Проведение в жизнь мероприятий по контролю за деятельностью хозяйствующих субъектов, которые занимают большую часть рынка, по понижению качества то-

варов за счет использования несовершеннолетних и не соответствующих современному уровню развития науки технологий.

Данные направления деятельности Федеральной антимонопольной службы основаны на ряде проблем:

- действия со стороны органов власти по ограничению конкуренции на рынке;
- несовершенство инфраструктуры, которая требуется для наиболее эффективной деятельности субъектов экономических отношений;
- действия со стороны предприятий по ограничению конкуренции, в том числе создание препятствий для входа на рынок данных предприятий;
- препятствия, которые возникают в результате неблагоприятных политических и экономических условий.

Для устранения вышеперечисленных проблем и осуществления эффективной деятельности по борьбе с монополизацией рынков, ФАС РФ разработала и утвердила «План деятельности Федеральной антимонопольной службы РФ на 2019–2024 годы». В соответствии с ним поставлено восемь основных целей, которые заключаются в:

- 1) защите и развитии конкуренции на товарных рынках;
- 2) улучшении тарифного регулирования, которое предполагает уделение еще большего внимания интересам потребителей и улучшение инфраструктуры;
- 3) меры по повышению эффективности контроля в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, совершенствование нормативной базы для реализации контроля;
- 4) для того, чтобы повысить эффективность исполнения и размещения государственного оборонного заказа необходимо улучшение порядка определения поставщиков по этому заказу, совершенствование правового регулирования в этой сфере, создание и введение в использование специализированной системы для того, чтобы получать информацию о ценах на одного рода товары;
- 5) повышение результативности в проведении торгов, улучшение порядка их осуществления;
- 6) оптимизация контроля за вкладами в хозяйственные общества, которые имеют стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства означает повышение контроля за иностранными вкладами;
- 7) развитие международной интеграции, обращается внимание на международные документы о сотрудничестве в сфере конкуренции;
- 8) улучшение взаимодействия антимонопольных органов с институтами гражданского общества означает повышение эффективности данного взаимодействия между ними. [9]

Достижение поставленных целей к 2024 году позволит России усовершенствовать методы и способы борьбы с монополизацией рынка и создать необходимые условия для существования здоровой конкуренции между предприятиями какой-либо одной сферы или в одной области.

При помощи вышеуказанных мер большинство предприятий получат возможность входа на рынки, повышать свою конкурентоспособность за счет постоянного взаимодействия с другими предприятиями и необходимости конкурировать с ними, в том числе наращивать возможности для выхода на мировой рынок. [10]

Также для еще более эффективной реализации Федеральной антимонопольной службой своих функций и полномочий были разработаны документы, в которых определяются основные направления деятельности службы: Политика в сфере управления качеством государственных функций и услуг, в том числе Кадровая Политика.

На сегодняшний день деятельность ФАС РФ, в первую очередь, будет сосредоточена на «тонкой настройке» тарифного регулирования. Данная задача является важнейшей и должна решаться совместно с курирующими вице-преьерами и губернаторами, необходимо серьезно работать над ростом ВВП страны. Как тарифному регулятору Федеральной антимонопольной службе необходимо найти баланс в тарифной политике, чтобы не мешать восстановлению экономического роста, но и обеспечить достаточный уровень тарифной прибыли государственных монополий, чтобы обеспечить возможности их участия в реализации президентских национальных целей и проектов. В субъектах РФ необходимо регулирование тарифов ЖКХ и увеличение роли глав регионов в «приземлении» национальных целей и проектов, так как поручения Президента РФ по итогам последнего Государственного Совета прямо фиксируют возложение на региональные власти ответственности за их исполнение в обмен на рост политического веса и смягчение бюджетных и регуляторных требований.

Так как согласование с монополиями роста тарифов существенно ниже тарифного предела, а по ряду позиций снижение тарифов дают Правительству РФ основания рассчитывать на эффективную балансировку интересов участников, регулируемых отраслей и потребителей на федеральном уровне. [11]

Для того, чтобы противостоять глобальным экономическим проблемам, а также с целью достижения национальных целей и задач развития РФ является необходимым создание комплекса масштабных мероприятий по содействию развитию конкуренции, в том числе консолидация усилий по выполнению задач органов всех ветвей власти и всех институтов гражданского общества.

Таким образом, в 2019 году в РФ была сформирована современная правовая и организационная основа защиты конкуренции, которая заключается в следующем:

- правовые институты защиты конкуренции соответствуют лучшим практикам антимонопольных органов мира, кроме этого, учитывается специфика формирования внутренних экономических отношений;
- создан действующий организационный механизм защиты конкуренции путем взаимодействия антимонопольных органов, судов, объединений предпринимателей, сообществ профессиональных юристов и экономистов,

который позволяет вырабатывать стандарты и практические требования антимонопольной политики в отношении важнейших товарных рынков РФ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что для успешного функционирования всей системы необходима конкуренция, а в России одним из способов обеспечения конкуренции является эффективная антимонопольная политика. Поэтому необходимо разрабатывать, создавать и реализовывать комплекс мер, которые обусловлены единством плюсов и минусов монополисти-

ческой организации рынка, с учетом актуальных проблем общества и ее потребностей, а также есть потребность в постоянном присутствии государства и осуществлении контроля за деятельностью предприятий в условиях рыночной экономики для недопущения монополизации рынка современной российской экономики. Что касается совершенствования антимонопольного регулирования, то требуется дальнейшее развитие нормативной базы в сфере государственной антимонопольной политики современной России.

Литература:

1. Почекутова, Е. Н. Инструменты государственной антимонопольной политики России на современном этапе // Актуальные проблемы российского права и законодательства. — 2019. — с. 89.
2. Таказина, Е. С., Ларионова В. К. Антимонопольная политика России на современном этапе // современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в брянской области. — 2019. — с. 199–200.
3. Титова, О. В., Тонких В. В. Антимонопольная политика в России на современном этапе // Заметки ученого. — 2020. — № 1. — с. 165.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Шаповал, В. Н. Особенности антимонопольного контроля в Российской Федерации // Инновации в науке. — 2018. — № 5. — с. 89–90.
6. Федеральный закон от 17.08.1995 № 279 (ред. от 27.07.2017) «О естественных монополиях» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон (ред. от 24.04.2020) «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. «План деятельности Федеральной антимонопольной службы на 2019–2024 годы» (утв. ФАС России) от 07.02.2019 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
10. Протокол Президиума ФАС России «Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года» от 03.06.2019 № 6. — Раздел I. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
11. Газета «Коммерсантъ». — № 207 от 12.11.2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

Перспективы развития семейной медиации в России

Власова Алина Витальевна, студент магистратуры

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В статье автор рассматривает возможности применения медиации при различных семейных спорах и перспективы развития семейной медиации в России.

Ключевые слова: медиация, семейные споры, перспективы развития семейной медиации.

Медиация является правовой возможностью достижения мирного разрешения конфликта супругов без участия в судебном процессе.

Медиацию можно рассматривать как достаточно новое явление в российском правоведении, берущую начало с 2010 г, когда Федеральным законом № 293-ФЗ от 27 июля закреплены законодательно примирительные процедуры,

в т. ч. медиация. С того времени интерес ученых и специалистов-практиков к медиации значительно вырос [2,6,9].

В настоящее время, когда в России среди множества вопросов семейной политики наибольшее внимание уделяют вопросам развития традиционных семейных ценностей, укрепления института семьи, поддержке семей с детьми, все же из года в год регулярно отмечается вы-

сокий уровень семейных конфликтов, что зачастую приводит к разводам, различным спорам в отношении иму-

щества и детей (рисунок 1). В этих случаях медиации может отводиться особая роль.

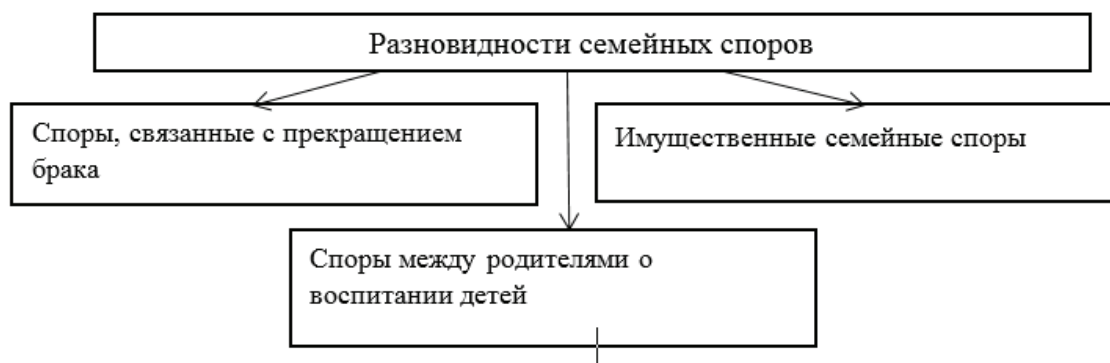

Рис. 1. Разновидности семейных споров

Медиация относительно семейных споров (далее семейная медиация) — один из видов медиаций по предмету спора. Целью семейной медиации является не только урегулирование конфликтов, но и видоизменение общения внутри семьи, для того чтобы в будущем таких конфликтов становилось меньше. Особенно важными являются кон-

фликты, задевающие интересы детей, что негативным образом отражается на их психологическом состоянии в будущем, поэтому, говоря о семейной медиации, стоит обратить внимание и на знания в области психологии семьи.

Рассмотрим возможности проведения медиации в различных семейных спорах подробнее (таблица 1).

Таблица 1. Возможности проведения медиации в различных семейных спорах [составлено по материалам 3,4,5,8]

	Виды семейных споров и их разновидности	Медиация возможна	Медиация не возможна
1	Споры, связанные с прекращением брака		
1.1	расторжение брака в судебном порядке	+	
1.2	признание брака недействительным		+
2	Имущественные споры		
2.1	признание имущества каждого из супругов их совместной собственностью	+	
2.2	раздел общего имущества супругов	+	
2.3	определение долей при разделе общего имущества супругов	+	
2.4	изменение и расторжение брачного договора	+	
2.5	признание брачного договора недействительным		+
3	Споры о детях		
3.1	Споры между родителями о воспитании детей		
3.1.2	о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей	+	
3.1.3	об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка	+	
3.1.4	об устранении препятствий к общению с ребенком его близких	+	
3.1.5	о лишении родительских прав		+
3.1.6	о восстановлении в родительских правах		+
3.1.7	об ограничении родительских прав		+
3.1.8	об отмене ограничения родительских прав	+	
3.2	Споры о происхождении детей		
3.2.1	установление отцовства в судебном порядке		+
3.2.2	об оспаривании отцовства (материнства)		+
3.3	Споры о взыскании алиментов на ребенка	+	
3.4	Споры по поводу усыновления детей		
3.4.1	об установлении усыновления		+
3.4.2	об отмене усыновления		+

По результатам этого анализа можно сделать следующие выводы. Применение семейной медиации возможно при взаимном согласии супругов и тогда, когда между сторонами диалог уже практически невозможен. В этом случае медиатор проводит переговоры между супругами с целью урегулирования отношений и погашения конфликта, предлагает поиски компромисса.

Как видно из таблицы 1, семейная медиация применима при расторжении брака, имущественных спорах, спорах между родителями о воспитании детей, спорах о взыскании алиментов на ребенка. Отсюда вытекает важный вывод, что участниками медиации могут являться помимо супругов, дети и родители, сестры и братья, супруги и дети от разных браков.

С помощью медиации возможно разгрузить суд, а также ускорить темп решения споров и снизить уровень конфликтности. Поэтому необходимо внедрять данный способ урегулирования конфликтов тогда, когда это является возможным. Но в России медиация находится лишь на стадии развития, в то время как статистика развитых стран показывает, что 80 % медиативных процедур успешна.

О проблемах развития медиации высказываются многие ученые и практики [1,6,7]. В настоящее время медиация в России имеет узкую нормативно-правовую базу, в результате чего полностью не раскрыты суть и цели примирительных процедур, нет системности и единства, медиация имеет недостаточную поддержку со стороны государства, о чем говорит слабо развитый институт примирительных процедур в российском праве, а отсюда мы имеем факт небольшого количества заключенных медиативных соглашений в России по сравнению с зарубежными странами.

Несмотря на трудности, с которыми сталкивается правовая система России у семейной медиации, безусловно, должно быть будущее. Для этого, в первую очередь, необходимо решить накопившиеся проблемы, решение которых поспособствует развитию медиации, в том числе семейной. Кроме стандартных решений: упорядочение нормативно-правовой базы, внесения нужных поправок в действующее процессуальное законодательство существуют, на наш взгляд, пути нестандартных решений этих проблем, представленные на рисунке 2.

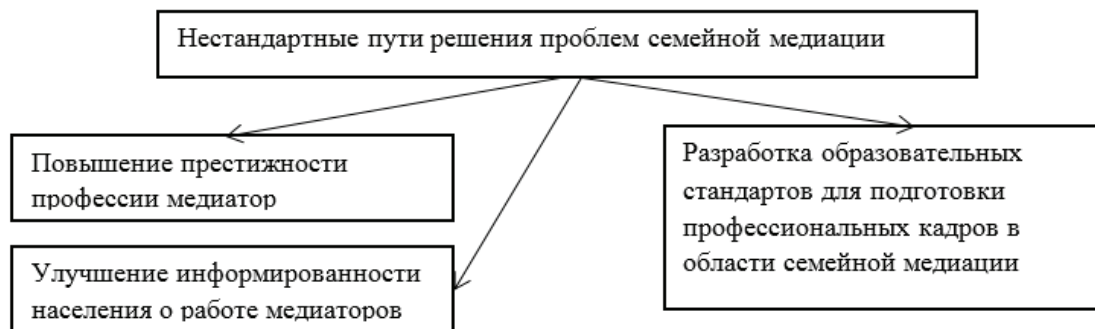

Рис. 2. Нестандартные пути решения проблем семейной медиации

Рассмотрим эти пути подробнее.

1. Повышение престижности профессии медиатор — создание базы лучших специалистов в этой области в том или ином регионе с демонстрацией их работы в социальных сетях.

2. Разработка образовательных стандартов для подготовки профессиональных кадров в области семейной медиации. Такая постановка вопроса возникает в связи с тем, что медиатор должен обладать специфическими знаниями, которые формируются на стыке юриспруденции, права, психологии, конфликтологии.

3. Улучшение информированности населения о работе медиаторов. Этот тезис возникает в связи с тем, что население не пользуется услугами медиаторов из-за плохой осведомленности о том, что такая профессия существует. Необходимо знакомить семейные пары с пра-

вовыми актами, которые регламентируют рассмотрение дел в досудебном порядке, создавать условия для доверия семей к этому институту. Возможно появление «семейного» медиатора.

В качестве дальнейших перспектив можно было бы рассматривать создание «семейного» суда, где в присутствии медиаторов, работающих на постоянной основе, рассматривались бы дела не только упомянутые в таблице 1, но и дела:

- о домашнем насилии;
- суды по делам несовершеннолетних и др.

Таким образом, можно констатировать, что институт семейной медиации в России находится на стадии становления, имеет определенные плюсы и сталкивается с проблемами, решив которые имеет определенные перспективы в своем развитии.

Литература:

1. Белкин, А. А. Основные проблемы оказания медиативных услуг / А. А. Белкин // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 30 апреля 2019 года). — Курск: ЮгоЗапад. гос.ун-т, 2019. — 252 с.

2. Гурко, Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики / Т. А. Гурко // Социологическая наука и социальная практика — № 2 (14), 2016. — с. 40–69.
3. Епифанова, Т. В. Применение медиации при разрешении семейных споров, направленных на защиту нарушенных прав ребенка / Т. В. Епифанова, В. Е. Воронова // Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (24 сентября 2018 г.): в 4-х ч. Ч 4. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного университета ИУБиП, 2018. — с. 79–85.
4. Кидяева, Д. С. Современная форма семейной медиации в России при защите прав ребенка / Д. С. Кидяева, Е. В. Ерохина // Юридический факт: сборник статей по результатам XLIII Межд. научн.конф. «Свобода и право». — Кемерово: Изд. дом «Плутон», 2019. — с. 13–16.
5. Семейный кодекс Российской Федерации: принят 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 29 декабря 2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 1 января. — № 1.
6. Соколова, С. Н. Актуальные проблемы семейной медиации в судебном процессе / С. Н. Соколова К. А. Шумова // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5. — № 10. — с. 217–222.
7. Станкевич, Г. В. Проблемы эффективности медиации при разрешении споров: субъективные и объективные составляющие / Г. В. Станкевич, А. М. Соловьев // Научные ведомости БелГУ. — 2018. — № 2. — с. 319–324.
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
9. Шамликашвили, Ц. А. Альтернативные способы разрешения споров и медиация в современном российском законодательстве / Ц. А. Шамликашвили, Е. В. Кабанова, С. Л. Тюльканов // Современное право. — 2015. — № 5. — с. 88–93.

О некоторых вопросах юридической ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности на рынке медицинских услуг

Воробьева Полина Дмитриевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, юридическая ответственность, юридическое лицо, лицо, Российская Федерация, исполнительная власть, сфера здравоохранения, ответственность, административная ответственность, предпринимательская деятельность

Предпринимательская деятельность играет важную роль в развитии рыночной экономики. Ежегодно в национальной экономике происходят немаловажные изменения это может быть связано, как с мировой экономикой, так и с социально-экономической ситуацией в Российской Федерации. В силу меняющихся тенденций, обществу и государству необходимо модернизировать правовое регулирование во всех общественных сферах, в том числе и в сфере здравоохранения.

Ведущую роль в регулировании правоотношений играет государство, в лице законодательной и исполнительной ветвей власти. В связи с переходом Российской Федерации к цифровой экономике, вопросы «государственного регулирования становятся особенно актуальными» [1].

Кроме того, Швец Ю. Ю., считает, что «качественное нормативно-правовое регулирование деятельности в сфере здравоохранения обеспечивает достойную конкуренцию на рынке медицинских услуг, совершенствует механизмы управления качеством предоставляемой медицинской помощи» [2].

Данный вывод автора, подтверждается положениями Конституции Российской Федерации (принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года), а именно статьей 8 «в Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности».

Для медицинских отношений характерен специфический субъектный состав, а именно те лица, которые могут быть привлечены к ответственности.

Так, например, правоотношения на рынке медицинских услуг, как правило, складываются между пациентом, медицинским учреждением и медицинским работником по поводу жизни и здоровья, что является личными нематериальными благами человека.

Необходимо обратить внимание, что юридическая ответственность наступает только в том случае, когда предприниматель, как деликтоспособный участник правоотношений, совершил или совершает противоправное, социально опасное деяние (правонарушение).

Юридическая ответственность предпринимателей — это мера наказания субъекта правоотношения за совершенное, совершаемое правонарушение или за воздержание от совершения определенных действий, которые содержат ряд обязательных характеристик.

Действия предпринимателей, которые носят вредный и (или) опасный характер, являются противоправными. В силу действующего законодательства на государственные органы возложена обязанность по проведению контроля и надзора за деятельностью юридических лиц.

Правонарушения, которые совершают предприниматели, как участники правоотношений влечет за собой наступление мер государственного принуждения, вследствие чего лицо привлекается к юридической ответственности.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что «медицинские организации привлекают к ответственности по делам административного производства, по искам о возмещении вреда здоровью вследствие оказания медицинских услуг ненадлежащего качества и причинения вреда здоровью и по спорам о неправомерном разглашении или отказе в предоставлении сведений, которые составляют врачебную тайну» [3].

Следовательно, можно сделать вывод, что для предпринимательских отношений характерны административная и гражданско-правовая ответственность. Как правило к административной ответственности привлекает государственный орган (органы исполнительной власти), а к гражданско-правовой — суд.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что государственные органы при проведении контрольно-надзорных мероприятий могут принудить (обязать) субъекта предпринимательской деятельности совершить определенные действия, но данное принуждение не будет являться мерой юридической ответственности.

Так, например, Федеральная антимонопольная служба в соответствии с п.2 статьей 23 ФЗ № 135 от 26.07.2006 «О защите конкуренции» имеет право выдать «в случаях, указанных в законе, хозяйствующим субъектам обязательные для исполнения предписания», которые не являются мерой юридической ответственности.

Кроме этого, нужно понимать, что неисполнение предписания органа государственной власти, может являться основанием для привлечения юридического лица к ответственности.

Важно, что основанием для привлечения субъекта предпринимательской деятельности к юридической ответственности является сам факт неисполнения юридическим лицом тех обязанностей, которые закреплены в норме права.

Для привлечения юридического лица к ответственности, необходимо доказать его виновность в совершенном (действии) или несовершенном (бездействии) правонарушении.

В соответствии с п. 1 статьи 2.10 КоАП РФ юридические лица могут быть привлечены к административной

ответственности только «за совершение административных правонарушений».

Согласно статье 3. 1 КоАП РФ «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами».

Административное наказание по своей сути является реакцией государства на совершенное правонарушение, которая выражается в форме государственного принуждения. Принуждение исходит от государственного органа, а предприниматель, совершивший правонарушение, претерпевает неблагоприятные последствия в виде:

1. Предупреждение (п.п. 1 статьи 3.2 КоАП РФ);
2. административный штраф(п.п. 2 статьи 3.2 КоАП РФ);
3. конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения (п.п. 4 статьи 3.2 КоАП РФ);
4. Административное приостановление деятельности(п.п. 9 статьи 3.2 КоАП РФ)».

В сфере оказания медицинских услуг контрольно-надзорную деятельность осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор).

Росздравнадзор проводит проверки медицинских организаций по многим направлениям, так в 2018 году «было проведено 13933 контрольных мероприятий в отношении 7516 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сфере здравоохранения. Внеплановые проверки составили 75,9 % (10572 проверки). При участии экспертов и экспертных организаций проведено 2816 проверок (20,1 % от общего числа контрольных мероприятий)» [4].

Отдельное внимание Росздравнадзор уделяет государственному контролю качества и безопасности медицинской деятельности. В соответствии докладом Росздравнадзора в 2018 году «поступило 26880 обращений граждан с жалобами на нарушение, по мнению заявителей, их прав на получение медицинской помощи (на 11,7 % больше чем в 2017 году — 24056)» [4].

При проведении контрольно-надзорных мероприятий были выявлены нарушения прав потребителей при оказании платных медицинских услуг, вследствие чего предприниматели и юридические лица были привлечены к ответственности.

Статистические данные заслуживают особого внимания, так как при проведении проверок было выявлено, фактическое нарушение прав пациентов, что свидетельствует о том, что система здравоохранения несовершенна и требует детальной законодательной проработки.

В большинстве случаев проверяющим не представляется возможным установить фактические причины, повлиявшие на нарушение прав и интересов пациентов из-за специфического субъектного состава медицинских правоотношений.

Проведение проверок органам исполнительной власти, является примером административной практики, и служит основанием для привлечения юридического лица к административной ответственности.

Так же стоит обратить внимание, на то, что при проведении проверок органами исполнительной власти допускается нарушение прав и свобод юридических лиц. Нарушения со стороны органов исполнительной власти по отношению к юридическим лицам, являющимся участниками медицинских правоотношений, могут быть материальными и процессуальными.

В свою очередь юридическое лицо в соответствии с п. 3 статьи 21 ФЗ № 294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» имеет право обжаловать решение органа государственной власти в судебном порядке.

Так, например, «в современных условиях наблюдается неоднозначная судебная практика привлечения к ответственности по итогам контроля соблюдения правил предоставления платных медицинских услуг» [5].

«В литературе приводится информация о ряде судебных решений о привлечении частных и государственных медицинских организаций к административной ответственности за деятельность с нарушением лицензионных требований (соответственно по ч. 3 ст. 14.1 или по ч. 2 ст. 19.20 КоАП РФ):

- за отсутствие сайтов и информационных стендов;
- отсутствие в прейскуранте единицы измерения цены;
- недостатки формы договора на оказание платных медицинских услуг; отсутствие письменной формы договора с законным представителем несовершеннолетнего пациента;
- отсутствие или недостатки оформления информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство;
- взимание платы за выдачу выписок из медицинской документации и др.» [6].

Гражданско-правовая ответственность, является еще одним видом ответственности, к которой могут быть привлечены предприниматели как участники медицинских правоотношений. Следует понимать, что ключевым основанием привлечения к ответственности медицинских организаций является совершение виновных действий, которые повлекут ущемление прав и интересов пациентов.

Важно отметить, что гражданско-правовая ответственность может наступить как из договорных, так и из внедоговорных отношений.

В соответствии со статьей 309 ГК РФ «обязательства должны исполняться надлежащим образом», а в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств виновное лицо привлекается к гражданско-правовой ответственности.

Привлечение к гражданско-правовой ответственности возможно только в случае, если будет совокупность следующих условий:

- «1. Наличие убытков (имущественного вреда) у кредитора (потерпевшего);
2. Противоправность поведения должника (причинителя вреда);
3. Причинная связь между поведением должника (причинителя вреда) и наступившими убытками (вредом);
4. Вину должника в неисполнении обязательства или причинителя в наступлении вреда» [7].

Особое внимание необходимо уделить вине причинителя вреда, так как в научном сообществе нет единого мнения о толковании данного условия привлечения к ответственности.

Согласно части 1 статьи 401 ГК РФ «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности».

Кроме этого практика применения гражданского законодательства свидетельствует о том, что существуют случаи, когда лицо освобождается от ответственности. Так в соответствии со статьей 401 ГК РФ «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства».

Таким образом, система привлечения к ответственности предпринимателей, как участников медицинских правоотношений является сложной, неоднозначной и в тоже время несовершенной. Анализ судебной практики, действующего законодательства указывает на необходимость детальной проработки оснований и условий привлечения медицинских организаций и медицинских работников к ответственности, для исключения случаев наказания невиновных лиц.

Литература:

1. Качанова, Е. А., Чевтаева Н. Г., Захарова Е. Н. Методологические подходы к содержанию и структуре функций государственного регулирования здравоохранения как вида экономической деятельности в национальной экономике // Экономика и бизнес 2018. С 101-105 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-soderzhaniyu-i-strukture-funktsiy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-zdravoohraneniya-kak-vida>;
2. Швец, Ю. Ю. Практика экономико-правового регулирования предоставления медицинских услуг, Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1 стр. 271–283;

3. Согияйнен, А. А. Правовые риски медицинской деятельности в современных условиях журнал «Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение», N 4, апрель 2017 г. [Электронный ресурс] <https://internet.garant.ru>;
4. Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере охраны здоровья граждан и об эффективности такого контроля (надзора) в 2018 году [Электронный ресурс] <https://roszdravnadzor.gov.ru/about/plans/documents/58302>;
5. Согияйнен, А. А. Статья: Правовые риски медицинской деятельности в современных условиях (Согияйнен А. А.) («Право в Вооруженных Силах», 2017, N 4) [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>;
6. Викулова, Н. Предоставление медицинскими организациями платных медицинских услуг: анализ судебной практики // Административное право. 2015. N 1. с. 15–20. [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>.
7. Старчиков, М. Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. — М7: Инфотропик Медиа, 2016.-196 с.

Понятия «миграция», «мигрант», «беженец», «внутреннее перемещенное лицо». Актуальное состояние миграционной ситуации в Европейском Союзе

Вуккет Марк Александрович, студент магистратуры

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Миграция — это перемещение людей из их места обычного проживания либо через границы государства или в пределах государства, так определяет рассматриваемый феномен словарь терминов Международной организации по миграции (далее — МОМ). [8, с. 137] Ряд исследователей миграции считают, что для миграции свойственно переселение на более или менее длительное время, [5, с. 251] а также наличие цели изменения собственного места жительства и получения специального правового статуса. [1, с. 11] В. М. Баранов предлагает дополнительный критерий цели — поиск лучших условий жизни. [2, с. 44]

Т. Я. Хабриева определяет миграцию следующими критериями. Чтобы лицо считалось мигрантом необходимо: 1) человек покинул прежнее место жительства; 2) пересечение государственной или какой-либо административной границы; 3) территориальное перемещение должно быть подчинено определенной цели; 4) лицо в результате передвижения должно получить специальный правовой статус.

Мигрант таким образом, это лицо, которое совершает пространственное перемещение через границы государственных или территориальных образований, связанное с целевым изменением им места жительства (места пребывания) на неопределенный либо определенный срок, и получает в результате этого специальный правовой статус. [7, с. 121]

При анализе состояния актуальной миграционной ситуации в таком регионе как Европа, необходимо определить, какие страны относятся к данной части земного шара. Международная Организация по Миграции, оценивая количество мигрантов в регионе, приводит цифру

в 82 миллиона международных мигрантов, указывая на 10 процентный рост их численности в сравнении с 2015 г. 42 миллиона из них, рождены в европейском регионе и совершили миграцию в его пределах, а около 40 миллионов являются внешними мигрантами. Однако, при использовании этих данных необходимо учитывать тот факт, что МОМ к Европейскому региону относит не только страны ЕС-27+3 (Норвегия, Швейцария и Великобритания), но и все страны Балканского полуострова, не входящие в Европейский Союз, Исландию, карликовые государства (Сан-Марино, Андорра, Монако и т. д.), а также ряд бывших союзных республик СССР — Республику Молдову, Республику Беларусь, Украину и Российскую Федерацию. [12, с. 64]

Для получения данных о миграции в Европейском Союзе, необходимо обратиться к информации предоставляемой статистической службой Европейского Союза — Евростатом.

Итак, 21,8 миллион человек (4,9 %) из 446,8 миллиона человек, проживающих в ЕС на 1 января 2019 года, были гражданами стран, не входящих в ЕС. В абсолютном выражении наибольшее число неграждан, проживающих в странах-членах ЕС на 1 января 2019 года, было обнаружено в Германии (10,1 миллионов человек), Италии (5,3 миллионов), Франции (4,9 миллионов человек) и Испании (4,8 миллиона). Мигранты в этих четырех государств-членов в совокупности составили 71 % от общего числа мигрантов, проживающих во всех государствах-членах ЕС. В относительном выражении, страной с самой высокой долей мигрантов является Люксембург, поскольку мигранты составляют 47 % от общей численности населения. Значительная доля иностранных

граждан (10 % и более постоянного населения) наблюдались также на Кипре, Мальте, Австрии, Эстонии, Латвии, Ирландии, Бельгии, Германии и Испании. Средний возраст мигранта составил 29,2 лет, и среди них 54 % мужчин и 46 % женщин. [14]

Евростат не приводит миграционную статистику по конкретным государствам, откуда прибыли мигранты, объясняя это сложностью отслеживания, а также тем фактом, что ряд стран вообще не предоставляют подобную информацию. Стоит, однако, отметить, что в 2011 г. производилось исследование на самую крупную иностранную диаспору на территории ЕС, и в первую пятерку стран вошли: Марокко, Турция, Россия, Алжир и Украина [13]. Помимо этого, представляется ценной информация за 2018 г. о том, граждане каких стран больше всего получали гражданство в странах ЕС. Наибольшей группой новых граждан в ЕС в 2018 году стали граждане Марокко (67,2 тыс., что соответствует 10 % всех предоставленных гражданств), за ними следуют граждане Албании (47,4 тыс., или 7,1 %), турки (28,4 тыс., или 4,2 %) и бразильцы (23,1 тыс., или 3,4 %). [14]

Подавляющее большинство мигрантов являются последователями 2-х конфессий — христианства и ислама, 57 % и 26 % соответственно. По 1 % мигрантов приходится на последователей буддизма, индуизма и иудаизма, 2 % являются представителями иных религий, и 11 % — это люди, не относящие себя ни к одной из религий. [15] Однако, как уже оговаривалось ранее, стоит аккуратно относиться к информации полученной из подобного рода исследований, ввиду того что они оперируют лишь приблизительными оценками. Помимо этого, с момента публикации последних всесторонних исследований на эту тему (2010 г.), в мире произошло множество новых военно-политических конфликтов, стихийных бедствий изменились паттерны и интенсивность миграции, соответственно изменился и религиозный состав мигрантов. Так, конфессиональный состав современных потоков миграции отличает преобладание приверженцев ислама. В 2010–2016 гг. уроженцы мусульманского Востока, особенно из Сирии, Афганистана и Ирака, составляли 78 % получателей статуса беженца в Европе (ЕС-28, а также Швейцария и Норвегия), в том числе 86 % в Германии и 81 % в Бельгии. [17] Необходимо отметить, что удельный вес представителей этой религии в составе регулярных миграционных потоков (трудовых, учебных и семейных) не достигал и половины (46 %), превышая ее лишь во Франции (68 %), Швеции (58 %), Италии (53 %) и Нидерландах (51 %), в силу массовости беженства доля мусульман в совокупных миграционных потоках в Европу достигала 53 %. [10]

К сожалению, привести данные о том, сколько людей среди мигрантов в Европейском Союзе являются представителями рабочей миграции и внутренними перемещенными лицами, не представляется возможным ввиду отсутствия подобной статистики для всего интеграционного образования в отношении граждан 3-х стран. По-

мимо этого, подсчет осложняется сложностью фиксации нелегальной миграции. Стоит, однако отметить, что согласно данным Глобального информационного портала о миграции, за 2017 г., для осуществления трудовой деятельности в «расширенную» Европу (относящиеся страны были описаны выше), въехало 230 тысяч человек. [18] Учитывая общий масштаб миграции в регионе, а также принимая во внимание вышеописанные факты, к объективности указанных данных стоит относиться с долей сомнения.

В отношении же беженцев, подробная и достоверная статистика присутствует. Так, на 2019 г. в 27 государствах-членах Европейского Союза была зафиксировано 2 579 383 миллиона беженца и 676 240 тысяч просителей убежища. В сравнении, население Европейского Союза на 2019 г. было зафиксировано на уровне 446 824 564 миллиона человек, то есть беженцы и просители убежища во всех странах составляют 0,73 % от общего числа жителей [9].

На территории Европейского Союза также присутствуют лица без гражданства. По данным УВКБ ООН на 2018 г. на территории Союза (с учетом Норвегии) было зафиксировано 399 283 тысячи лиц без гражданства. [11] Стоит однако отметить, что большинство из этого числа являются совсем не мигрантами, были рождены и продолжают жить на территории Европейского Союза — это печально известные «неграждане» Прибалтийских стран (Литва, Латвия и Эстония) — по состоянию на 2020 год, насчитывалось 197 888 тысяч (10,4 % жителей) неграждан Латвии, [16] 69 993 тысячи (5,27 % жителей) неграждан Эстонии [3] и 3 400 тысяч (0,12 % жителей) неграждан Литвы, [6] а всего 271 281 тысяча неграждан.

1. Европейский континент в целом всегда являлся ареной активных и многочисленных миграционных процессов во все периоды истории, от Античности до наших дней, следовательно, миграция была и остается органичной частью жизни людей, и было бы неправильно утверждать, что современная миграционная ситуация, в том числе в странах ЕС, является беспрецедентной. [4, с. 71] В тоже время, она характеризуется усложнением ввиду общемировой тенденции к глобализации, стиранию границ между национальными экономиками, открытию границ для движения товаров и услуг, капитала и массовых коммуникаций, углублению транснационального взаимодействия и взаимозависимости.

2. В 2017 г. Европейская Комиссия отметила 10 тенденций, формирующих актуальную ситуацию в миграции для Европейского Союза:

3. Сокращение количества мигрантов и беженцев, которые возвращаются на родину, и увеличение продолжительности жизни мигрантов в странах назначения;
4. Увеличение потока вынужденных мигрантов;
5. Преобладание среди причин миграций климатического фактора;
6. Преобладание краткосрочной миграции в условиях экономического развития;

7. Нахождение миграции в процессе постоянного изменения;
8. Возросшее влияние цифровых технологий на миграционные потоки;
9. Рост нелегальной миграции с использованием торговли людьми;
10. Увеличение значимости и роли городов в решении миграционных проблем;
11. Увеличение потребности в высококвалифицированных специалистах в Европе;
12. Увеличение значимости фактов и достоверной информации о миграционных процессах и проблемах. [19]

Представляется, что миграция и ее регулирование еще не скоро уйдет с главной повестки политики Европейского Союза, соответственно можно прогнозировать дальнейшее развитие миграционного законодательства Союза не только в части регулирования въезда и пребывания мигранта в государствах-членах, но и в части интеграции мигрантов в принимающее общество. По мнению Пьера Вимонта, поспособствовать этому процессу может так называемая «гибкая солидаризация», в части согласования интеграционной политики, работы с опасениями и возражениями государств-членов и решении конкретных технических проблем. [20, с. 25]

Литература:

1. Балашова, Т. Н. Конституционно-правовое регулирование миграции в современной России: проблемы теории и практики: автореф. Дис. ... д-ра юрид. Наук. Саратов, 2011.
2. Баранов, В. М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность в современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты. Нижний Новгород, 2004.
3. В Эстонии проживает менее 70 000 серопаспортников // Eesti Rahvusringhääling URL: <https://rus.err.ee/1109218/v-jestonii-prozhivaet-menee-70-000-seropasportnikov> (дата обращения: 16.10.2020).
4. Журбина, Н. Е., Якушкина Е. И., Удовиченко А. И. Миграция в Европейском регионе: социокультурное изменение. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018.
5. Моисеенко, В. М. Территориальное движение населения (характеристика и проблемы управления). М.: Мысль, 1985.
6. Почему в Литве проблемы «неграждан» нет, а в Латвии — есть? // Baltnews URL: https://lv.baltnews.com/riga_news/20181013/1022346196/Litva-problema-negrzhdane-Latvia.html (дата обращения: 09.10.2020).
7. Хабриева, Т. Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография / Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД Юриспруденция, 2019.
8. The International Organization for Migration Glossary on Migration. 34 изд. Geneva: International Organization for Migration, 2019.
9. Asylum statistics // Eurostat URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Asylum_statistics#First-time_applicants:_612_700_in_2019 (дата обращения: 14.10.2020).
10. Europe's Growing Muslim Population // Pew Research Center URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Global Trends Forced displacement in 2019 // The UN Refugee Agency URL: <https://www.unhcr.org/en-ie/statistics/unhcrstats/5d08d7ee7/unhcr-global-trends-2018.html> (дата обращения: 10.10.2020).
12. International Organization for Migration World Migration Report 2020. Geneva: International Organization for Migration, 2019.
13. Largest 20 foreign-born communities living in the EU-28, 2011 // Eurostat URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Largest_20_foreign-born_communities_living_in_the_EU-28,_2011_PITEU17.png (дата обращения: 14.10.2020).
14. Migration and migrant population statistics // Eurostat URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 14.10.2020).
15. Pew Research Center Faith on the Move The Religious Affiliation of International Migrants. Вашингтон: Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, 2012.
16. Population by citizenship and ethnicity at the beginning of the year // Centralas statistikas parvaldes datubazes URL: https://data.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_iedzrakst/IRG110.px/ (дата обращения: 11.10.2020).
17. Syrian refugee arrivals in Greece: Preliminary questionnaire findings // United Nations High Commissioner For Refugees (UNHCR) URL: <https://www.alnap.org/help-library/syrian-refugee-arrivals-in-greece-preliminary-questionnaire-findings> (дата обращения: 10.10.2020).
18. Total number of labour migrants that entered the country in 2017 // Migration Data Portal URL: https://migrationdata-portal.org/?i=inflow_work&t=2017&m=1&rm49=150 (дата обращения: 14.10.2020).

19. 10 Trends Shaping Migration // The European Political Strategy Centre (EPSC) URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/10_trends_shaping_migration.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
20. Vimont, P. Migration in Europe. Bridging the Solidarity Gap. Брюссель: Carnegie Europe, 2016.

Реализация принципа состязательности в гражданском процессе в условиях пандемии

Горбунова Альбина Максимовна, студент

Научный руководитель: Соловьева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Принцип состязательности закреплён законодательно, так согласно статье 123 Конституции Российской Федерации: «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [1].

Принцип состязательности — это гарантия справедливого разбирательства по гражданскому делу, благодаря которому устанавливаются все обстоятельства дела, и имеется возможность заслушать доводы каждой из сторон.

Важно отметить, что при реализации данного принципа затрагиваются и иные принципы гражданского процессуального права, такие как: принцип законности и принцип равноправия сторон. Их взаимосвязь выражается в реализации состязательности сторон в рамках установленных законодательством норм, а равноправие выражается в том, что каждая сторона вправе представить свои доказательства, подтверждающие правдивость их суждений, поскольку состязаться в суде могут только лица, имеющие одинаковые права при представлении суду доказательственных материалов [4].

Законодатель гарантирует гражданам соблюдение их прав и законных интересов в рамках гражданского процесса. Суд содействует реализации прав участников гражданского дела, созданию условий для всестороннего исследования всех доказательств, определению фактических обстоятельств и правильному применению закона при разрешении гражданских дел.

Именно принцип состязательности играет важную роль в гражданском процессе ведь суд, принимая решение по делу, опирается на предоставленные сторонами факты.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с принципом состязательности стороны и другие лица, участвующие в деле, наделены широкими правами, позволяющими им отстаивать свою позицию. Они, в частности, имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям и экспертам, заявлять ходатайства, давать устные и письменные объяснения суду, представлять свои доводы и соображения по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать против ходатайств, доводов и соображений других

лиц, участвующих в деле, пользоваться другими правами, предоставленными им законом [2].

Для состязательности недостаточно противоположности интересов сторон, важен характер процессуальной формы судопроизводства, который позволяет развиваться состязательному судопроизводству.

В силу закона все доказательства обладают одинаковой юридической силой, закон не предопределяет заранее значение отдельных доказательств. Суд, вынося решение по делу, оценивает имеющиеся в деле доказательства.

Однако в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции на определённое время был приостановлен личный прием граждан во всех судах. А именно, в судах был ограничен порядок рассмотрения уже имеющихся в производстве дел, рассмотрению подлежали только дела, имеющие безотлагательный характер: об избрании, отмене меры пресечения, о продлении ее срока; о защите интересов несовершеннолетнего; о защите лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, и другие; а также дела в порядке приказного, упрощенного производства [3]. Лица, участвующие в деле, вступали в судебный процесс при оформлении пропуска. Позднее судам пришлось рассматривать дела без участия сторон, если же стороны хотели принимать личное участие в гражданском процессе, то судебное заседание откладывалось.

Как было выяснено, судебная власть в большинстве государств мира, равно как и международные суды, не осуществляли полное приостановление своей деятельности, это значит, что изначально всё-таки была возможность обеспечения рассмотрения неотложных дел, неотложных ходатайств. Но в связи с усложнением ситуации в стране, многие суды начали внедрять системы веб-связи, позволяющие участвовать в судебном заседании со своих личных гаджетов.

Судебное разбирательство по гражданскому делу с использованием видео — конференции в период пандемии проходило следующим образом: председательствующий судья, дождавшись времени начала судебного заседания, проверял явку сторон. В рамках данного судебного за-

седания не осуществлялось удостоверение полномочий сторон, привычной передачей председательствующему паспортов, удостоверений, доверенностей и дипломов, документы предоставлялись заранее, путём отправления их в электронном виде. После этого, судебное заседание проходило в привычном порядке, с прением сторон, с вынесением и оглашением судьёй справедливого решения по делу.

Можно сделать вывод о том, что судебное заседание с использованием технических средств, бесспорно, работает и позволяет полноценно выслушать объяснения другой стороны и давать свои собственные пояснения, участвовать во всех стадиях судебного разбирательства, а суду, оценив доводы каждой стороны, непосредственно, принять законное и обоснованное решение по делу. Ко-

нечно, в таких условиях невозможно прямо в судебном заседании представить дополнительные доказательства, или передать другой стороне не направленное заблаговременно ходатайство. Однако всё-таки имеется возможность совершения тех или иных процессуальных действий с использованием сервиса онлайн-заседания.

Подводя итог, можно сказать, что принцип состязательности хотя и реализуется в условиях судебного заседания с использованием технических средств, но не в полном объёме. Стороны без ограничений могут давать объяснения, но передача вещественных и иных доказательств невозможна. В соответствии с этим, в условиях «онлайн» судебных заседаний реализация принципа состязательности невозможна в полной мере.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ от 4 августа 2014 г. N 31 ст. 4398.;
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // в Собрании законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532;
3. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. (в наст. время утратило силу);
4. Коваленко, А. Г., Мохова А. А., Филиппова П. М. Гражданский процесс — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. — 23 с.

История становления ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в российском законодательстве

Горина Алина Сергеевна, студент магистратуры
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Половая неприкосновенность и половая свобода личности в той или иной интерпретации с давних времен находят отражение в отечественном законодательстве в качестве объектов уголовно-правовой охраны.

«Русская правда», как основной источник права Киевской Руси в «Уставе Ярослава Владимировича» содержит упоминание об ответственности за половые преступления.

Вместе с тем, отсутствие точного описания признаков составов данных преступлений, «размытость» используемых формулировок, противоречивость их толкований не позволяет составить должного представления об уровне уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности того периода. Уголовные и гражданские правоотношения не разграничивались как таковые, а регламентация ответственности за их нарушение осуществлялась едиными нормативными актами, не пред-сматривающими отраслевого разделения.

Так, например, в Соборном Уложении 1469 г. ответственность за изнасилование предусматривалась в отно-

шении «ратных людей, которые при следовании на службу или со службы «учиняет... женскому полу насилие».

Чуть более чем за столетие международные запреты на сексуальное насилие были преобразованы из расплывчатой защиты, предоставляемой женщинам в силу их статуса как собственности мужчин, в четко определенные декларации, в которых изнасилование и другие формы сексуального насилия считаются одними из самых вопиющих преступлений. Первоначальные усилия по признанию сексуального насилия в качестве преступного, прежде всего предпринятые в соответствии с Законом № 10 Совета союзнического контроля и Женевскими конвенциями 1949 года заложены основные основы развития преступления изнасилование. Однако законы и нормы, возникшие в результате этих усилий, практически не повлияли на судебное преследование за сексуальное насилие. Лишь в 90-х годах Международный уголовный трибунал по Руанде (Трибунал по Руанде) и Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (Трибунал по Югославии) стали главными двигателями развития меж-

дународной юриспруденции, запрещающей изнасилование и сексуальное насилие; не имея точных международных определений этих преступлений, трибуналы из всех сил пытались создать работоспособные определения для использования их судами. Правовые доктрины, разработанные этими трибуналами, в конечном итоге заложили основу для широких определений изнасилования и сексуального насилия и создали оригинальный список элементов, которые должны быть соблюдены для обеспечения подотчетности.

2002 год ознаменовался созданием Международного уголовного суда («Суд»). Хотя Суд был создан в 1998 году, лишь в 2002 году вступил в силу учредительный договор Суда — «Римский статут». Этот беспрецедентный международный механизм, призванный создать средства для судебного преследования лиц, совершивших наиболее значимые международные преступления, активно усовершенствовал определения изнасилования и сексуального насилия с целью повышения ответственности.

Благодаря Римскому статуту различные акты сексуального насилия приобрели известность как названные преступления. В то же время Суд работал над предоставлением многочисленных процессуальных гарантий тем жертвам, которые участвуют в его разбирательстве и не может взять на себя полную ответственность за соблюдение международных норм в отношении сексуальных отношений. Крайне важно, чтобы отдельные страны вносили свой вклад в работу Суда. Чтобы проиллюстрировать потенциальные преимущества и проблемы взаимодополняемости, мы исследуем взаимодействие между международными нормами — в частности, основанным на договорах Римским статутом Суда и его использованием в национальных юрисдикциях — для активизации разработки национальных режимов, предназначенных для судебного преследования виновных и предотвращения дальнейшего сексуального насилия.

В частности, в этом документе рассматривается, как Кенийский закон о международных преступлениях (2008 год) и Закон о сексуальных преступлениях (2006 год) пытались решить проблему изнасилования и других форм сексуального насилия в правовой среде, на которую влияют определения, обнародованные трибуналами по Руанде и Югославии.

Мы также рассматриваем то, как законодательство о бытовом насилии, принятое во многих национальных юрисдикциях, свидетельствует о растущем консенсусе в отношении того, что представляет собой сексуальное насилие, и об усилении озабоченности в отношении сексуального насилия и связанных с ним преступлений.

Национальная и региональная юриспруденция также признала постоянно растущий массив преступлений на сексуальной почве — от сексуальных домогательств до группового изнасилования — и постоянно растущий массив жертв, включая мужчин и детей. Тем не менее, многие суды продолжают сталкиваться с задачей определения акта изнасилования, определения того, может ли

изнасилование в браке быть и / или должно быть криминализовано, и выяснения, где заканчивается согласие и начинается сила. Несмотря на эти проблемы, юриспруденция сексуального насилия продолжает развиваться, чтобы лучше признать и исправить ужасающий опыт жертв.

Запреты на сексуальное насилие были кодифицированы как часть международного гуманитарного права, по крайней мере, с конца 1800-х годов, когда некоторые воинские кодексы запрещали сексуальное насилие еще в первом веке.

За прошедшие десятилетия способы, которыми эти нормы были определены, оценены и применены, значительно изменились. Ранние запреты существовали главным образом для защиты женщин в силу их статуса как собственности мужчин, в то время как более поздние меры защиты в основном квалифицировали преступления на сексуальной почве как нарушения чести. В последнее время международные уголовные трибуналы добились значительных успехов в формулировании сексуального насилия как преступления против телесной неприкосновенности и человеческого достоинства жертв. В следующем разделе рассматривается международная судебная практика в отношении сексуального насилия с течением времени, обобщая важные вехи в разработке правовых норм через ключевые трибуналы.

Во время войны изнасилование уже давно запрещено, несмотря на то, что оно стало международным преступлением после Второй мировой войны. В Соединенных Штатах Либерский кодекс 1863 года (принятый во время гражданской войны) был призван кодифицировать обычные международные правила ведения войны на суше. Среди поведения, запрещенного Либерским кодексом, были акты бессмысленного и ненужного насилия, которые были незаконными и запрещены на всех званиях в армии Союза. В частности, статья 37 Либерского кодекса, которая регулирует управление оккупированной территорией, защищает от изнасилования: «Соединенные Штаты признают и защищают в оккупированных ими враждебных странах религию и мораль; сугубо частная собственность; лица жителей, особенно женщин; и святость внутренних отношений». Согласно статье 44 Кодекса, наказанием за изнасилование была немедленная казнь любого преступника, пойманного на месте преступления, и отказ от прекращения такого поведения.

В 1907 году Либерский кодекс был принят в качестве международного права на Международной конференции мира в Копенгагене и стал основой для Гагской конвенции IV по уважению законов и обычаев войны на суше. Как предыдущая Гагская конвенция 1899 года, так и Гагская конвенция IV 1907 года быстро стали ведущими органами международного гуманитарного права. Статья 46 Конвенции 1907 года косвенно запрещает изнасилование, выступая за защиту «чести семьи», которая, как широко понимается, охватывает сексуальное насилие.

Подобно Либерскому кодексу, такое насилие было запрещено как во время войны, так и во время оккупации.

Запрет Либера и Гаагские конвенции против сексуального насилия основывались на том, что женщины заслуживают защиты, поскольку они являются собственностью мужчин и лишь после введения в Нюрнберге судебных процессов в 1949 году суды начали всерьез рассматривать изнасилование и сексуальное насилие как преступления против самих женщин.

Нюрнбергская хартия, в которой установлены правила и процедуры, регулирующие деятельность Международного военного трибунала, не содержит конкретных упоминаний об изнасиловании в своем перечисленном списке запрещенных деяний, а также о каких-либо судебных преследованиях за изнасилование.

Однако в статье 6 (с) Хартия дала определение преступлениям против человечности, что стало важным предшественником более поздних законов, запрещающих изнасилование и сексуальное насилие. Закон № 10 Контрольного совета, принятый оккупационными державами в Германии и послуживший основанием для последующего судебного преследования немецкого военного и гражданского персонала в Нюрнберге и в других местах, впервые признал изнасилование преступлением против человечества в попытке обеспечить единую основу для судебного преследования военных преступников. Существует три важных принципа, установленных этим законом:

(1) что изнасилование в широких масштабах может повлечь ответственность как военное преступление;

(2) что преступления сексуального насилия, совершенные в мирное время, могут представлять собой преступления против человечности;

и (3) что ответственность за такие преступления не может быть ограничена военным персоналом и... ответственность может быть назначена лицам, занимающим другие ключевые должности.

Международный военный трибунал по Дальнему Востоку (IMTFE), созданный в результате специального провозглашения генералом Дулгасом Макартуром покушения на лидеров Японской империи, также не содержал ссылок на изнасилование или сексуальное насилие в своем уставе. Тем не менее, IMTFE явно обвиняет обвиняемых в изнасиловании и сексуальном насилии. Устав IMTFE содержал три категории преступлений: совместный заговор с целью ведения войны, совершение преступлений против человечности и неспособность предотвратить злодеяния на командном уровне. В рамках этой последней категории генерал Иване Мацуи, командующий Шунроку Хата и министр иностранных дел Хирота были признаны виновными в преступлениях, включая изнасилование, с помощью теории вертикальной ответственности, согласно которой командир может быть привлечен к ответственности за военные преступления, совершенные его войсками, если он знает, что преступления совершались, и имел право остановить их, но не смог предотвратить эти зверства или наказать преступников. Однако эти убеждения следует противо-

поставить неспособности привлечь к ответственности более двухсот тысяч женщин, которых правительство Японии принудительно поместило в лагеря для изнасилования. Японские военные правители использовали эти лагеря в качестве средства обеспечения сексуальных потребностей для своих солдат и тем самым ограничивали «несанкционированное» сексуальное насилие на оккупированных японских территориях и предотвращали распространение заболеваний, передаваемых половым путем, за пределы лагерей.

Статья 27 четвертой Женевской конвенции 1949 года была первым многосторонним международным соглашением, в котором прямо упоминается и запрещается изнасилование. Женевские конвенции расширили средства защиты, ранее доступные отдельным лицам в военное время, путем предоставления новых средств защиты лицам, не участвующим в боевых действиях во время конфликта, а также гражданским лицам. По данным Международного комитета Красного Креста, статья 27 занимает ключевое место среди статей [Четвертой Женевской] Конвенции, провозглашая основополагающие принципы, на которых основаны конвенции. Как минимум, Конвенция дает право всем защищаемым лицам уважать их личность, их честь, их семейные права, их религиозные убеждения и обычаи, а также их манеры и обычаи. К ним всегда должны относиться гуманно, особенно они должны быть защищены от всех актов насилия или их угроз, а также от оскорблений и общественного любопытства.

Конвенция делает еще один шаг вперед, предоставляя женщинам особую защиту, запрещая любые посягательства на их честь, в частности на изнасилование, насильственную проституцию или любые формы непристойных посягательств. Формулировка этих дополнительных мер защиты была предоставлена Международным советом женщин и Международной федерацией аболиционистов и настоятельно рекомендована к принятию Клодом Пилло из Международного комитета Красного Креста на этапе разработки четвертой Женевской конвенции. Таким образом, статья делает незаконным изнасилование, принуждение к проституции и другие формы непристойного поведения, но Конвенция не предусматривает включение изнасилования в число серьезных нарушений, перечисленных в статье 147.

В совокупности статьи 146 и 147 создают режим перечисленных действий, которые обязывают договаривающиеся стороны преследовать в судебном порядке тех лиц на территории договаривающегося государства, которые нарушают эти конкретные запреты.

8 июня 1977 года вступили в силу дополнительные протоколы I и II Женевских конвенций, направленные на изменение методов ведения войны, сложившихся после Второй мировой войны.

Дополнительный протокол I, который применяется к ситуациям международного вооруженного конфликта, прямо запрещает посягательство на личное достоинство, включая насильственную проституцию и непристойные

посягательства. Он также однозначно запрещает изнасилование женщин, но все же не включает изнасилование или сексуальное насилие среди серьезных нарушений, оставляя их без обязательства преследовать и преследовать по закону.

Дополнительный протокол II, касающийся немеждународных вооруженных конфликтов, запрещает изнасилование независимо от биологического пола, но имеет ограниченную силу из-за ограниченного числа государств, ратифицировавших договор. Тем не менее, с начала 1990-х годов Международное гуманитарное право запрещало сексуальное насилие в отношении гражданских лиц, комбатантов и военнопленных в периоды вооруженных конфликтов, хотя судебное преследование за такие преступления оставалось совсем не определенным.

Анализ и сопоставление точек зрения и взглядов наиболее известных ученых всех рассмотренных выше периодов развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за насильственные половые преступления, позволяет определить основные составо-

образующие признаки изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Изменявшееся с течением времени, но исторически сложившееся и устоявшееся в общественном правосознании определение изнасилования, характеризует последнее, как посягательство на половую свободу женщины.

Вместе с тем, многие известные авторы, поддерживая данную точку зрения, основанную на медицинском понимании полового сношения, отмечали, что изнасилование, в отличие от полового сношения — есть юридический термин и поэтому его регламентация и определение в уголовном праве зависит от воли законодателя.

Большинство авторов, с одной стороны, выступали против излишне расширительного толкования изнасилования, с другой — признавали необходимость последнего для осуществления в ходе квалификации должной правовой оценки иных видов сексуально-насильственных посягательств в отношении женщин, которые половыми сношениями в медицинском смысле не являются.

Литература:

1. Игнатов, А. Н. Квалификация половых преступлений. М.: «Юридическая литература», 1974. с. 8.
2. Осипов, П. П. Половые преступления (общее понятие, социальная сущность и система составов). Л., 1966., с. 192.
3. Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах / Под общей редакцией О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 3. с. 97.
4. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. редактор И. Я. Козаченко. М., 1998. с. 118.
5. Яковлев, Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969 г. С. 107–112

Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних

Горина Алина Сергеевна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Целью работы выступило изучение особенностей защиты половой неприкосновенности в РФ, а также анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних для выработки предложений мер борьбы с сексуальными посягательствами в отношении несовершеннолетних.

Результатом написания статьи выступают рекомендации для выработки мер защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних на территории РФ.

Половые преступления оказывают отрицательное воздействие на развитие психики детей и подростков, их нормальное физическое развитие, негативно сказываются на их дальнейшей жизни. Опасность состоит как в моральном развращении, так и в побуждении у несовершеннолетних раннего полового влечения, в развитии у них неправильной нравственной точки зрения о сексуальных отношениях и отклонениях от естественных норм половой жизни. Таким образом, изучение темы актуально и требует работы, направленной на снижение случаев, связанных с нарушением половой неприкосновенности.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, несовершеннолетние, преступления против несовершеннолетних, уголовная ответственность за половые преступления.

Преступления, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы человека определяются в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. как группа преступлений, грубо посягающих на сложив-

шийся в обществе уклад половых отношений и основные принципы половой нравственности [3, с. 3].

Преступления, направленные против половой неприкосновенности, принято считать глубоко безнравствен-

ными и наносящими неизгладимый моральный и физический вред потерпевшим, снижающими авторитет органов власти в глазах общества, но стоит особенно отметить, что наибольший вред наносится несовершеннолетним детям и подросткам.

Половая свобода относится к жизнедеятельности лиц, достигших, по общему правилу, совершеннолетия в 18 лет, или, во всяком случае, 16 лет. Любой человек, достигший данного возраста, реализует половую свободу по собственному усмотрению и желанию. Половая неприкосновенность гражданина РФ защищается государством. Нарушение половой неприкосновенности всегда нарушает половую свободу и закон. Ответственность за половые преступления предусмотрена в главе 18 Уголовного кодекса Российской Федерации. В нашем обществе существуют категории граждан, требующие более высокого внимания и защищенности со стороны государства. К данной категории относятся несовершеннолетние. Именно уровень их защищенности является одним из необходимых показателей уровня цивилизации всего человеческого общества.

В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124 — ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» отмечается, что государство признает детство важным этапом жизни человека и исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности [3, с. 8].

Государство гарантирует соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних. Это подтверждается, в первую очередь соответствующими нормами таких международных документов: Всеобщая декларация прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 25), Конвенция о правах ребенка от 29 ноября 1989 г. (ст. 23), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 10) и др.).

Изучением проблемы уголовной ответственности за посягательства сексуального характера в отношении несовершеннолетних и борьбы с ними занимались еще отечественные криминалисты дореволюционного периода. Среди них выделяли следующих: В. В. Есипов, А. С. Золотухин, П. И. Люблинский, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий. В более позднее время в своих трудах отечественные специалисты Р. Е. Затона, Ю. М. Антонян, М. Д. Шаргородский, А. Н. Игнатов, В. Н. Кудрявцев, Я. М. Яковлев, Б. В. Даниэльбек также исследовали данный вопрос.

Тема актуальна в наше время как минимум по той причине, что преступления, которые посягают на половую свободу и неприкосновенность личности, составляют более 10% среди всех преступлений против личности и практически 1% среди всех преступлений. Больше трети преступлений, имеющих связь с половой свободой и неприкосновенностью, так и остаются без наказания, так как потерпевшая сторона не обращается за помощью в органы полиции [6, с. 33–35].

Проблема половых преступлений по отношению именно к несовершеннолетним остается одной из серьезных проблем России, общества в целом. В последнее время, несмотря на ужесточение мер ответственности за посягательства против половой неприкосновенности детей и подростков, все равно можно наблюдать тенденцию к увеличению преступлений подобного характера. При изучении статистических данных, можно отметить, что половину всех преступлений сексуального плана были направлены на лиц, не достигших совершеннолетия. По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2018 году на территории России было совершено около 900 изнасилований, в трети случаях которых — по отношению к подросткам, не достигшим возраста 14 лет, это в 2 раза больше, чем в 2012 году. Ежегодно только на территории Российской Федерации имеют место от 6 до 8 тыс. случаев совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних [4, с. 72]. В реальности эти показатели превышают статистические цифры. Такое предположение имеет свою основу при анализе звонков и обращений на телефон доверия лиц, которые подвергались половым посягательствам, согласно им лишь одна жертва из ста обращается в правоохранительные органы.

Данные исследований показывают, что в 96% случаев лица, которые хотя бы один раз совершали преступления, направленные против половой неприкосновенности детей и подростков, продолжают свою преступную деятельность, несмотря на угрозу наказания. Достаточно большим пробелом в правовой регламентации, является отсутствие в законодательстве Российской Федерации норм, предусматривающих профилактику данных преступлений против несовершеннолетних, что приводит к осложнению ситуации по факту выявления данного рода преступлений, потому как, исходя из практики — в более, чем 85% случаев, несовершеннолетние, когда-либо подвергавшиеся насилию, скрывают случившееся.

Если вновь обратиться к статистике, лишь по официальным данным, за прошедшие 4 года количество зарегистрированных случаев педофилии увеличилось в 20 раз, а за последние 7 лет уже в 30 раз. Почти пятьдесят российских детей каждый день становятся жертвами преступлений, направленных на половую неприкосновенность.

По результатам исследований, около 70 процентов людей, которые пережили насилие, в том числе с применением физического насилия, в возрасте 20 лет начинали страдать серьезными психическими отклонениями. К ним относят: фобии, маниакально-депрессивный синдром, девиантное и делинквентное поведение. Более трети лиц, подвергшихся насилию, совершали попытку самоубийства. При этом психические отклонения были отмечены лишь у 30% людей, не имеющих подобного сексуального опыта в детстве. К тому же, стоит отметить, что оценка последствий сексуального насилия в детстве осложняется тем, что жертвами сексуального насилия часто становятся дети, уже пережившие иные формы насилия [3, с. 59].

Больше половины преступников, совершивших преступления сексуального характера против несовершеннолетних, составляют лица, находящиеся в состоянии регрессии. По причине лёгкой доступности детей они удовлетворяют с помощью детей свои сексуальные потребности. Стоит отметить, что педофилы составляют до 10% преступников, совершающих сексуальные насилия над детьми. Также, в небольшом количестве случаев преступления совершаются социопатами, и насилие обычно совершается как средство удовлетворения садистских наклонностей, а не для удовлетворения конкретно сексуальных потребностей. Весьма часто (30% случаев) в роли преступника выступает кто-то из старших членов семьи несовершеннолетнего. По статистике, приблизительно 85% преступников, которые совершали сексуальное насилие над несовершеннолетними, лица мужского пола. Женщины могут в ряде случаев выступать соучастницами мужчин в совершении преступления.

Основным наказанием за преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетнего может служить дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок до 2 лет и лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 20 лет [4, с. 95].

К факторам, оказывающим влияние на совершение преступлений против половой неприкосновенности ребенка, можно отнести распространение порнографии с участием несовершеннолетних в СМИ и Интернете, напряженные отношения и конфликты семье, негативное отношение родителей к сексуальным отношениям, узкое социальное окружение подростка, невысокое финансовое положение семьи.

Защита сексуальной неприкосновенности детей и подростков является острой социальной проблемой. И, если в ситуации со взрослыми, закон охраняет их от принуждения к сексуальным отношениям, то дети должны быть защищены от любого вида покушений.

Большую роль в профилактике по предупреждению и защите половой неприкосновенности несовершеннолетних играют государственные и негосударственные центры профилактики. За последние годы в Российской Федерации активно развиваются центры психолого-социальной помощи населению, службы поддержки семьи, телефоны доверия. В рамках этих учреждений реализуются специально разработанные программы помощи гражданам, применяются технологии консультирования, индивидуальной и групповой психотерапии и психокоррекции. При этом осуществляется, как правило, принцип комплексного подхода — совместная работа психологов, социальных работников, юристов и при необходимости врачей (неврологи, психиатры и т. п.) [3, с. 71].

По большей степени, проблемой преступлений в виде посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних в Российской Федерации занимаются общественные организации. Именно они пытаются воссоздать истинную картину нарушения прав человека в этой сфере

оказывают посильную помощь не только самим жертвам, но и их семьям (например, Алтайская региональная общественная организация «Мать и дитя», общественная организация «Гражданские силы» и др.) [9, с. 45].

Большая работа по предупреждению половых преступлений против несовершеннолетних должна проводиться в активном выявлении лиц с психическими болезнями, а также лечении этих лиц [5, с. 72].

Не стоит забывать и о совершенствовании самого уголовного законодательства Российской Федерации для профилактики и защиты прав несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия. Необходимо безотлагательно ужесточить ответственность за распространение и показ порнографии, в том числе с участием несовершеннолетних, педофилии, сексуальных отклонений и извращений, сцен насилия в СМИ, усилить меру уголовной ответственности за совершение половых преступлений против несовершеннолетних (например — пожизненное лишение свободы).

Как отмечают исследователи, одним из эффективных средств по профилактике сексуальной преступности против несовершеннолетних выступает половое просвещение подростков, которое сможет позволить ребёнку правильно оценить намерения преступника и вовремя прервать контакт, не стесняясь позвать на помощь или сообщить о свершившемся преступлении.

Следует выделить рекомендации по работе с несовершеннолетними в качестве профилактических мер:

1. проведение статистических исследований во всех слоях общества, развитие реабилитационной, психологической и медицинской помощи несовершеннолетним, ставшим жертвами сексуального и физического насилия;
2. формирование в обществе идеологии, осуждающей физическое и сексуальное насилие против личности, создание соответствующих законодательных актов, норм, регулирующих СМИ, телевидение и киноиндустрию;
3. создание в учебных заведениях специальных «групп помощи», выявление групп риска, широкое вовлечение учителей и родителей в работу с несовершеннолетними группами риска;
4. обучение несовершеннолетних приемам личной безопасности;
5. постоянное освещение в средствах массовой информации, сети Интернет проблемы насилия над несовершеннолетними для воздействия на общественное мнение и изменение стереотипов воспитания в семьях;
6. внесение изменений в систему взаимодействия учреждений здравоохранения, образования, органов внутренних дел и социальной защиты населения для оказания помощи детям, страдающим от семейного насилия;
7. внесение изменений и ужесточение контроля, направленного на выявление и учет несовершеннолетних детей и подростков, систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в общеобразовательных учреждениях, организациях среднего профессионального образования;

8. активное внедрение в образовательную среду новых педагогических технологий, психологических мероприятий, ориентированных на организацию совместной деятельности несовершеннолетних и взрослых, способных повлиять на систему сложившихся отношений;

9. работа, направленная на формирование у несовершеннолетних правовой грамотности в отношении преступлений против личности, расширение социально-психологической компетентности;

10. обучение детей и подростков безопасному поведению в целях защиты от агрессивного поведения окружающих;

11. внесение изменений в существующие процедуры и механизмы защиты прав и интересов ребенка при личном обращении.

Стоит отметить, что работа, направленная на борьбу с преступлениями сексуального характера в отношении несовершеннолетних, будет успешна только в случае использования целого ряда мероприятий, что, в свою очередь, возможно при совместном взаимодействии всех институтов общества. Но, говорить о результатах этой работы и подводить положительные итоги возможно только по истечении значительного количества времени. На сегодняшний момент институту защиты прав несовершеннолетнего, потерпевшего в сексуальном посягательстве на личную неприкосновенность, необходимо разработать единый концептуальный подход к регулированию данного вида правоотношений с детальной регламентацией его правового положения как участника уголовного судопроизводства [5, с. 71].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.
2. Абдулгазиев, Р.З. Вымогательство по российскому уголовному праву.: дис. к. ю. н. — Махачкала, 2005. — с. 78.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за 2009 г. // Статистический сборник ГИАЦ МВД, 2010. — с. 3.
4. Ткаченко, А. В. Сексуальные извращения — парафилии / А. В. Ткаченко. — М.: Триада, 2009. — с. 159.
5. Таганцев, Н. С. Уголовное право. Часть 1. «МЕЧ» — 2003. — 95 с.
6. Бэрн, Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. — 336 с.
7. Варданян, А. В. Некоторые аспекты проблемы раскрытия тяжких преступлений против личности, совершаемых по сексуальным мотивам // Рос. следователь. — 2009. — № 11. — с. 33–35.
8. Догадина, М. А. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших / М. А. Догадина // Вопросы ювенальной юстиции. — 2007. — № 4. — с. 10.
9. Дьяченко, А. П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений. М., 2007. с. 47.
10. Затона, Р. Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: Дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. с. 45–46.
11. Игнатов, А. Н. Ответственность за преступления против нравственности. — М.: Наука, 1966. — с. 128–129.
12. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М.: Юрид. лит., 1993.

К вопросу эффективности наказания в отношении лиц женского пола

Долгова Лидия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кадырова Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает проблемы эффективности наказаний в отношении лиц женского пола для профилактики женской преступности.

Ключевые слова: наказание, женская преступность, преступление, отбывание наказания.

Наказание выступает в роли основной формы реализации уголовной ответственности, в России оно определяется в статье 43 УК РФ как назначаемая по приговору суда мера государственного принуждения, применяемая к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и выражающаяся в предусмотренных

уголовным законом ограничении прав и свобод этого лица [1].

Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [6, с. 12].

Целями наказания, как основной формы реализации уголовной ответственности, являются предупреждение преступлений и противодействие совершению преступлений.

Уголовно-исполнительный кодекс определяет следующие средства исправления осужденного: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие [2]. Средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Прежде всего, видом наказания определяется набор исправительных средств [2]. В полном объеме средства применимы при исполнении мер лишения свободы.

На современном этапе развития общества возникает вопрос эффективности применения уголовного наказания для достижения целей наказания.

Действующее в настоящее время уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации не всегда может обеспечить оптимальное сочетание указанных принципов в их практическом применении, так как, например, наказание в отношении лиц женского пола в России не изучено в той мере, которая объективно необходима в существующей реальности для профилактики женской преступности.

Численность женщин в Российской Федерации превышает численность мужчин, а в соответствии с информацией, размещенной на официальном сайте ФСИН РФ, число зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, остается ниже уровня преступности мужчин [8].

Так из приведенных ФСИН РФ сведений следует, что удельный вес осужденных женщин-преступников в общей массе лиц, совершивших преступления, в 2019 году составил 7,85%. Отметим, что в 2018 году этот показатель составил 7,73%, в 2017–7,68%, в 2016–7,60%. [8]. Данная статистика показывает, что хотя процент осужденных женщин-преступников невелик, но в последние 4 года замечается повышение этого показателя на фоне общего снижения количества осужденных в Российской Федерации.

Именно поэтому считаем важным изучение на практике последствий и условий отбывания женщинами наказания, в частности в виде лишения свободы, так как это необходимо для профилактики преступлений, совершаемых женщинами.

Поскольку женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, гораздо меньше отбывающих наказание мужчин, ученые гораздо реже уделяли внимание практике и последствиям условий отбывания женщинами наказания. А ведь осужденные к лишению свободы мужчины и женщины совершенно по-разному относятся к проблемам нахождения в заключении.

Как правило, женщины гораздо острее и драматичнее переживают лишение свободы. Для них это является эмоциональным ударом, вызывающим состояние безысходности, повышенной тревожности, угнетенности, подавленности. Они нередко утрачивают интерес к жизни, проявляют повышенную настороженность к людям.

А ведь от внутреннего настроя в немалой степени зависит перспектива исправления и успешной адаптации женщин в обществе после освобождения.

Многолетние наблюдения психологов и сотрудников учреждений показывают, что осужденная в изоляции от общества неизбежно деформируется как личность [7].

В последние несколько лет вопросы женской преступности в регионах Российской Федерации обсуждались на научно-практических конференциях по актуальным проблемам права. Были озвучены предложения по профилактике женской преступности, в том числе по внесению поправок в законодательство РФ. Внимание к данному виду преступности объясняется особым местом и ролью женщины в современном обществе и крайне негативными последствиями преступного поведения.

Проблемы психологической реакции женщин на изоляцию в период отбывания наказания в виде лишения свободы были описаны в 2019 году в научной статье Ильиной С.Е. «Психологическое отношение женщин к изоляции в период отбывания наказания в виде лишения свободы» [5]. Автор изложил аспекты необходимости пересмотреть отношение, в том числе законодателя, на наказание женщин, совершивших уголовные преступления.

На основании проведенных учеными исследований психотравмирующих факторов в период заключения осужденных женщин, в результате изучения их прошлой жизни были сделаны выводы, что до осуждения женщины чаще, чем мужчины сталкивались с травмирующими событиями. При этом за одним травмирующим событием могла иметь место череда последующих травмирующих событий, что не всегда учитывается судами при вынесении приговоров.

В период пенитенциарного стресса осужденные женщины воспринимают изоляцию как отсутствие социальной жизни; разочарование в неспособности развиваться; осознание того, что в их жизни нет цели. Безусловно, состояние психического здоровья женщины, из которого проистекает способность восстанавливать эмоциональное и душевное равновесие, имеет большое значение для самореализации личности, позволяющее преодолеть боль, морально-нравственные страдания, разочарования.

Исследования отношения женщин к нахождению в изоляции были проведены учеными в нескольких странах, в результате проведенных тестирований в Англии и Уэльсе были выбраны десять наиболее распространенных проблем, с которыми сталкиваются заключенные мужчины и женщины, и они расставили их по приоритету для каждой группы (Таблица 1) [5].

Таблица 1. Проблемы психоэмоционального состояния заключенных в местах лишения свободы

Женщины	Мужчины
Необходимость следовать правилам и приказам других людей	Тоска по кому-либо
Тоска по кому-либо	Беспокойство о людях снаружи
Беспокойство о людях снаружи	Осознание потери лучших лет жизни
Тревога из-за невозможности полностью довериться кому-либо	Необходимость следовать правилам и приказам других людей
Тревога о совершенном преступлении	Осознание бессмысленности собственной жизни
Необходимость в уединении	Чувство, что приговор был несправедлив
Потеря контакта с семьей и друзьями	Отсутствие социальной цели
Беспокойство о неопределенности даты освобождения из тюрьмы	Размышление о времени наказания, которое еще предстоит отбыть
Осознание бессмысленности собственной жизни	Тревога о совершенном преступлении
Чувство, что приговор был несправедлив	Страх, что любимый или близкий человек умрет до окончания срока заключения

На основании этих исследований можно сделать вывод, что многие из указанных проблем беспокоят как мужчин, так и женщин, но степень их важности для каждой гендерной группы различна. Каждый пункт женщины оценивали как более травмирующий для себя, и даже если «рейтинг приоритетов» отдельных пунктов у мужчин был низок к показателям в женской группе, разница в баллах была значительна. Следовательно, женщины испытывают более серьезные страдания, связанные с наказанием в виде лишения свободы, чем мужчины.

Самое существенное различие наблюдалось в сфере психологического благополучия осужденных.

Например, потеря контакта с родственниками и друзьями представляется для женщин более серьезной проблемой. Если мужчины чаще сообщали, что их отношения с родителями улучшились, то женщины признавались, что их родственники отrekliсь от них. Иногда разрыв семейных контактов был их собственной инициативой, поскольку именно члены семьи подвергали их насилию. Самым травмирующим для многих женщин был факт потери связи со своими детьми и в связи с этим, неспособность в рамках отбытия наказания выполнять роль матери. Свидание с детьми приносило им сильные переживания.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют также, что женщин в местах изоляции беспокоит отсутствие возможности сделать даже элементарный выбор: что съесть и что надеть, какими лекарствами лечиться. Они теряют возможность контролировать своих детей, при этом сами чувствуют себя ребенком, которому приказывают, что делать. Отмечалась и проблематичность отношений с тюремным персоналом. Чаще всего реакция на их авторитет определялась существовавшими отношениями с членами семьи, а не отношением к авторитетным фигурам в целом. Кроме того, некоторые женщины сообщали, что подвергаются сексуальному насилию со стороны тюремных служащих [5].

Психологически трудны для женщин многие требования режима: единая форма одежды, необходимость ходить строем, отсутствие личных вещей (кроме зафиксированных в перечне, который у женщин почти совпадает с мужским) и другие. Женщина подчинена тем же режимным требованиям, что и мужчина, то же число положенных свиданий, почти одинаковые виды взысканий. При этом санитарно-гигиенические условия не в полной мере учитывают особенности женской физиологии — повсеместно отмечается отсутствие или недостаток элементарных средств гигиены, минимальных жизненных удобств, достаточного количества одежды и белья, невозможность нормальной стирки и тому подобное [3].

Уверены, что в России женщины также тяжело переживают наказание в виде лишения свободы, перенося такие же психоэмоциональные страдания, как и женщины в других странах.

Считаем, что повышению психологического благополучия осужденных способствуют структурные и социальные факторы: условия содержания в соответствии с психофизиологическими особенностями женщин; наличие работы в исправительном учреждении; поддержание связей с семьей, родственниками и друзьями, возможность обучаться.

Для борьбы с женской преступностью требуются не только частные коррективы в деятельности исправительных учреждений, но и формирование новой идеологии государственной политики в целом в отношении статуса женщины в нашей стране [4].

Стоит отметить, что отличительной особенностью наказания в России является отбывание женщинами наказания за уголовное преступление в виде лишения свободы в колониях — поселениях и исправительных колониях общего режима. Тюрем же и колоний строгого режима законодательством Российской Федерации для женщин не предусмотрено. Но при этом мера ответственности женщин по статьям Особенной части Уго-

ловного кодекса РФ приравнена к ответственности мужчин.

Так проблемным вопросом до настоящего времени остаётся вопрос о разделении в местах отбывания наказания осужденных женщин с устойчивым криминальным поведением при всех видах рецидива преступлений и осужденных женщин, исправительное воздействие на которых ещё возможно.

Таким образом, для профилактики пенитенциарного рецидива, при отбывании осуждёнными женщинами уголовного наказания в виде лишения свободы следует иметь исправительные колонии двух режимных видов:

- исправительные колонии общего режима;
- исправительные колонии строгого режима.

А в связи с этим представляется целесообразным и необходимым внесение изменений в статью 58 Уголовного кодекса РФ с учётом особенностей уголовной ответственности и наказания женщин.

Также считаем, что в настоящее время существует необходимость изменить нормы УК РФ на законода-

тельном уровне таким образом, чтобы смягчить ответственность женщин, что будет являться профилактикой рецидива, поскольку таким образом не разрываются социальные связи женщины, находящейся в местах лишения свободы, а значит уменьшается возможность рецидива.

Для этого, полагаем, что Уголовный кодекс Российской Федерации необходимо дополнить разделом «Уголовная ответственность женщин». В предлагаемом разделе необходимо определить в полном объеме законодательные нормы, регулирующие этот институт.

А кроме этого, необходимо изменить нормы в УИК РФ, регулирующие вопросы исполнения наказания, об условиях отбывания наказаний женщин, максимально приблизить их к комфортным, чтобы после отбывания женщина могла стать достойным членом общества, не тратя при этом по пять-десять лет на адаптацию, могла получить дополнительное обучение и образование, работала психологом.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ от 17.06.1996. № 25. ст. 2954. — Текст: непосредственный.
2. Уголовно-исполнительный Кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ от 13.01.1997. № 2. ст. 198. — Текст: непосредственный.
3. Адоевская, О. А. Проблемы реализации принципа гуманизма в отношении женщин, осужденных к лишению свободы / О. А. Адоевская. — Текст: непосредственный // Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. — 2019: Саратов: Саратовская гос. юридическая академия, 2019. — с. 3–5.
4. Ежова, О. Н. Особенности личности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы / О. Н. Ежова. — Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института. — 2019. — № 5. — с. 127–134.
5. Ильина, С. Е. Психологическое отношение женщин к к изоляции в период отбывания наказания в виде лишения свободы / С. Е. Ильина. — Текст: непосредственный // Томский гос. университет. Бюллетень науки и практики. — 2019 — № 7. — с. 332–336.
6. Старков, О. В. Наказание: уголовно-правовой и криминопеналогический анализ. Монография / О. В. Старков, С. Ф. Милюков. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 461 с. — Текст: непосредственный.
7. Чупина, М. А. Исправительное воздействие в отношении женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы / М. А. Чупина. — Текст: непосредственный // Бюллетень науки и практики. — 2018. — № 6. — с. 285–290.
8. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. — Текст: электронный // Официальный сайт ФСИН РФ: [сайт]. — URL: [http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka %20lic %20sodergahixsya %20v %20IK/](http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka_%20lic%20sodergahixsya_%20v_%20IK/) (дата обращения: 20.03.2020).

Порядок усыновления и передачи ребенка в приемную семью

Дукова Дисана Артуровна, студент

Научный руководитель: Гелиева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Цель представленной работы — исследование порядка усыновления и передачи ребенка в приемную семью. Методология исследования — анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического опыта.

Ключевые слова: усыновление, ребенок, передача ребенка, приемная семья, усыновитель.

Procedure for the adoption and transfer of a child to a foster family

The purpose of the presented work is to study the procedure for adopting and transferring a child to a foster family. Research methodology — analysis of scientific literature on a given problem, as well as practical experience.

Keywords: adoption, child, transfer of child, adoptive family, adoptive parent.

Порядок усыновления ребенка установлен в соответствии со ст. 125 СК РФ. Ч. 1 ст. 125 указанного закона производится на основании решения суда, который принимает заявление к рассмотрению с требованием об удовлетворении вопроса об усыновлении. Судебные процессы по делам с усыновлением проходят при участии прокурора, представителей органов опеки и попечительства, самих усыновителей. Ч. 2 ст. 125 СК РФ предусматривает использование в качестве правового основания для усыновления положительного заключения со стороны органов опеки и попечительства.

Что касается порядка передачи детей на усыновление, то он установлен в соответствии с ФЗ-94 от 1998 г. ч. 3 ст. 125 СК РФ предусматривает возникновение прав и обязанностей у усыновителя с момента вступления в законную силу судебного решения по вопросу усыновления. При вынесении положительного решения судом оно направляется в ЗАГС для регистрации. Как и любое действие, связанное с изменением гражданского состояния, процесс усыновления подразумевает прохождение государственной регистрации в органах ЗАГСа [1].

Трудности у приемных родителей могут возникнуть на этапе передачи ребенка, в особенности речь идет о тех случаях, когда у ребенка нет желания обрести новую семью или его ближайшим окружением создаются препятствия для усыновления. В этом случае при наличии положительного решения суда оно передается на принудительное исполнение в службу судебных приставов. И уже задачей судебных приставов будет установление местонахождения ребенка и его передача в приемную семью. Возьмем интересный пример из судебной практики, который связан с отрицательным заключением органов опеки и попечительства, попыткой его обжалования в судебном порядке [2].

Так, в рамках рассмотрения дела № 2–835/2020 в Ухтинском городском суде (республика Коми) судьей было принято решение по заявлению истцов, требовавших

признать отрицательное заключение органов опеки и попечительства незаконным. Заседание было проведено в закрытом режиме, в ходе него было рассмотрено исковое заявление О. Лосевой и А. Лосева, ответчиком по иску выступила администрация МОГО «Ухта». В суде было установлено, что 15.10.19 г. администрация МОГО «Ухта» вынесла отрицательное заключение по вопросу возможности усыновления ребенком О. Лосевой и А. Лосевым, что и явилось поводом для них для обращения в суд. В своем иске заявители указали на его незаконность. В суде истцы на удовлетворении требований настаивали, дали пояснения, что сейчас проживают в квартире матери О. Лосевой. Мать О. Лосевой имеет пожилая, сама О. Лосева инвалид, для передвижения использует ходунки, может себя самостоятельно обслуживать, однако в некоторых делах ей требуется помощь. О. Лосева вступила в законный брак в 2017 г., решила создать с супругом полноценную семью — завести мальчика и девочку. Представитель от администрации искивые требования не поддержали. Свидетель Е. А. (замначальника отдела выявления, устройства и осуществления надзора Управления опеки и попечительства) пояснила, что для проверки возможности усыновления был осуществлен выход на дом. Истцы не берут на себя ответственность, считают, что в ходе разговора с представителями опеки и попечительства их обвинили в отсутствии образования. Истцы проживают с матерью, которая не может оказывать помощь в воспитании ребенка. В самой квартире чисто, истцы ухаживают за матерью, та не возражает, чтобы в квартире проживал маленький ребенок. Материальное положение у истцов хорошее, однако у О. Лосевой только 7 классов образования. У О. Лосевой и А. Лосева в ходе проверки были проверены документы и подтверждено наличие инвалидности 3-й группы у обоих. Исходя из этого, комиссией было сформулировано отрицательное заключение ввиду невозможности усыновителями дать все, что нужно ребенку.

В ходе судебного разбирательства судья указал, что ч. 1 ст. 123 СК РФ предусматривает передачу детей без попечения в семью на воспитание в результате осуществления процедуры усыновления (удочерения) или же под опеку и попечительство или в патронатную семью, при отсутствии такой возможности ребенок передается в организацию для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения. Ч. 1 ст. 124 СК РФ рассматривает усыновление как приоритетную форму устройства детей, оставшихся без попечения. Усыновление осуществляется при условии его проведения в интересах ребенка и при наличии условий для его всестороннего развития. В суде было установлено, что семья имеет стабильный доход за счет работы А. Лосева, О. Лосева получает пенсию по инвалидности.

Жилищные условия для ребенка являются благоприятными. В отношении истцов нет информации по

фактам их уголовного преследования или привлечения к ответственности. Результаты медосвидетельствования от 20.09.19 г. указывают на то, что у истцов нет заболеваний, при которых бы им могло быть отказано в возможности усыновления ребенка. Судьей исследованы основания ст. 127–128 СК РФ, по которым заявители не могут быть усыновителями, установлено, что под эти основания истцы не попадают. Органы опеки и попечительства не представили документов, по которым можно бы судить о наличии оснований для исключения возможности усыновления А. Лосевым и О. Лосевой ребенка. Также суд указал в своем вердикте на то, что будущие родители прошли обучение в школе приемных родителей. С учетом изложенного суд постановил исковые требования истцов А. Лосева и О. Лосевой удовлетворить, признание решение Управления опеки и попечительства незаконным [4].

Литература:

1. Абрамов, В.И. Права ребенка и их защита России: общетеоретический анализ: дис... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2017. — 455 с.
2. Головин, Р.Б., Шумова К.А. Отмена усыновления в правовом и психологическом аспекте: отечественный и международный опыт // Бюллетень науки и практики. Т. 4. № 12. — с. 553–559.
3. Дорошенко, Т.Н. Процессуальные особенности отмены усыновления // Вестник Новгородского филиала РАН-ХиГС. 2019. Т. 9. № 1–1. — С. 14–19.
4. Решение № 2–1187/2020–1187/2020–М-532/2020 М-532/2020 от 27 февраля 2020 г. по делу № 2–1187/2020
5. Шкилева, Н.Л. Отмена усыновления (удочерения): проблемы практического применения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1–10. — с. 134–136.

Проблемы правового регулирования лишения специального права как меры административного наказания

Думаревская Светлана Вячеславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Дюкарев Валерий Васильевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет

В статье раскрываются проблемы правового регулирования лишения специального права как меры административного наказания.

Ключевые слова: лишение специального права, мера административного наказания.

Problems of legal regulation of deprivation of special right as a measures of administrative penalty

The article reveals the problems of legal regulation of deprivation of special rights as a measure of administrative punishment.

Keywords: deprivation of a special right, a measure of administrative punishment.

Виды наказаний, которые предусмотрены в Кодексе Российской Федерации об административных право-

нарушениях [2], образуют в своей совокупности систему административных наказаний.

Следует подчеркнуть, что значение системы наказаний крайне важно, в частности, для обеспечения справедливости наказания, что может быть достигнуто путем наличия в законодательстве различных видов наказаний, которые различаются друг от друга по степени их тяжести, а также по характеру таких прав.

Говоря о лишении физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права, следует заметить, что нормы части 1 статьи 1.1. КоАП РФ содержат положения о том, что законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и законов субъектов РФ об административных правонарушениях, принимаемых в соответствии с КоАП РФ.

Из анализа законодательства РФ можно сделать вывод о том, что и другие федеральные законы могут регулировать лишение специального права, в том числе в отношении как физических, так и юридических лиц. В частности, пункт 2 статьи 13 Федерального закона РФ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3] устанавливает, что «если в установленный судом, а также должностным лицом федерального органа исполнительной власти, который исполняет государственный контроль и надзор в области безопасного ведения работ, связанных с пользованием недрами, промышленной безопасности и безопасности гидротехнических сооружений, срок административного наказания в виде административного приостановления деятельности и приостановления действия лицензии или в установленный лицензирующим органом срок исполнения вновь выданного предписания лицензиат не устранил грубое нарушение лицензионных требований, лицензирующий орган обязан обратиться в суд с заявлением об аннулировании лицензии». Из этого следует, что ряд федеральных законов устанавливают случаи лишения юридических лиц специального права, что противоречит законодательству об административных правонарушениях, так как КоАП РФ не предусматривает такую возможность.

Поэтому считаем, что существуют два пути решения данной проблемы.

Первый состоит в том, чтобы добавить в ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ положение о том, что законодательство об административных правонарушениях состоит не только из КоАП РФ и законов субъектов РФ об административных правонарушениях, но и иных федеральных законов.

Второй состоит в том, чтобы предусмотреть возможность назначать такое административное наказание, как лишение специального права, не только в отношении физических, но и юридических лиц.

Согласно данным, представленным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ [7], в 2019 г. судами были рассмотрены дела об административных правонарушениях в области дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ) в отношении 1032300 лиц. Из общего числа принятых решений 68608 постановлений по делам об административных правонарушениях в качестве основ-

ного наказания предусматривали лишение специального права (управления транспортным средством определенного вида) и 319022 постановления — лишение специального права (управления транспортным средством определенного вида) в качестве дополнительного наказания. Исходя из сказанного, можно считать актуальным мнение С. Н. Шаклеина о том, что в судебных решениях обычно дается лишь общий вывод: «учитывая все обстоятельства дела и характер правонарушения, суд решил...» [5, с. 42] в которых имеет место ссылка на ст. 26.11 КоАП РФ.

Таким образом, в последней редакции КоАП РФ представлены административные правонарушения, наказание по которым оказывает недостаточное воздействие на правосознание потенциальных правонарушителей, а в определенных ситуациях позволяет избежать административной ответственности. А этот факт отрицательно влияет на соблюдение административных запретов, поэтому способствует формированию высокого уровня правового нигилизма [6, с. 37].

Следует подчеркнуть, что административные правонарушения, которые предусматривают санкцию в виде лишения специального права в указанных выше сферах общественных отношений, и социальная значимость их последствий традиционно находятся во внимании у законодательной власти и научного сообщества. В частности, такой автор, как Ю. А. Тихомиров, замечает, что существуют проблемы в правотворческой и правоприменительной деятельности. Указанный автор пишет, что «даже тщательно выстроенный механизм последнего не гарантирует последовательной, корректной и глубокой реализации правовых принципов и законов» [4, с. 60].

Необходимо отметить, что лишение специального права назначается исключительно судьей и только в отношении физических лиц. Такой строгий судебный порядок служит целям административного наказания в виде лишения специального права и призван усилить гарантии лица от произвола государства, и предусматривает спор между государством и личностью о фактических обстоятельствах случившегося, следовательно, исполнение такого вида наказания — значимый и ответственный процесс. Если мы обратимся к части 1 статьи 3.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях, то мы увидим определение лишения специального права, которое дает КоАП РФ, а именно: «лишение физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ». Статья 32.5. КоАП РФ содержит перечень органов, исполняющих постановления о лишении специального права. Постановление судьи о лишении права управления транспортным средством, за исключением трактора, самоходной машины и других видов техники, исполняется должностными лицами органов внутренних дел. Как следует из указанной статьи, административное наказание в виде лишения

специального права проявляется в ограничении субъективных прав физического лица в сфере административно-разрешительной системы. Это следует из самого понятия «специального права», которое содержит в себе особые возможности, предоставляемые лицу государством. При этом, контроль государством реализации лицом своих специальных прав, предоставляемых ему государством напрямую связан с защитой «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», поскольку неправомерное использование специальных прав потенциально способно причинить вред значимым общественным ценностям.

Таким образом, действующее законодательство нуждается в совершенствовании, в частности, необходимо добавить в ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ положение о том, что законодательство об административных правонарушениях состоит как из КоАП РФ и законов субъектов РФ об административных правонарушениях, так и из иных федеральных законов; также необходимо в законодательстве предусмотреть возможность назначения лишения специального права не только в отношении физических, но и в отношении юридических лиц; кроме того, в целях предупреждения и выявления серьезных правовых коллизий в системе охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности требуются регулярный мониторинг и модернизация юридической практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Федеральный закон от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 31.07.2020) // «Собрание законодательства РФ», 09.05.2011, N 19, ст. 2716.
4. Тихомиров, Ю. А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1. с. 59–62.
5. Шаклеин, С. Н. К вопросу выбора вида и размера (срока) административных наказаний, назначенных за совершение административных правонарушений в области дорожного движения // Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1 (29). с. 40–44.
6. Якимов, А. Ю. Установление и применение административного наказания в виде лишения специального права (разновидности данного наказания и их особенности) // Административное право и процесс. 2015. N 6. с. 32–40.
7. <http://www.cdep.ru/>

Система страхования вкладов как правовое явление

Емельянов Илья Владимирович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена выяснению понятия «система, страхование вкладов». Защита финансовых интересов вкладчиков и поддержания стабильности банковской системы является целью создания и функционирования систем обеспечения возмещения вкладов неплатежеспособных банков в мире. Автор прибегает к сравнительной характеристике правового регулирования систем страхования вкладов (по отдельным вопросам) некоторых стран постсоветского пространства.

Ключевые слова: системы страхования/гарантирования вкладов / депозитов, банковский вклад/депозит, вкладчик — инвестор, неплатежеспособности (банкротстве) банка, вывода неплатежеспособного банка с рынка.

Deposit Insurance System as a Legal Phenomenon

Emelyanov Ilya Vladimirovich

The article is devoted to clarifying the concept of «system, deposit insurance». Protecting the financial interests of depositors and maintaining the stability of the banking system is the goal of creating and operating systems to ensure the reimbursement of deposits

of insolvent banks in the world. The author resorts to a comparative characteristic of the legal regulation of deposit insurance systems (on specific issues) in some countries of the post-Soviet space.

Keywords: *insurance / guarantee systems of deposits / deposits, bank deposit / deposit, depositor — investor, insolvency (bankruptcy) of a bank, withdrawal of an insolvent bank from the market.*

Постановка проблемы. Одним из наиболее важных социальных задач современности исследователи определяют защиту финансовых интересов граждан [1, 2]. Среди них отдельной группой выделяются банковские вклады / депозиты, за счет которых формируется значительная часть банковского капитала, необходимого для осуществления банковской деятельности. Этот капитал размещен в активные банковские операции и находится под риском потери. Накопление в банковском учреждении рисков деятельности может привести ухудшение ее финансового состояния, в свою очередь, вызывает проблему возврата вкладов, которая особенно остро стоит перед банком и его вкладчиками в случае неплатежеспособности (банкротства) банка. Одним из путей решения этой проблемы стало создание в государствах мира систем страхования / гарантирования вкладов / депозитов. В основу действия каждой такой системы возложена защита интересов массового вкладчика-инвестора, который не имеет необходимых знаний и возможностей для самостоятельной оценки рисков при размещении средств [3, 4]. Распространение этих систем миром дает основания считать их актуальным способом защиты интересов вкладчиков [5].

Проблематика исследований по функционированию систем страхования / гарантирования вкладов/депозитов формируется специалистами различных областей знаний — экономистами, юристами, специалистами по вопросам государственного управления, социологами — и довольно широкой. Среди отечественных исследователей к ней обращались К.А. Алексейчук, С.М. Аржевитин, Я.А. Берназюк, А. Бобанич, Н. Галапуп, Н.Е. Златина, Н.Г. Кравченко и другие. Законодательную составляющую как легальную основу регулирования этих общественных отношений принимают во внимание все исследователи, независимо от сферы их научно-практического интереса, но как правовое явление система страхования вкладов остается малоисследованной. В стабилизации экономических отношений, отмечают ученые, необходимую роль объективно выполняет правовая система, которая непосредственно влияет на них через такие свои элементы, как законодательство и практика его применения [7]. Общественное явление «система страхования / гарантирования вкладов/депозитов (далее — система гарантирования вкладов или система страхования вкладов), которое в первооснове является экономическим, одновременно выступает и объектом правового регулирования.

Целью данной статьи является выяснение понятия «системы гарантирования вкладов» как правового явления. С этой целью будет интересно обратиться к законодательству отдельных стран постсоветского пространства, в которых

системы гарантирования вкладов, начали функционировать недавно, но уже привлекли внимание исследователей положительными сдвигами в регулировании этой сферы общественных отношений. Так, исследуя историю становления и развития системы гарантирования банковских вкладов в Республике Беларусь, М.И. Бухтик резюмирует, что в стране сформирован полностью новую систему, направленную на защиту прав вкладчиков, а ее особой характеристикой указывает порядок формирования гарантийного фонда — с 201080% прибыли Национального банка Республики будут ежегодно направляться в резерв государственного учреждения «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц» [8]. Положительную оценку российской системе страхования банковских вкладов предоставляет А.В. Турбанов, который через год с момента ее создания констатирует, что появление в банковских вкладах такой опции, как их страхования представителем государства, ощутимо изменила отношение к банковской системе страны, вкладчики перестали спешить по вкладам, из газет стали исчезать темы обманутых вкладчиков [9]. Такую оценку подтверждено Международной ассоциацией страховщиков депозитов, которая в 2013 удостоила российское Агентство по страхованию вкладов почетного звания «Страховщик депозитов года» [10]. Положительным отметили российские ученые и опыт Республики Казахстан, где комплекс мероприятий в создании системы страхования депозитов привел к повышению доверия населения к банковской системе Республики, которая практически не почувствовала влияния последнего мирового финансового кризиса [21].

Исследуя систему страхования вкладов, некоторые ученые обращаются к ее определению Международной ассоциацией страховщиков депозитов (далее — МАСД) как системы, которая защищает интересы вкладчиков в случае банкротства банка-участника [12]. Очевидно, что это определение не является правовым дефиницией, содержание понятия «система страхования» не раскрыто, к тому же в нем допущено тавтологию. Его сущностное нагроулки — в подчеркивании специального статуса (назначение) системы, в определении цели ее создания и функционирования в прямой связи с банкротством банка, что вполне соответствует цели деятельности МАСД, которая представляет собой форум для страховщиков депозитов, центральных банков и международных организаций, целями которого является улучшение системы страхования депозитов и банковских систем регулирования, широкое сотрудничество по вопросам достижения мировой финансовой стабильности. Деятельность МАСД воплощается в разработке и распространение миром определенных ре-

комендаций, принципов для построения и развития эффективных систем страхования [3]. Правовое регулирование системы страхования вкладов составляет сферу национальных законодательств, на этом прямо заявляют основополагающие принципы для эффективных систем страхования депозитов, разработанные в 2009 совместной рабочей группой Базельского комитета по банковскому надзору и Международной ассоциации страховщиков депозитов, в частности в них подчеркивается, что эффективная система страхования депозитов должна основываться и на построенной должным образом и эффективно функционирующей правовой системе, которая предполагает наличие коммерческого законодательства, включая законы о корпорациях, банкротстве, контракты, защита потребителей и частной собственности [8].

Выяснение понятия любого правового явления может происходить в двух плоскостях — как правовой категории и как категории права (категории законодательства), которые в теории права не отождествляются. Так, Н. М. Пархоменко отмечает, что различное сочетание двух слов передает определенный понятийный смысл. Если правовые категории — это научные понятия, выступают инструментом научного мышления и служат отражению объективной сущности правовых явлений, то категории права — это объективирован путем формального закрепления в правовом акте признаки общественного явления, которые выходят за пределы представлений и получают общественно юридическое значение, они являются компонентами правовой нормативной структуры, инструментом правового регулирования. Категории права формируют определения нормативно-правовых актов, правовых обычаев и т. п. [5].

Выяснение правовой категории «система страхования вкладов» прежде всего предполагает определение ее определенным элементом права с определенным местом в правовой системе. А. А. Вишнеvский определяет ее институтом банковского права, который своим возникновением «обязан» другому институту банковского права — банковскому вкладу (депозиту), который в современных условиях выступает в трех аспектах: в качестве традиционной банковской операции; в качестве вида деятельности, разрешенного тем организациям, которые имеют лицензию на осуществление банковской деятельности; в качестве объекта специального правовой защиты в рамках системы гарантирования возврата депозитов. Согласно этим аспектам правовой институт «вклад (депозит)» структурно включает три составляющие — статусную (правовой статус субъектов банковской депозитной операции), содержательную (права и обязанности субъектов договора банковского вклада) и эндогенную, которая представляет собой системы (схемы) гарантирование (страхование) возврат вкладов. Термин «эндогенный» относительно институтов банковского права означает вспомогательный институт, основной целью которого для такой банковской операции, как вклад, является миними-

зация основного риска — невозврата размещенных в банке средств [6]. Учитывая публичный характер резервной системы, элементом которой является АСВ, Н. Г. Кравченко предложено теоретическое обоснование выделения правового института банковского резервирования как такого, что объединяет финансово-правовые нормы и входит как субинститут к сфере банковского права в той его части, подпадает под финансово-правовое регулирование и относится к предмету исследования системы науки финансового права [8]. А. Н. Харченко определяет систему гарантирования межотраслевым институтом, неразрывно сочетает в себе публично-правовые и частно-правовые принципы [9]. На наш взгляд, систему гарантирования вкладов можно определить публично-правовым институтом банковского права (последнее Ю. В. Ващенко вполне обоснованно определяет комплексным межотраслевым институтом [30]), превалирующим способом регулирования которого является метод властных предписаний, хотя не исключается и применение диспозитивного метода, а за счет кредитов, целевых займов (договорные отношения), благотворительных взносов, грантов и т. д.)

Вторым аспектом исследования системы страхования вкладов, как правовой категории, на наш взгляд, должно быть толкование термина «система» и установления его содержания. В словарях термин «система» дается много определений, мы приведем такое, которое, считаем, имеет универсальный характер: система — совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и которая создает определенную целостность, единство [3]. Определяя национальные системы страхования вкладов внутренним механизмом сдерживания изъятие из банков вкладов, А. В. Турбанов подчеркивает, что не существует единой универсальной схемы их построения и функционирования, особенности организации системы страхования вкладов в стране зависят от структуры банковской системы, особенностей национального законодательства и степени государственного регулирования деятельности кредитных организаций [33]. Не отрицая правильности этого утверждения, тем не менее, считаем, что можно выделить элементы, характерные для всех систем страхования вкладов, совокупность которых делает эти системы целостным и целевым правовым механизмом защиты прав и интересов банковских вкладчиков. К ним мы бы отнесли следующие элементы: законодательная деятельность государства по установлению, изменению, отмене системы страхования вкладов; цель создания системы и принципы ее построения; правоотношения в сфере страхования вкладов (объекты, субъекты, содержание) правовой механизм функционирования системы, состоящий из порядка формирования резервного фонда системы и порядка его использования, осуществления системой других процедур, определенных ее функциями; контроль за деятельностью системы и юридическая ответственность за нарушение законодательства в сфере страхования вкладов.

Литература:

1. Адамчук, Н. Г. Возможные пути совершенствования систем обязательного страхования вкладов / Н. Г. Адамчук, В. И. Зимовцев // *Страховое дело*. — 2016. — № 12. — с. 18–23.
2. Асташкина, С. А. Специфика функционирования современной системы обязательного страхования вкладов // *Общество: политика, экономика, право*. — 2017. — № 1. — с. 88–90.
3. Баева, Е. А. Страхование вкладов: опыт применения на примере ОАО Сбербанк России // *Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ*. — 2016. — № 3. — с. 1–4
4. Базилевич, В. Сбережения и их страховую защиту в структуре инвестирования [Текст] / В. Базилевич, С. Волосович // *Банковское дело*. — 2017. — № 6. — с. 54–57.
5. Бакун, А. Страхование вкладов — составляющая финансовой стабильности [Текст] / А. Бакун // *Финансовый вестник*. — 2019. — № 7. — с. 48–50.
6. Бухтиарова, А. Г. Особенности функционирования систем обязательного страхования вкладов: международный опыт / А. Г. Бухтиарова // *Экономическое пространство*. — 201+. — № 90. — с. 128–138.
7. Волосович, С. Сфера обязательного страхования депозитов: опыт США и возможности его адаптации в России / С. Волосович, В. Тринчук // *Финансовые услуги*. — № 1. — 2017. — с. 32–33.
8. Голодова, Ж. Г. Совершенствование системы обязательного страхования депозитов / Ж. Г. Голодова // *Финансы*. — 2018. — № 5. — С. 48–52.
9. Дмитриев, И. В. Направления повышения доверия в банковском секторе и развития системы обязательного страхования банковских вкладов граждан в России // *Вестник МГИМО Университета*. — 2019. — № 1. — с. 158–161.
10. Дьяченко, Е. М., Босых А. И. Правовое регулирование банковского вклада в России и странах ЕС // *Теория и практика общественного развития*. — 2017. — № 18. — с. 114–117.

Об участии России в международном автоматическом обмене финансовой информацией

Ермоленко Алина Александровна, студент магистратуры
Курский государственный университет

В статье анализируются ключевые аспекты международного автоматического обмена финансовой информацией и место России в этом процессе.

Ключевые слова: CRS МСАА, автоматический обмен, ОЭСР.

12 мая 2016 года в ходе Форума Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) по налоговому администрированию в Пекине Россия подписала Многостороннее соглашение компетентных органов (Multilateral Competent Authority Agreement — МСАА), присоединившись таким образом к международному автоматическому обмену финансовой информацией. Суть данной инициативы ОЭСР заключается в следующем: банки (и другие финансовые учреждения, имеющие высокий уровень риска быть использованными для ухода от уплаты налогов) ежегодно передают национальным налоговым органам данные о своих вкладчиках-нерезидентах, а налоговые органы направляют эту информацию коллегам из страны налогового резидентства вкладчика. Благодаря этому налоговые органы могут проконтролировать, что налогоплательщик задекларировал все свои доходы независимо от места их происхождения и хранения. Получив всю необходимую информацию, налоговый орган может сопоставить ее с

данными, указанными в декларации, и, в случае необходимости, доначислить неуплаченные налоги.

МСАА определяет правовой режим автоматического обмена информацией в соответствии с Единым стандартом отчетности (Common Reporting Standard, CRS). Обмен по Стандарту CRS может основываться и на других соглашениях (например, на директивах ЕС), однако МСАА имеет наибольшее число участников благодаря своей универсальности. До появления CRS МСАА обмен информацией мог осуществляться по индивидуальному запросу, либо инициативно (ст. 5 и ст. 7 Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам) [1]. Например, если у налогового органа России возникали подозрения в отношении налогоплательщика в ходе его проверки, то в отношении него запрашивалась информация у коллег из иностранных государств. Таким образом, обмен финансовой информацией осуществлялся только в отношении тех лиц, насчет которых у налогового органа уже имелись подозрения, то есть имел выборочный характер. CRS

МСАА позволяет налоговому органу в автоматическом режиме получать целый массив данных о счетах своих резидентов, открытых в странах — партнерах по обмену. Это исключает возможность того, что кто-то из лиц, не декларирующих свои доходы от зарубежных источников, выпадет из поля зрения налоговых органов.

Обмен начинается с того, что банки и иные финансовые институты с высоким уровнем риска злоупотребления направляют информацию о подотчетных счетах (Reportable Accounts) в налоговые органы своей страны. Исчерпывающий перечень сведений, подлежащих обмену, закреплен в п. 2 ст. 2 МСАА и включает данные подотчетного финансового учреждения, в котором открыт счет, имя и иные идентификационные данные держателя счета (контролирующего лица), номер счета, баланс и данные о движении средств за отчетный период [2]. Иная имеющая значение для налоговых органов информация, например, об источнике происхождения денежных средств или о назначении платежей, не может быть получена налоговыми органами в автоматическом режиме, но может быть получена ими по запросу.

В соответствии с CRS некоторые финансовые учреждения (международные организации, правительственные органы и их фонды, центральные банки и т. д.) освобождены от обязанности собирать и передавать финансовую информацию, так как не признаются финансовыми институтами с высоким риском злоупотребления. CRS позволяет странам-участницам дополнить этот список. Россия воспользовалась этой возможностью, установив перечень из пятнадцати организаций [3].

Какие же критерии делают счет «подотчетным», вследствие чего данные о нём попадают под автоматический обмен? Подотчетными являются счета, держателями которых выступают:

— подотчетное лицо (Reportable Person) — физическое или юридическое лицо, являющееся резидентом «подотчетной» юрисдикции;

— пассивная нефинансовая организация (Passive NFE), если её контролирующее лицо (лица) являются резидентами «подотчетной» юрисдикции.

CRS не даёт определения «пассивной» компании, однако содержит ряд критериев для определения «активной». Обобщая их, можно резюмировать, что к «активным» относятся компании с преобладанием доходов от «активной» деятельности, например, от торговли. Соответственно, к «пассивным» относятся организации с преобладанием «пассивных» доходов, таких, как арендная плата, дивиденды, роялти и прочее. Что касается понятия контролирующего лица (Controlling Person), то для его определения CRS ссылается на термин «бенефициарный владелец», даваемый в Рекомендациях ФАТФ (Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денежных средств) [4]. В Рекомендациях под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо (лица), которое в конечном счете владеет пассивной нефинансовой организацией или контролирует её, и/или физическое лицо, в чьих интересах совершается сделка [5, с. 159].

Число юрисдикций, осуществляющих автоматический обмен финансовой информацией с Россией, постоянно растет, оставляя недобросовестным налогоплательщикам все меньше возможностей для вывода прибыли за рубеж. Так, по состоянию на август 2020 года Россия автоматически направляет финансовую информацию 70 юрисдикциям, а получает от 97 [6]. Особо значим тот факт, что в обмене с нашей страной участвует немало офшоров и низконалоговых юрисдикций, таких как Люксембург, Кипр, Каймановы острова и другие. С внедрением автоматического обмена финансовой информацией использование офшоров становится невыгодным для налогоплательщика, так как затраты на создание реального присутствия бизнеса в стране, куда «выводится» прибыль, могут оказаться выше прибыли от экономии на налоговых платежах.

Литература:

1. «Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам» (Страсбург, 25.01.1988) // Бюллетень международных договоров, 2016, № 4.
2. DECLARATION // OECD: [сайт]. — URL: <http://www.oecd.org/ctp/exchange-of-tax-information/multilateral-competent-authority-agreement.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Постановление Правительства РФ от 16 июня 2018 г. № 693 «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)» // Собрание законодательства РФ, 25.06.2018, № 26, ст. 3858.
4. Guidance for Financial Institutions Requesting the Form // OECD: [сайт]. — URL: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/crs-implementation-and-assistance/CRS_CONTROLLING_PERSONS_Self-Cert_form.pdf (дата обращения: 20.11.2020).
5. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. — М.: Вече, 2012—176 с.
6. Activated Exchange Relationships for CRS information // OECD: [сайт]. — URL: <https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships/> (дата обращения: 20.11.2020).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 48 (338) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 09.12.2020. Дата выхода в свет: 16.12.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.